

8-й том
КОНАН

КОНАН И КРАСНОЕ БРАТСТВО

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СТИХИИ 1	КОНАН И БОГИ ТЫМЫ 2	КОНАН И МЕЧ КОДУУЦА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ 4	КОНАН И ПЕРВЫЕ ПЕЩЕРЫ 5	КОНАН И ПЕСНИ СЛОЗОВ 6	КОНАН И НЕВЕЩАЯ СЕКИРА 7	КОНАН НА ДОРОЖЕ КОРОЛЕЙ 8	КОНАН ПРЕВЫМАЕТ БОИ 9
КОНАН И КАРУСАЛ БОГОВ 10	КОНАН И ДАР МИТРЫ 11	КОНАН И ПОЧЕМУ КАЛНИКИ 12	КОНАН И ГРОТ ДАНОМЫ 13	КОНАН И ВЕРИ ГРЕДАНТЫ 14	КОНАН И КРЕМЬ КААКРО СТРЕЛА 15	КОНАН И ЦЫСЫ ВОЙНЫ 16	КОНАН И ТАЛСМАН ЛАА 17	КОНАН И БЕРИ НЕРТАЛА 18
КОНАН И ГОРОД ПЛАВНЫХ ДУШ 19	КОНАН И ИСТОРИИ СУДЕБ 20	КОНАН И СЕРДЦЕ АРИМАНА 21	КОНАН И БАТРОВОЕ ОКО 22	КОНАН И ПЕРВЫЕ ПРОКЛЯТИЯ 23	КОНАН И ВОЕДИСТВО АРАКА 24	КОНАН ВАРВАР ИЗ КИММЕРИИ 25	КОНАН И РЫЖИЙ ВСТРЕБ 26	КОНАН И ЦАД В ВОИ БЕЗДНЫ 27
КОНАН И ЗАГОВОР ТЕЙЕЙ 28	КОНАН И КОПЬЕ КРОМА 29	КОНАН И ВРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН И ЛАМАНН ЛАБИРИНТ 31	КОНАН И РЕКА НАОМ 32	КОНАН И ЧАША ВЕСМЕРТНО 33	КОНАН И ЛЕДЯНОЙ СТРАЖ 34	КОНАН И ТОРГОВЦЫ ПРЕЗАМИ 35	КОНАН И АТАРЬ ПОБЕДЫ 36
КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ 37	КОНАН И ПОКОРЕНА ПЛОТИ 38	КОНАН И БЕРЕГ ПРОКЛЯТЫХ 39	КОНАН И ОКОМЫ ВЕЗМОЛВИИ 40	КОНАН И КААКРО НЕБЕС 41	КОНАН И ДРЕВО МИГОВ 42	КОНАН И КОАЛДЖО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЫМЫ 45
КОНАН И ГНЕВ СЕТА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ 48	КОНАН И ПОДРАЖАНИЕ ОГНЯ 49	КОНАН И ЗАПОВЕДИ ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН И КАЛИМО ЗМЕЯ 51	КОНАН И ХОЗЯИН ОКЕАНА 52	КОНАН И КОРОНА МИРА 53	КОНАН И ПОСЛАНИЕ СВЕТА 54
КОНАН И СПЯЩЕЕ ЗАО 55	КОНАН И ЗВЕЗДЫ ШАДЗАРА 56	КОНАН И СКАП ХАОСА 57	КОНАН И ЖРЕЦ ТАРИМА 58	КОНАН И СВИТОК ПЯТИ 59	КОНАН И КОВАКУЛ МЕДИИ 60	КОНАН И ТИГРЫ ХАЙБОРИИ 61	КОНАН И ВСАДНИК БУРИ 62	КОНАН И САД ИСПАНИИ 63

КОНАН И КРАСНОЕ БРАТСТВО

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
МОСКВА • Санкт-Петербург • 2006

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)
К64

Серия «Конан» основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

*Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги
или любой ее части, в любой форме,
в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.*

*В оформлении обложки использованы
фрагменты работы Ken Kelly*

Подписано в печать 3.10.05. Формат 84×108¹/₃₂.
Усл. печ. л. 23,52. Тираж 8000 экз. Заказ № 2665.

**Конан и Красное братство : [сборник] — М.: АСТ;
К64 СПб.: Северо-Запад Пресс, 2006. — 437, [11] с. — (Конан).**

ISBN 5-17-031828-6 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93698-274-2 («Северо-Запад Пресс»)

Конан-кимериец скитается по свету в поисках приключений.
Он охотится на загадочных чудовищ, воюет с колдунами и лекро-
мантами от Велланд до Кхитая и восстанавливает справедливость по
всей Хайбории, спасая невинных и карая Зло.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 2006
© С. Шикин, оборот, 2006
© «Северо-Запад Пресс», составление и
подготовка текста, 2006

Город кошек

В юго-западу от Замбулы, там, где Стикс изгибается, словно хвост Ханумана, стоит город, о котором не знает большинство географов и который принято считать выдумкой измученных пустыней путешественников. Ибо город возникает из песка столь неожиданно, что похож на мираж, и глубина прохладной тени на его улицах заставляет считать ее нереальной. Вместо собак по улицам этого города бродят кошки, а башни его столь высоки, что, говорят, в хорошую погоду можно увидеть берег Западного моря.

И к этому городу, называя его Хатор, идут тайные караваны из Кешана и Пунта. Жители города заключили с торговцами договор, по которому никому другому нельзя называть ни имени города, ни его местоположения. И караванщики строго блюдают договор. Но невозможно вечно

скрывать истину, рано или поздно она тем или иным путем просачивается туда, где ей не положено быть. Так случилось и со скрытым в пустыне городом Хатор.

В месяц раджаб, в день, который шемиты называют субботой и считают днем отдыха, когда нельзя заниматься никакой работой, стояла невыносимая жара. Духота стягивала горло, словно безжалостный наемный убийца удавкой.словно весь мир вокруг был заточен в каменный гроб с синей крышкой неба, на котором не было ни облачка.

В полдень глашатаи посредством медных труб возвестили о том, что ворота города открываются. А как только трубы перестали гудеть, заскрипели тяжелые ворота и послышались вопли погонщиков верблюдов — в город вошел давно ожидаемый караван из Кешлы.

Верблюды шли, будто улыбаясь, с хитрым видом посматривая по сторонам. Кошки шипели на них и выгибали спины, но пустынные животные не обращали на кошек никакого внимания, погруженные в какие-то свои, только им известные думы. Тюки и сундуки на их спинах плавно покачивались в такт движениям. Когда караван полностью прошел в ворота, послышались пронзительно резкие крики погонщиков верблюдов, и животные стали садиться на площади перед воротами. Многочисленные зеваки стояли вокруг, занимаясь тем, чем во всех городах, во все времена, во всех странах занимаются зеваки — глазели.

И на этот раз они действительно увидели не-

что, на что можно было поглазеть. Человека в белой рубаше и красных шароварах, подпоясанных широким кушаком. Так обычно одевались казаки, но вживую никто из жителей Хатора ни одного из них прежде не видел. На боку казака висела огромная кривая сабля, а грива черных волос была заплетена в толстую косу, скрепленную красной тесемкой. Рубаша распахнута на груди, и даже с большого расстояния было заметно, как сильно она вздымается. Купцы подобрали его в пустыне возле павшей лошади, из которой он пил кровь, ибо другого средства спастись от жажды у него не было.

Человек осматривался, и многие зеваки, столкнувшись с ним взглядом, вынуждены были потупить глаза. Ибо цепкий взгляд холодных голубых глаз невозможно было вынести.

Он оглядывал все, что попадало в поле его зрения — дома, лавки, паланкины, одежду, особенно украшения на женщинах, отчего многие красотики смущались, но его это мало волновало. Ибо сейчас он больше интересовался именно украшениями, а не теми, на которых это было надето. Разве что вскользь, просто потому что все-таки был мужчиной, а не каменным истуканом. Впрочем украшения на мужчинах вызывали у него не меньшее любопытство, и в глазах появлялся нехороший хищный блеск.

За долгие годы странствий он привык видеть все мелочи, особенно, когда дело касалось незнакомомго места. Именно они часто играют решающую роль.

Казак соскочил с верблюда и подошел к вождю каравана, который опустился на землю последним. Казак поклонился ему и сказал:

— Джибрил, моя жизнь — твоя.

Эта обычная формула благодарности среди людей пустыни, звучала нелепо в устах черноволосого гиганта, по сравнению с которым Джибрил выглядел ягненком рядом с быком.

— Сядь рядом, Конан. Прежде, чем ты уйдешь, я хочу тебе кое-что сказать, — произнес он и опустился на корточки.

Конан присел в двух шагах от Джибрила и принялся смотреть в том же направлении, что и он. Перед ними были три башни разной высоты, определяющие вертикальный силуэт города. Крыши башен были пусты, а на остальных во множестве виднелись опахала, парусиновые навесы и шесты с развевающимися бумажными лентами, шелест которых должен был отгонять от домов злых духов, носящихся над пустыней.

Джибрил сказал:

— Обычно те, кого мы спасаем, становятся нашими рабами, что естественно, поскольку сами они потеряли свою жизнь, а мы нашли ее. Но ты, Конан, другое дело. Ты не способен быть рабом, ты свободен внутри себя, свободен, даже если тебя заковать в цепи. Ты говорил о том, что иногда становился рабом, но на самом деле этого не было. Когда тебя приковывали цепями в рудниках или на галерах, они приковывали лишь твое тело, они лишали тебя подвижности, но не свободы. Поверь мне, Конан, я перевидал на своем ве-

ку много людей, и многие из них были рабами, многие свободными, но человека твоего духа я никогда прежде не встречал. Ты пройдешь через любые препятствия, даже магические оковы не остановят тебя, только лишь частично и на время. Я сказал, теперь уходи.

Не отвечая, ибо знал, что Джибрил не хочет ничего услышать, Конан поднялся и увидел, что все зеваки, прежде глазевшие на него, смотрят теперь в другую сторону. Он поступил, как все. И увидел девушку. Она шла в окружении полуобнаженных мужчин и женщин, и толпы кошек, которая увеличивалась с каждым ее шагом, ибо все кошки с площади вливались в эту толпу. Они громко мяукали и заглядывали девушке в лицо, словно приветствуя свою богиню.

Она была прекрасна. Длинные черные волосы, мягкие как шелк, струились по ее белым одеждам, обрамляя лицо без малейших следов загара с изящно изогнутыми бровями, чувственными губами и глазами, в которых светился неутолимый огонь страсти. «Лилува, Лилува», — слышался восхищенный шепот вокруг.

— Ты прибыл с караваном? — спросила она казака.

— Да, — ответил он. — Купцы подобрали меня посреди пустыни, когда я уже готовился встретиться со своим прародителем Кромом.

— Как тебя зовут?

— Конан. Конан из Киммерии.

— На тебе странные для киммерийца одежды. Насколько мне известно, так одеваются казаки,

но они так же далеко отсюда, как и твоя Киммерия. Как ты оказался в пустыне?

Конан помрачнел.

— Я сбежал с галеры. Прихватив коня. За мной охотились, и мне пришлось уходить вглубь пустыни. И, пожалуй, я забрался слишком далеко.

— Так ты раб? — презрительно бросила Лилува.

— Я — свободный человек, — сказал Конан, и в голосе прозвучала такая уверенность, что усомниться в его словах было невозможно. — Меня захватили во сне, когда я выпил лишнего, — добавил Конан. — Эти проклятые капитаны галер готовы на любую подлость. Я прибыл в Луксур для торговых переговоров, но не успел ни с кем переговорить, не успел даже выйти из порта.

Лилува скользила взглядом по телу Конана с откровенностью возбужденной львицы.

— Ты прекрасен. Наверное, ты еще прекраснее без этой варварской одежды. Хотела бы я увидеть тебя... И если бы ты был рабом, я бы купила тебя. Но даже если ты раб, сейчас у тебя нет хозяина, и я не могу тебя купить... Только если ты сам согласишься стать моим рабом. Что ты об этом думаешь, казак?

Конан помрачнел. Эта женщина нравилась ему, но он вовсе не хотел становиться ее рабом. Он привык быть господином над женщинами и менять привычки не собирался. От женщины буквально исходили ядовитые миазмы власти. Она пронзала киммерийца таким жалящим взглядом, что у более слабодушного человека подкосились бы колени, и он бы смог вымолвить только то,

что подсказывала женщина, а именно согласиться стать ее рабом.

— Нет, красавица, — сказал Конан, покачав головой. — Я хочу остаться свободным человеком.

— Ты заигрываешь со мной, варвар? Хочешь, чтобы я попросила тебя дважды? — спросила она надменным тоном.

— Принцесса... — сказал он.

— Я не принцесса, я — защитница, — заявила она и повернулась к Конану спиной. Все ее рабы и кошки тоже отвернулись от киммерийца. Он видел затылки, плечи, уши, хвосты — и во всем было презрение.

— Ты изменишь свое мнение, — сказала Лилува. — И очень скоро.

2

От площади перед городскими воротами отходило четыре улочки, но одна особенно привлекла Конана. И не только пестрой толпой, но еще и удивительным запахом, в котором смешались все мыслимые, известные и неизвестные ароматы. Конан направился по ней.

Впереди Конана шли три женщины с пустыми корзинами. Дородные женщины с румяными улыбчивыми лицами и толстыми руками, болтавшие между собой о мясе, рыбе, фруктах и овощах. Они часто оборачивались на казака, переглядывались между собой, и тогда их речи становились тихими и неслышными, а полные зады

начинали двигаться не только по необходимости. Но это длилось лишь несколько мгновений, они быстро забывали об уловках женственности, и снова принимались за кухонные разговоры.

У входа на базар Конана за рукав поймал продавец щербета с лицом, не располагающим ни к чему, тем более, к покупке у него сладкого напитка. У продавца был помятый медный кувшин, висящий у живота на лямках через плечо, и глиняные кружки на веревочках, к которым были привязаны маленькие серебряные колокольчики. Все, как обычно. Однако у него отсутствовал кончик носа, на спине вздымался горб, едва ли не как у верблюда, а на руке, которой он протягивал Конану кружку с напитком, имелся лишний большой палец.

Конан помотал головой и шагнул в сторону. Урод еще больше сторбился и отвернулся.

Другой продавец, уже вполне приятный на вид молодой человек, с лицом женственным, обезображенным только большой родинкой под левым глазом, протянул казаку поднос с жареной саранчой на шампурах.

— Саранча! — несмело сказал он, слегка побаиваясь огромного чужака с саблей. — Вкусно! — И в подтверждение собственных слов съел одно насекомое.

— Да так ты сам съешь свой товар быстрее, чем продашь его! — с усмешкой сказал Конан, да так громко, что парень едва не поперхнулся.

Торговые ряды впечатляли. Фрукты, овощи, мясо, ковры, специи, керамика, бронза и медь,

оружие и ювелирные изделия. Богатый город! И богатые люди, ибо Конан примечал, что за многими следуют слуги, сгибаясь под тяжестью покупок.

Но больше всего Конана заинтересовала одна лавка, за которой стоял расшитый цветами и птицами шатер, с окнами из полупрозрачного шелка, за которым танцевали тени соблазнительных фигур. Они покачивали бедрами, вращали животами, изгибали плечи, становясь в профиль, так что видны были очертания прекрасных грудей. Руки двигались словно змеи. От шатра исходил запах сандала, мускуса и амбры.

Несколько праздных зевак стояли с открытыми ртами и глазели, едва не пуская слюни. За исключением одного маленького сухого старика, опирающегося на посох, согбенного и дрожащего, это были юнцы, ланиты которых пылали даже сквозь обычную для жителей Стигии бронзовость кожи.

Перед шатром стоял крытый парусиновым навесом прилавок, на нем была воздвигнута гора из фруктов, слева от нее сидел большой зеленый попугай, флегматично глядевший на людскую суету, а справа обедал толстый, с заплывшими жиром черными глазками, чернобородый купец. И очень увлеченно. Так увлеченно может обедать только человек, который ценит все тонкости еды, знает ее открытые и скрытые стороны, способен насладиться каждой рисинкой в казане плова. А плов у купца был весьма знатен. Причем, не в одном жалком казане, а в двух. Пользу-

ясь левой и правой горстями, чернобородый господин черпал то из одного, то из другого. Маслянистый взгляд метался, а в складках лица отражалось вожделение.

Даже издали было заметно, что в драгоценных оправах из длинного золотистого риса имеются бриллианты мяса, фасоли, моркови и разваренного чеснока, который он выдавливал в рот целыми головками, — это в одном казане, а в другом — плов украшали не менее десяти сортов разных фруктов.

Заметив приближающегося к нему необыкновенного пришельца в белой рубаше и красных шароварах, купец в первый момент от неожиданности даже забыл о том, что ест. Он застыл с раскрытым ртом, и оттуда медленно и вальяжно, как мелкая рыбка изо рта загарпуненной акулы, вывалился облепленный рисинками кусочек жирного мяса.

Потом купец спохватился и закрыл рот. Зато пошире раскрыл глаза, вперившись в меч Конана. Купец оценил оружие сразу же, и алчность отразилась у него на лице, затмив вожделение — складки сложились иным образом. Кривая улыбка, еще более кривая, чем меч, ничуть не могла скрыть этой алчности, скорее даже только ярче обозначила ее.

— Неплохой меч, — сквозь зубы процедил купец, потянувшись жирными пальцами к эфесу. — Пожалуй, пару серебряных монет я за него дам.

— Меч только вместе со мной, — заявил Ко-

нан. — Мы готовы оказать любую, ну, или почти любую услугу за достойную плату, но не расстаться.

Чернобородый вытер правую руку о ярко расшитый халат и, засунув руку за пазуху, вытащил сосуд для игры в кости и вытряхнул из него четыре кубика. Несмотря на толщину, пальцы его оказались весьма проворными — они со щелканьем быстро покрутили кубики и бросили пришельцу.

Конан поймал кубики.

— Ну что, — сказал купец. — А сыграть? Твой меч против половины моего имущества, включая рабынь? Рабыни цвета слоновой кости и рабыни цвета кофе, рабыни, умеющие извиваться, как змеи, и рабыни, страстные, как кошки? А, чужеземец? Игра ведь благородное дело и любима богами. Даже Гор и Сет играют, хоть и враги.

— Я не поклоняюсь ни тому, ни другому, купец. Твоего имущества мне не нужно, но речь о рабынях заинтересовала меня. Мы сыграем. Только я кину первым.

И Конан, не мешкая, бросил кости на прилавок. Шестерка, пятерка, четверка и тройка. Купец даже не успел ничего возразить. Пальцы его бесцельно крутили сосуд, он открывал рот, как рыба.

— Венус, — сказал Конан.

— Но... — удалось вымолвить купцу. — Мы ведь не успели ни о чем договориться. Мы даже не договорились о правилах игры...

Конан нахмурился и возложил одну руку на

эфес меча, а другой молниеносным движением сгреб с прилавка кости.

— Я играю только так и никак иначе. А ты хотел играть. Так что, все, игра сыграна. Так сколько, ты говорил, у тебя рабынь?

— Но, по крайней мере, ты ведь должен был метнуть из сосуда, из руки не считается...

— Ты считаешь меня мошенником? — злоеши, не предвещавшим собеседнику ничего хорошего тоном осведомился Конан.

— Нет, но... — промолвил купец, и вдруг лицо его озарилось подобием счастья. Он торжествующе осклабился. — Пожалуйте сюда, господа стражники!

Конан обернулся. К ним приближались два рослых негра, единственную одежду которых составляли набедренные повязки. Негры были вооружены тяжелыми железными палками с утолщениями в виде кулака на конце. Люди уступали им дорогу, почтительно кланяясь.

Чернобородый купец даже привстал, но стражники, видя, что перед ними чужеземец, к тому же, вооруженный, остановились в трех шагах от прилавка.

— Вот этот господин, — сказал купец, указывая на Конана, — нарушил правила игры в зернь. У него выпал венус, но он метнул кости не из сосуда, а из руки!

— У нас всегда метают кости из руки. А у вас такой мирный город... Вы же не хотите, чтобы он перестал таким быть? — сказал Конан прежним тоном, возложив руку на меч.

Негры наклонили свои железные палки, не иначе как в знак угрозы. Но у киммерийца тоже было, чем ответить. И негры, судя по их напряженным лицам, это понимали.

— Вы оба правы, — сказал один из них после весьма продолжительного молчания. — Каждый действовал в соответствии со своими правилами. Чужеземец действительно выиграл, но и ты, купец, не проиграл.

Чернобородый схватился за бороду и закатил глаза.

— О, как же я счастлив, что такой великий мудрец разрешил столь трудную задачу! — воскликнул он.

Конану показалось, что в его словах сквозит ирония.

— Разве можно, чтобы один игрок выиграл, а другой не проиграл? — спросил Конан.

— У нас — можно, — ответил стражник и, видя, что Конан помрачнел еще больше, добавил: — Но ты имеешь право на небольшую компенсацию за моральный ущерб. Мы уважительно и с пониманием относимся к чужеземцам и готовы пойти им навстречу, только чтобы не ранить их чувства!.. — Суровый взгляд стражника обратился теперь на купца.

Чернобородый шумно вздохнул и полез в обширный кошель, висевший у него на поясе. Довольно долго рылся в нем, прежде чем извлечь на свет три тусклых монетки. Потом подумал, убрал монетки обратно и достал серебряный шекель.

— Вот, чужеземец, эта монетка должна быть тебе более знакома, ты знаешь ее цену, а я не хочу, чтобы ты подумал, будто я тебя обманываю. Этого хватит, чтобы оплатить приличную гостиницу на неделю. Мы люди честные, и если ты надумаешь снова играть, приходи. Но, конечно, играть будем по нашим правилам.

Уходя и задумчиво поглаживая широкий пояс в том месте, где были спрятаны его личные игральные кости, всегда выпадавшие на венец, Конан не оборачивался и не мог увидеть, как чернобородый купец склонился за прилавком и в тени от фруктовой горы, с ворчливым полусшепотом принялся сам с собою играть в кости. И всегда получал именно тот результат, который хотел, ибо и кости, и сосуд обладали особым секретом.

3

В одном дне пути от Хатора скарабеи и ящерицы со страхом приглядывались к лагерю незнакомцев, подобных которым прежде в пустыне не было. Они не были ни обычными караванщиками, ни стигийскими воинами. Все были в шароварах — всех цветов радуги, которую, впрочем, ни один из ныне живущих скарабеев не видел.

Рубахи тоже были жутко пестрые, что никак не вязалось с ровным по цвету пустынным пейзажем. Головы были с косами, чубами или совсем лысые, натертые для защиты от солнца особым маслом. Ко всему прочему, пришельцы наруша-

ли покой песков громкими голосами и частым хохотом. Они красовались друг перед другом, всячески упражняясь в остроумии, как они его понимали.

И больше всего дружеских колкостей, подначек было направлено на самого уважаемого среди них человека, на атамана. Но уж таковы были эти люди, пришедшие с берегов далекой реки Запорожья, живущие войной и вольностями. Беспечные, как птицы, и яростные, как вепри.

У атамана были черные шаровары, красная рубаха и красные сафьяновые сапоги, он был подпоясан белым кушаком, а на боку у него висела чудовищных размеров сабля. Эта сабля вообще-то предназначалась для расправы с преступниками, положившими голову на плаху, и была слишком тяжелой для обычного человека. Но атаман был человеком необычным. Несмотря на видимую тучность, он обладал великолепными, мощными и подвижными мышцами, и управлялся с тяжелым ятаганом так, словно тот был сделан из дерева.

Атаман был лыс, имел красный цвет лица, а под носом у него висели такие замечательные черные усы, что о них говорили, будто они живут собственной жизнью, и, когда хозяин спит, гуляют вчерную, напиваясь пивом и щекоча девок.

— Оруз, съешь арбуз! — орал какой-нибудь казак, подбоченясь, и первым смеялся собственной шутке.

Но тут же, перебивая его, орал другой:

— Да он уже съел! Гляди-ка, брат, вот же ротки из ноздрей торчат!

— А и вправду! Вот чудно! И в голове у него одна мякоть! — подхватывал первый, и смеялись теперь оба вместе.

Оруз грозил нагайкой, плевался, и, пряча улыбку, восклицал:

— Ну, погодите у меня, охальники, доберусь я до вас, вот уж мало вам не покажется!

Казак только пуще смеялся. Ну и отходит иной раз Оруз нагайкой, так велика ли беда? Нагайка казаку, что массаж какому-нибудь изнеженному офицеру, только кости размять. А то застаивается кровь, деревенеют суставы, и дряблыми делаются мышцы.

Уже восемь дней стояли лагерем казаки, и это им порядком поднадоело. Одно развлечение — жуков да ящериц давить.

Пять дней назад из лагеря отправился лазутчик. Великий воин. Родившийся в Киммерии. Не казак по крови, но казак в душе. Оруз относился к нему, как к собственному сыну. Год назад он нашел его, умирающего, привязанного к мертвому дереву посреди пустыни. Киммериец более-менее успешно отбивался от голодных птиц, но голодные жуки уже потихонечку, маленькими кусочками ели его. И Оруз знал, на что способны эти твари. Они съедают человека за неделю, но первые два дня человек жив. У него уже нет глаз, нет кожи, проклятые шуршащие твари бродят в его голове, кишках и легких, а он все еще жив — и способен понять, что полусъеден. Пока твари

не добираются до его сердца, оно бьется и посылает в мозг достаточно крови, чтобы хватило на самые страшные мысли, какие только возможны. Человек уже за пределами реальности, он в самых мрачных глубинах ада, куда даже сам Люцифер из брезгливости и отвращения не спускается.

Оруз стал спасителем киммерийцу. Прошло всего лишь несколько часов с тех пор, когда его оставили умирать мучительной смертью, и мелкие твари лишь слегка попортили его кожу. Спасенного звали Конан. Вскоре выяснилось, что он привык к жизни воина и отлично умеет держать меч.

Конан сам вызвался идти лазутчиком в город. Оруз не стал возражать. Положа руку на сердце, он мог без обиняков сказать, что Конан самый рассудительный среди окружавших его в этом походе казаков. Кому как не ему поручить столь важное и опасное дело?

Но он уже должен был вернуться. День туда, день обратно. А пару дней на месте должно было хватить за глаза. Город богат, по слухам, очень богат, но не велик. Всего-то и требовалось Конану, что разузнать, силен ли гарнизон, насколько хорошо обучены его войны и действительно ли город богат. Ну, и еще что приметить, если важное. Особенно насчет всяких заразных болезней, о которых большинство казаков понятия не имело, и любую болезнь почитало за разновидность насморка — поболит, само пройдет.

Юлма, молодой сильный казак, большой задир, недолюбливавший Конана за то, что тот обы-

грал его в нескольких воинских состязаниях, приблизился к Орузу с обеспокоенным лицом.

Другие казаки, смекнув, что предстоит важный разговор, разом утихли.

— Что-то долго нет твоего Конана. Если завтра утром он не появится, мы сами туда пойдем, — сказал Юлма. Потом воскликнул: — Зачем нам лазутчик, парни? Мы что, боимся каких-то неженков, засевших в городе?

— Не боимся! — возмущенно завопили вокруг.

— И все же, Юлма, будь бдительнее, — сказал Оруз. — Поверь мне, я много городов перевидал, много мужчин зарубил, много девочек сделал женщинами, горы золота и изумрудов потратил, озера вина и пива выпил, но много и товарищей потерял. Город городу рознь. Осторожность не помешает.

— Ха! — возмутился Юлма. — Да разве это город? Ты же помнишь, что рассказывал купец Раджниш из Гулистана. Одна маленькая крепость в середине, да и то бабская обитель.

Казаки громко заржали. Юлма стоял, уперев руки в бока, широко расставив ноги, и ржал громче всех.

Оруз вдруг помрачнел. Тяжелые думы были у него на сердце, тяжелые воспоминания придавили вольную душу словно камнем.

Перед его мысленным взором предстало лицо Шанкора. Бледное, худое, с черными пятнами. И бескровные губы его, прошептавшие последнее прощанье. Он слишком поздно понял, что зря слушался отца. Не надо было идти в незнакомый го-

род, не послав туда лазутчика. Не стоило сразу же там пьянствовать и портить девок. Потому что в городе, как чуть позже выяснилось, свирепствовала черная смерть. И поэтому никто не оказал жестоким казакам сопротивления, а не потому что в городе не было настоящих мужчин, способных держать оружие, как посчитал беспечный Шанкор.

Шанкор, сын мой единственный, прости и ты меня, что не уберег, не отговорил, не достаточно ясно изложил свои подозрения! Так в который уже раз говорил себе Оруз, погружившись думами в прошлое.

Прости и за то, что позволил тебе умереть в мучениях, полностью пройти ад черной болезни! А не умертвил крепкой отцовской рукой! Ибо казак умирал от железа, а не от гнили, разъедающей тело!

— Что задумался, атаман? — прервал его мрачные мысли Юлма. — Думаешь, не предал ли нас Конан?

Оруз вскинулся и хлестнул нагайкой, метя злоязыкому казаку в лицо. Юлма уклонился, ухмыляясь.

— Да ты что, Юл! — загомонили вокруг казаки. — Это ты брось! От жары язык заплетается?!

Оруз взялся за рукоять меча, помрачнев как зимнее небо Асгарда.

— Говори, а не болтай попусту языком! — загремел он.

Юлма перестал ухмыляться.

— Помнишь, атаман, деревеньку, где жили

грязные обезьяны, пропахшие рыбой? — спросил Юлма.

— Еще бы! — завопил Оруз. — Вместо того чтобы приветить нас, они вышли против нас с трезубцами! Нам пришлось поучить их уму-разуму. А зато мы славно размяли косточки! Поджарили их сучек вместе со щенятами! — Оруз стал еще краснее и затрясся всем телом в могучем смехе, мотая усами и хлопая себя по животу.

Он вспомнил женщин, вопящих в зажженных казаками домах, детей, которые путались под ногами и которых казаки с помощью пик возвращали в дома, пусть погрются под боком у мамки! Жалко их не было — они мало чем отличались от рыб, которых ловили в мутных водах Стикса, разве что у них было по две руки и ноги, да кричали они гораздо громче!

Смех атамана подхватили и другие казаки, а некоторые стали изображать корчащихся в муках грязных рыбаков, приводя соратников в еще более веселое неистовство.

— Мы-то, да, — сказал Юлма, едва сдерживаясь, чтобы самому не расхохотаться. — А ты видел, Оруз, чтобы Конан убил хоть одну грязную обезьяну, хоть одного щенка бросил прожариться к его мамке?

Оруз смолк. Смолкли и другие. Южное солнце прилипло к горизонту. Быстро смеркалось.

— Хм, Юлма, а ведь ты, может, и прав, — сказал Оруз. — А что если Конан и этих городских слизней пожалеет? Слабодушный он, хоть и крепок телом. Нет в нем казачьей твердости.

Между днем и ночью в Стигии расстояние не большое, и бродя вдоль внешних городских стен, удивляясь отсутствию трущоб и нищих, этих непременных спутников больших городов, Конан и не заметил, что спустилась ночь. И уставилась на киммерийца кошачьими глазами из теней и звездами с неба.

Не спрашивая дорогу, поскольку спрашивать уже было не у кого, ни одного прохожего Конан не встретил, он добрался до таверны, которую приметил еще днем. Тяжелая дверь была открыта, изнутри вырывались запахи съестного, приглушенные голоса и колеблющийся свет очага. Конан почувствовал вдруг, как зверски проголодался, да и промочить горло добрым вином не помешало бы.

Он остановился на пороге, осматриваясь в поисках удобного места, когда возле него буквально из ниоткуда возник потный толстяк, обнаженный по пояс.

— Чего изволите? — спросил он, улыбаясь, как лопнувшая тыква.

— Хороший ужин и ночлег, — ответил Конан, бросая толстяку полновесный серебряный шекель.

Рука с жирными пальцами оказалась куда ловчее в действии, чем на вид, и шекель исчез где-то в складках просторной одежды.

— У нас лучшая еда в городе, смею вас уверить, как хозяин этого удобного богам заведе-

ния, — заявил толстяк. — Конечно, не считая дворца защитницы.

— Верю, — сказал Конан. — Но не на слово. Поторопись, толстяк, а то я умираю от жажды.

Не обращая больше внимания на хозяина, киммериец уселся за свободный чистый стол и устался на очаг, над которым готовился онагр приличных размеров.

С туши в огонь с шипением падал жир. Конан почувствовал в животе пустоту, которая истошно вопила, что ее немедленно надо чем-нибудь заполнить, иначе она проглотит самого Конана. Жажда на самом деле оказалась не единственной проблемой.

Конан огляделся. И заметил возле очага существо в лохмотьях, отдаленно напоминающее ребенка. Лицо у существа было красное, глаза маленькие, а нос — большой. Конан не стал особенно задумываться, мальчик это или девочка.

— Эй, ты! — просто обратился он к нему.

Существо пошевелило плечами и указало пальцем на себя. Пожалуй, это был знак вопроса.

— Да, ты! — настойчиво сказал Конан.

Ребенок нехотя отделился от стены и вразвалочку направился к посетителю, усердно ковыряя в носу.

— Вынь палец из носа, когда с тобой говорит казак, — сурово произнес Конан, и ребенок послушно вытянул руки. Теперь они болтались как плети. — Отрежь-ка мне, да принеси кусочек этого жирного осла, что жарится на вертеле.

— Это не осел, — сказал ребенок.

— А что же это по-твоему? — осведомился удивленный Конан.

— Мясо.

Конан ослабил.

— Ну тогда принеси мне этого мяса! — сказал он, начиная слегка злиться. Похоже, чертово дитя решило поиздеваться над заморским гостем.

Он с несколько запоздалым смущением обнаружил, что с силой сжал рукоять сабли. Только не против ребенка! Он положил руки на стол.

— Мясо еще не готово, — ровным тусклым голосом, будто страшно скучая, ответило дитя.

— Все равно. — Ответа Конан слушать не стал.

Чтобы вернуть себе ровное расположение духа и не яриться по пустякам, а это действительно были сущие пустяки, он принялся осматривать посетителей. В конце концов именно за этим он и явился в Хатор.

Ребенок поплелся обратно, что-то бормоча, и вскоре вновь оказался перед столом киммерийца. В руке у него был кусок жареного мяса, еще красного, с которого сочился жир.

Кроме того, рядом с ребенком стоял хозяин с большой кружкой и пузатой глиняной бутылкой.

— Кумми глупа, — сказал хозяин. — Мясо ведь еще не готово. А ну брысь отсюда! Я потом тебя накажу!

— Не стоит. Это я попросил ее принести мне мяса, — заявил Конан. — Я люблю полусырое мясо.

— Как господин пожелает, — ответил хозяин,

ставя кружку на стол и наливая темное, остро пахнущее вино.

— Но пусть потом принесет и готовое мясо, — добавил Конан. — Я зверски хочу есть.

Конан вырвал из рук девочки кусок дикой ослатины, впился в него зубами, ухватился за кружку и сделал добрый глоток вина. Вкус оказался под стать цвету и запаху — и Конан предался чревоугодию.

Жар от очага, вино и мясо разморили его — и привели в крайне благодушное настроение. Он смотрел на людей, сидящих за соседними столами, на суетящегося меж ними хозяина, на девочку, следившую за крутящимся над огнем онагром, и думал, что все они — славные люди, и, может быть, не стоит казакам их убивать, по крайней мере, не всех. Не следует поступать, как в той рыбацкой деревушке, из-за сожжения которой он едва не поссорился с соратниками. Конан был воином, но не палачом. А те рыбаки вовсе не были рыбами, как посчитали сумасшедшие казаки. Они были людьми, хоть и не такими, как обычные люди.

Занятый мыслями, Конан некоторое время ничего не видел, кроме кружки, а потом выяснилось, что хозяин таверны куда-то подевался. Конан тщетно несколько раз позвал его, заметив вдруг, что и девочка куда-то пропала.

— Еще вина? — спросил кто-то, от кого как-то странно пахло, и Конан кивнул, не сомневаясь.

Сделав первый глоток из новой бутылки, он понял, что странного в запахе этого человека.

Благовония Мисра. От него пахло дорогими мисрийскими благовониями, которые использовали жрицы богини любви в славных храмах богини Баст.

Подозрения зародились в мозгу Конана, но улетучились так же быстро, как появились. Все вокруг стало зыбким, разговоры потонули в поднимавшемся из нутра гуле.

— Хозяин! — заорал Конан, поднимаясь и протягивая к очагу кружку.

— Как господину угодно, я здесь, — сказал человек, от которого пахло мисрийскими благовониями.

— Ты — не он, — заявил Конан.

Человек заулыбался. И на лопнувшую тыкву он нисколько не был похож.

— Вино у нас слишком крепкое, — сказал он. — А я ничуть не изменился.

Конан попытался возразить, даже встал для этого, но очаг вдруг сделался невыносимо жгучим, а поверхность стола с костями онагра оказалась рядом с его щекой и крепко прижалась к ней.

— Я ничуть не изменился, — уверенно повторил голос внутри уха, и стол с Конаном дал сильный крен.

— Приближается буря! — завопил киммериец, и сознание его погрузилось в кромешную тьму.

Хиннар, раб-управляющий защитницы города Хатор, склонился к голове павшего в неравной борьбе с соком черного лотоса казаком, и прислушался. Дыхание варвара было ровным, спо-

койным. Таким, каким и должно было быть в галлюциногенном полусне. Хиннар улыбнулся и хлопнул в ладоши.

— Начинаем! — сказал он. И посетители питейного заведения, среди которых не осталось ни одного, кто был тогда, когда Конан вошел в него, поднялись с мест.

Конана вынесли из таверны, усадили на носилки и потащили по улицам. Он чувствовал движение, но не понимал, что происходит. Он даже забыл, кто он, где и зачем. Звезды над его головой могли и не светить. Все равно перед глазами у него не было ничего, кроме тьмы.

Люди молча донесли паланкин до дворца защитницы и стали топтаться на месте. Из дверей вышли другие рабы в грязных лохмотьях, со спутанными волосами, измазанные белой глиной, с суковатыми черными палками в руках. Следом за ними появилась Лилува в необычной для госпожи одежде.

Всего лишь набедренная повязка, правда из тончайшего кхитайского шелка красного цвета, и жакет на шнуровке, из нее в основном и состоящий, который едва прикрывавал прекрасную грудь. Но никаких украшений. На госпожу было трудно смотреть, не отводя глаз, она словно была нагая.

Рабы, все как один, в изумлении открыли рты, а Хиннар даже сказал:

— Госпожа...

Лилува приложила палец к губам и нахмурила брови. Хиннар мгновенно забыл, что хотел

сказать. Зато вспомнил, что нужно делать. Он шепотом приказал опустить Конана на землю и поднять его на ноги.

Трое самых рослых и крепких рабов исполнили это. Теперь Конан возвышался над толпой, и выглядел бы весьма грозно, если бы не безвольно опущенная голова.

Лилува дала знак, и рабы в белой глине, изображавшие подземных звероловцев из древних легенд, с угрожающими воплями принялись носиться вокруг госпожи.

Конан приоткрыл глаза и вяло пошевелился. Один из державших его слуг взял его руку и возложил на меч. Казак послушно потянул меч из ножен, но полностью вытащить не сумел.

Лилува закричала, закружившись с рабами в диком танце. Они усердно делали вид, что нападают на нее, размахивая суковатыми черными палками, а она — что жутко напугана.

Конан что-то пробормотал. На помощь троим слугам поспешили еще двое, и Конан стал медленно двигаться с чужой помощью. Он был как большая и очень тяжелая марионетка, к тому же — с плохо смазанными шарнирами, потому что оказывал неосознанное сопротивление. Но мало-помалу он вытащил меч и стал водить им в воздухе. А поскольку на ногах он двигаться никуда не хотел, звероловы бросились к нему и стали падать вокруг, якобы сраженные его мечом. Раздавались крики боли и яростные угрозы. Конану нанесли несколько чувствительных ударов, чтобы выглядело реалистичнее, правда, та-

ких, которые не могли причинить ему большого вреда.

Когда все зверолюди были повержены, остался последний штрих, дабы завершить искусное представление для единственного зрителя, который так же был и главным его участником, сам того не ведая.

Из дворца защитницы вывели еще одного актера — в отличие от остальных, он был со связанными руками и ногами, а на лбу у него горело едва зажившее клеймо «вор».

Язык у преступника был вырван, чтобы он ненароком не выкрикнул что-то не вяжущееся с разыгранным для Конана представлением. Подсознание, погруженное в полусон черного лотоса, к звукам особенно чувствительно.

Раб, водивший рукой Конана с мечом, осторожно разжал его пальцы, и взял меч в свои руки. Вор упирался, как молодой ишак, хотя и понимал, что уже не сможет изменить свою участь. Но когда его заставили встать на колени перед Конаном, он вдруг успокоился. И финал наступил быстро — раб вскинул меч высоко вверх и одним резким движением опустил его.

Даже если бы у вора все еще был язык, он не успел бы вскрикнуть. Меч варвара был великим оружием не только в руках хозяина. Голова вора раскололась как грецкий орех, и меч прошел сквозь тело как сквозь масло, отделив правое легкое от левого и остановившись только в брюхе, да и то потому что острие длинного кривого клинка достигло земли. Раб вырвал меч, и тело

казненного повалилось на землю распотрошенной тушей.

Меч вернулся в ножны, а Лилува бросилась обнимать ноги Конана и громко рыдать от радости.

— Спаситель мой, хозяин мой, ты вправе сделать со мной, что хочешь, ибо я ужасно виновата перед тобой! Я осмелилась бежать от такого хозяина, как ты! Я дурная глупая девочка, и меня необходимо высечь, хозяин мой!

Со всех сторон появились кошки и начали осторожно приближаться, приносясь.

Казненного вора оставили для них, а Конана снова водрузили на носилки и вернули в таверну.

Конан встал с головой, как ни странно, но она как будто была не его, а какого-то идола в капители. Каменного идола с закрытыми глазами. Он все никак не мог поднять веки, чтобы посмотреть, встало ли вместе с ним солнце, а тут еще возник мальчик, которому нравилось слышать свой голос и при этом как можно сильнее напрягать легкие. Сначала этот мальчик долго и нудно звал маму, потом бабушку, потом кого-то по имени Кумми. Конан подумал, что будь он на месте этого Кумми, то бросил бы в мальчика что-нибудь тяжелое. Или лучше его придушить? Хотя, может быть, Кумми — это женское имя?

Потом Конан, наконец, увидел пол. Нехороший это был пол. Потому что хорошие полы ле-

жат себе спокойно и никуда не едут, этот же, не иначе, как из вредности, сразу же, как только предстал перед взором воина, крутанулся и поехал под лавку.

— Кром! — сказал Конан и свалился с лавки.

— Что, господин? — раздался голос. Хорошо, что это был голос не вопящего мальчика, а кого-то явно более разумного. Хотя вряд ли самого Крома. Так как Конан точно знал, что у Крома нет никакого хозяина. — Господин, вам плохо?

Обращались, кажется, к нему. Конан встал на колени и снова открыл глаза. Перед ним была качающаяся стена с полками, на которых стояло множество кувшинов, и человек со смутно знакомым лицом.

На всякий случай Конан поискал в ближайшем окружении свой меч, и обнаружил, что клинок побывал в чьих-то внутренних частях.

— Кром! — снова помянул Конан.

— Вы мужественно сражались, — сказал тот же голос. — Убитые валились, как снопы.

— Так обычно и бывает, когда имеют дело со мной, — мрачно заявил Конан.

— Вы великий воин, господин!

Конан всмотрелся в говорившего.

— Кто ты?

— Хиннар, ваш слуга, господин Конан.

Конан удивился. Насколько он себя помнил, у него никогда не было слуги. Он был не настолько беспощен, чтобы постоянно пользоваться чужими услугами. Да и вообще не слишком понимал это. Служанка, рабыня — это другое дело,

тут есть смысл, пусть еще повар, но слуга — совершенно бессмысленно.

— Слуга? Но зачем? — спросил Конан.

Хиннар тоже удивился, но мимолетно. Он был хорошим слугой и умел скрывать свои чувства так же успешно, как угадывать чувства хозяйки. За это Лилува и сделала его управляющим над другими слугами.

— Такой великий господин, как вы, должен иметь слугу. Как иначе вы сможете, например, принимать гостей? Кто будет приносить еду?

— Хм. Об этом я как-то не подумал. Но я в вечных странствиях, и у меня нет дома, где бы я мог принимать гостей, а с друзьями я пью в тавернах, а там свои слуги. Кстати, ведь сейчас мы с тобой именно в таверне? Или я сошел с ума?

— Мы в таверне. Но сейчас это и есть наш дом, и все ваши рабы и слуги здесь. Вы купили эту таверну и намерены пожить здесь не меньше месяца, а может, и полгода.

Конан с сомнением огляделся. Купил таверну? Должно быть, он и вправду сошел с ума. Да и откуда у него такие деньги? Или здесь таверна продается всего лишь за один шекель, который он выиграл вчера на базаре?

— Ты говорил, что я сражался, а с кем? — спросил Конан.

— Вы храбро бились за свою новую рабыню, которая сбежала от вас, — сообщил Хиннар. — От вас! Ха-ха-ха! Безумная! И она почти получила по заслугам, когда попала в лапы этих жутких дьяволов из подземелий, грязных зверолов.

Намерения у них тоже были грязные. Но вы, господин Конан, появились вовремя. И глупышка не испытала физических мук. Она вышла из передраги целехонькой, ни одной царапины! Вам досталось гораздо больше.

Конан осмотрел себя. Хиннар прав. Ему досталось. Но совсем немного. Если бы не Хиннар, Конан вообще не обратил бы на такие пустяки внимание.

Хиннар достал из-за пояса плеть.

— Идите, накажите ее, она ждет.

Конан послушно взял плеть, хлыст которой был свит из трех разноцветных шелковых шнуров, а ручка украшена золотым набалдашником в виде кошачьей головы.

— Она готова принять от вас любое наказание, — добавил Хиннар.

И любезно повел Конана наверх, в комнату, где его ждала Лилува.

6

Поднимаясь, Конан пытался собрать воедино обрывки воспоминаний. Ночь, качание домов вокруг, грязные люди в белой глине, испуганные вопли смутно знакомой девушки, удар меча, разрубивший человека надвое. Но сок черного лотоса все еще был в нем и не давал прийти в полное сознание — в единую картину обрывки никак не складывались. Конан не мог даже вспомнить, как называется этот город и зачем он здесь.

Пахло в таверне тоже как-то непривычно. Не

пережаренным луком и подгнившим мясом, не дешевым вином и пивом, чем обычно пахнет во всех приличных тавернах, а мисрийскими благоуханиями. Конан голову готов был дать на отсечение, что это они. Правда, голова сейчас была только наполовину его, а может и меньше, чем наполовину.

— Сюда, господин воин, — сказал Хиннар, оттаптываясь у тяжелой дубовой двери.

Такую дверь ни руками, ни ногами не сломать, мимолетно подумал Конан, но едва дверь распахнулась перед ним, забыл об этом. Хиннар мягко подтолкнул его в спину, и киммериец вошел. Дверь захлопнулась.

Кровать под балдахином занимала чуть ли не всю комнату. Ткань балдахина была настолько прозрачной, что едва угадывалась по легкому движению.

Кровать была застелена красным шелком, и на ней лежали черные, белые и синие подушки разной величины и формы — и Конан догадывался для чего эти подушки. Подобные вещицы он видел в храмах любви в Шеме и Иранистане. Там они считались вендийским изобретением. И среди этих подушек, животом вниз, лежала обнаженная девушка. С белой нежной кожей. Плеть выпала из руки Конана словно сама собой.

Девушка встрепенулась всем телом и перевернулась на спину, потом села и встала на четвереньки, принялась кланяться, и ее длинные распущенные волосы черной волной заструились по красному шелку.

— Ах, простите, господин! Я вдвойне виновата перед вами — я заснула! Я недостойна вас, господин! — воскликнула девушка и поползла к нему на коленях, выпятив зад и прогнув спину, словно возбужденная кошка.

Конан не мог оторвать зачарованного взгляда от ее двигающихся ягодиц. И ничуть не удивился бы, если бы увидел хвост. Красавица вела себя, как животное, виноватое перед хозяином и готовое лизать ему ноги.

Он вспомнил, как кричала она, когда зверолюди из подземных пещер окружили ее и были готовы надругаться над ней. Странно, что на ее теле не было ни единой царапины. Но разве это имеет хоть какое-нибудь значение?

Конан попытался раздвинуть занавесь балдахина, но никак не мог найти, где он раздвигается. Красавица была совсем рядом, и ее чувственные губы изогнулись в легкой улыбке.

— Иди же ко мне, господин мой, — прошептала она таким голосом, что Конан не стал больше тянуть.

Шелковая ткань порвалась под его пальцами как столетняя ветошь.

Девушка оказалась проворной, гибкой и ненасытной. Кроме подушек и ее собственных неотъемлемых талантов, возле кровати оказался еще и инкрустированный столик с принадлежностями для любовных игр, но Конан отверг все. В таком важном деле он не признавал орудий, изготовленных человеком.

Он был великолепен, грандиозен, силен как

боевой слон, разбивающий ворота вражеского города, но все же его силы, отчасти подточенные черным лотосом, были не безграничны.

К полудню он мирно заснул. Лилува сняла его могучую руку со своей груди и встала. Ее слегка пошатывало, но она была довольна. Усталость — ничто, она пройдет, а прекрасные воспоминания останутся.

За окном были слышны кошачьи завывания, вопли торговцев с рынка, призывы водоносов и другие звуки мирной жизни. Потом раздались три удара большого барабана на восточной башне, возвещающие наступление полдня.

Лилува закуталась в вендийское красное сари, надушенное мисрийскими благовониями, взяла трехцветную плетъ, вышла из комнаты и спустилась в большую залу. Там, несмотря на все усилия, все еще витало зловоние простонародья. Лилува уткнулась носом в край сари, дыша через ткань. Завидев госпожу, все рабы пали перед ней ниц, уперевшись лбами в пол. Хиннар побежал навстречу. На лице его отражалась тревога и озабоченность.

— Госпожа, ночью сбежала одна из ваших рабынь, недавно подаренная отцом, — сообщил Хиннар. — Цецилия.

— Пожалуй, я подала ей плохую идею своим ночным представлением, — сказала Лилува. — Очень плохую. И, надеюсь, она получит по заслугам.

Цецилия поступила более чем возмутительно. Остальные рабы без ума любили свою прекрас-

ную госпожу, были преданы ей до такой степени, что готовы были отдать за нее жизнь. А Цецилия словно плюнула Лилуве в лицо.

Дрожа от гнева, Лилува даже позабыла о дурном запахе — она уронила край сари, подняла трехцветную плеть и медленно завязала на ней семь узлов.

— Когда поймаете Цецилию, эту неблагодарную корову, вручите ей от меня пятьдесят ударов! — сказала Лилува и отдала плеть слуге.

7

Цецилия бежала по раскаленному песку, подняв простое белое платье гораздо выше колен. Ноги ее горели, тем более что сандалий ей по рангу не полагалось. Но от этого она только бежала еще быстрее, вскрикивая время от времени, пугая скарабеев и ящериц. Почтовый голубь принес долгожданную весточку, что Джебор, ее истинный хозяин, возвращается. А значит, вместе с ним возвращается и ее пятилетний сын. Два года разлуки подходили к концу, и Цецилия не могла удержаться.

Она издалека заметила шатры Джебора. Маленький караван остановился, чтобы приготовиться ко входу в город.

Джебор и его друг Ханфий, с которым он вместе ездил в Вендию и Кхитай, не были простыми иноземными купцами, и не могли позволить себе после двухлетнего отсутствия появиться в городе в будничном виде. Нужно было нарядить верб-

людов, стряхнуть с тюков пыль, привести себя в порядок.

Джебор обещал освободить ее вместе с сыном, если она будет хорошим соглядатаем. И ей ничего не оставалось, как пойти на риск. А риск действительно был огромен, ведь если бы Лилува прознала, кому принадлежала раньше Цецилия и чье клеймо находится у нее с внутренней стороны бедра, она бы поняла, чем на самом деле занимается рабыня. И не имело бы значения, на кого она шпионит. Достаточно было бы уже одного факта тайного наблюдения. Цецилия была бы умерщвлена по суровому закону Хатора, предусматривающему самую жестокую казнь для соглядатая, и таким же образом был бы убит ее сын.

Сердце Цецилии готово было выскочить из груди.

— Господин Джебор! Добрый господин! — закричала она с вершины бархана, завидев Джебора.

Он заметил ее и помахал рукой. Рядом с ним был Ханфий. Они сидели возле темно-синего шатра и пили из серебряных кубков.

— Добрый господин! Добрый господин! — без умолку повторяла Цецилия, спускаясь.

Упав перед Джебором ниц, она уткнулась лбом в песок, ожидая, когда хозяин заговорит первым.

— Ну, рассказывай же, Цецилия, — поторопил Джебор. — Я жажду узнать, что подельвала моя будущая жена, пока я ездил за свадебными подарками.

И Цецилия рассказала. Она поведала о рабах, которые ублажали госпожу массажем, о предметах, которые госпожа собирала со всего света, предназначенных для того, чтобы упражняться в самой изысканной любви, о жрицах из храма любви богини Баст, дважды приезжавших к Лилуве, с которыми она запиралась в особых покоях, куда никому не было доступа, кроме нескольких немых рабынь. Поведала она и о варваре, который пришел только вчера и захватил все внимание Лилувы.

По мере того, как длился рассказ, Джебор становился все мрачнее. И когда услышал о Конане, вскочил с искаженным от гнева лицом и бросил кубком в рабыню.

Она не шелохнулась.

— Да как она могла! — Джебор схватился за голову. — Как она могла! Не понимаю! Разве я позволял себе хоть словом обидеть ее? Разве мы не были близки с детства? Цецилия, а где был этот варвар, отродье свиньи, когда ты покинула мою возлюбленную, спеша ко мне?

— Он был... — страхась гнева господина, медленно сказала Цецилия, — в ее покоях.

— О, Хор, крылатое солнце, она разорвала мое сердце! — закричал Джебор и воздел руки к солнцу, взывая к его милостям. — Она убила меня! Она предала нашу любовь!

— Когда же я увижу своего сына, господин? — не выдержала Цецилия.

Джебор мрачно усмехнулся. И сердце Цецилии сжалось от страха, почувствовав неладное.

— Отдайте ей, нам он больше не нужен, — сказал Джебор.

Черный раб удалился за шатер, и вскоре вернулся, держа в руках что-то завернутое в ветхие, серые от пыли тряпки. Очень легкое.

В глазах у Цецилии потемнело. Она вдруг поняла, что это. Она попыталась шагнуть навстречу рабу, но ноги не удержали ее. Она упала на колени и в мольбе протянула вперед руки.

— Титус, сыночек, иди к маме, — сказала она. — Мама хочет обнять тебя.

Черный раб остановился перед Цецилией и тоже опустился на колени, передав ей то, что было завернуто в тряпки.

— Тарантул, два месяца назад, — скупое объяснил он и поднялся.

Цецилия бережно прижала сверток к груди. Он действительно мало весил. Столько, сколько весят сухие кости и кожа пятилетнего мальчика.

— Титус, Титус, — бормотала раскачивающаяся Цецилия. — Ты больше не будешь рабом, потому что твоя мама стала вольной женщиной. И мы отправимся с тобой, куда захотим. Мы больше не будем никого спрашивать, куда нам идти, где нам остановиться, что нам делать. Мы вернемся туда, где жили мои предки. Мы дойдем с тобой до Рабирейских гор — и у нас будет свой сад, в котором я сделаю тебе качели...

Продолжая бормотать, Цецилия неожиданно быстро поднялась и направилась по песку прочь, в направлении западного моря.

Черный раб собрался было остановить ее.

— Пусть идет, она свободна, — сказал Джебор.
И Цецилия скрылась за барханом.

— Не надо было так, — упрекнул Ханфий.

— Не мы виноваты в том, что мальчишку убила пустыня, и не она виновата в том, что случилось, но она принесла дурные вести, и мы всего лишь отплатили ей тем же, — возразил Джебор.

8

Сверху замок защитницы Хатора представляет собой неравносторонний треугольник, обращенный острием на восток, в основании которого имеется полукруглая ниша, а перед нишей — тоже полукруглая, но в десять раз больше, площадь. В нише стоит идол, облаченный в доспехи. Это идол боевого воплощения богини Баст. Мышцы его рельефны и броня повторяет их очертания. Больше всего он напоминает гигантского тигра, вставшего на дыбы, только у обычного тигра гораздо меньше клыки и когти. У этого же клыки словно сабли, а когти будто изогнутые кинжалы. Грудь его огромна, а хвост толст и короткий.

Идол стоит на полом металлическом кубе с двумя круглыми входами. Среди кошек города заведен обычай приходить сюда, когда они испытывают муки любви. И из пустотелого постамента каждую ночь раздаются тягучие кошачьи вопли, которые способствуют повышению рождаемости не только у кошек, но и у людей. Ибо жители Хатора преклоняются перед кошками и ис-

пытывают благоговение перед всеми проявлениями их таинственной жизни.

Люди тоже приходят на площадь, когда погружаются в счастливое безумие страсти. Они встают перед идиолом на колени и молчаливо приносят ему свои молитвы. Богиня выглядит свирепо, но добра к горожанам, ибо призвана защищать их от всякой напасти.

Три башни разной высоты окружают уютный внутренний двор, скрытые покои защитницы. Сюда не выходит ни одного окна, а стены увиты плющом, чтобы не раздражать глаза плебейскими кирпичами. В середине двора устроен бассейн.

После встречи с варваром, хоть и таким прекрасным и сильным, Лилува испытывала огромное желание погрузиться в благоуханную воду. Хотелось расслабиться и вдыхать привычные ароматы.

Три немые служанки с огромными опахалами из павлиньих перьев создавали прохладу и тень. Вода для бассейна была привезена из мертвого озера, в котором, говорят, даже камни не тонут. Это было преувеличением, камни тонули, но человеческое тело вода была способна удержать. Лилува лежала на спине, глядя сквозь прорехи в перьях на злое горячее небо, добравшееся до ее лица даже через все преграды.

Она думала о человеке, пришедшем с далекого севера, человеке с гривой черных волос, сапфировыми глазами и статью леопарда. Думала лениво, расслабленно, не доводя ни единой мысли до конца. Ничего конкретного, ничего, что

можно было бы выразить словами. И поэтому звук медных труб, возвещавший о прибытии каравана, был вдвойне неожиданен.

— Кого это к нам принесло? — спросила Лилува, принимая в воде вертикальное положение. Но служанки не смогли бы ответить, даже если бы у них были языки.

Лилува оделась в кхитайские одежды — желтое платье с широкими рукавами и лентами трех цветов, жакет с золотым шитьем, изображавшим игру двух драконов над волнами моря.

На площади перед воротами уже, как всегда, было полно народу. Стояли и лежали верблюды. Пахло благовониями. Водоносы и ишаки визгливо орали. Продавцы щербета нудно восхваляли свой товар.

И беглого взгляда на караван было достаточно, чтобы понять, кто прибыл. Тем более, что прибывшие немедленно устремились навстречу Лилуве, едва она появилась на площади.

— Джебор?! — Лилува не сумела скрыть на лице досады. Но быстро пришла в себя и улыбнулась: нежно, как она считала, но на самом деле ее улыбка напоминала оскал шакала при виде убитой львом антилопы. — Ах, Джебор, это так удивительно, что ты вернулся быстрее, чем я ожидала!

— Я спешил увидеть свою возлюбленную, свою нежную голубку, невинную словно дитя, — ответил Джебор. И в голосе его ясно прозвучала скрытая насмешка. — Всю дорогу я мечтал о тебе! Мечтал о твоих нежных губах, проходя через

которые любое слово становится прекрасным! Но я... Нет, нет, я неспособен, я не в силах... Никакие слова не помогут мне выразить всю мою любовь к тебе!

Лилува всплеснула руками, так, чтобы ее рукава красиво взметнулись.

— Я так рада! Ах, голова у меня идет кругом! Я вся горю!

— Мы непременно должны уединиться в нашем тайном дворике, — сказал Джебор, отчего лицо Лилувы приобрело слегка кислое выражение. — Я ждал этого целых два года! Все дни, что мы провели в разлуке, начиная с первого дня! Вдыхая запах верблюдов и пряча лицо от палящего солнца, я не думал ни о чем, кроме тебя! Ничто не было способно помешать мне! Я хочу припасть к твоим ланитам, хочу ласкать твои волосы и ощущать под руками твой гибкий стан! Я весь в нетерпении... Но, увы, не могу сделать всего этого немедленно, ибо сначала мне необходимо завершить одно важное дело.

— Разве дела не могут подождать? — удивилась Лилува. Она считала, что Джебор тотчас же захочет остаться с ней наедине. Она не хотела этого, но думала, что этого невозможно избежать, поэтому слова жениха весьма сильно изумили ее.

— Эти — не могут! — Джебор отступил на два шага и низко поклонился. — Госпожа моя, я весь ваш, но чуть позже...

— Что ж, — холодно сказала Лилува, соорудив презрительную гримасу. — Это ваше дело... Учтите только, что я вами недовольна. Вы просто раз-

били мое хрупкое сердце!.. И не знаю — сумею ли я когда-нибудь простить вас...

Она высокомерно вскинула голову и пошла прочь, не забывая, впрочем, соблазнительно покачивать бедрами — это у нее получалось очень хорошо, настолько хорошо, что ей позавидовала бы сама богиня Баст.

— Хороша! Сет меня побери, да она просто великолепна! Может, простишь ее и бросишь свою затею? — сказал Ханфий. — Хуже от этого точно не будет.

Джебор смерил друга таким взглядом, будто смотрел на младшего брата, который произнес несусветную глупость.

— Ни за что, — твердо произнес он.

9

На этот раз пробуждение Конана не было столь мучительным, как утром. Голова все еще не полностью принадлежала ему, оставалось много мест, в которых было глухо и пусто. Но он уже мог, хоть и не без труда, вполне связно рассуждать. «Похоже, я выпил лишку, — подумал он, — и теперь не могу понять, что мне приснилось, а что было на самом деле».

Сквозь тяжелые занавеси с красными и синими драконами, сцепившимися в борьбе за жемчужины, пробивалось солнце. В комнате слишком сильно пахло благовониями. Некоторое время назад Конана это вполне устраивало, даже нравилось. Но не сейчас. Захотелось свежего воздуха.

Сорвав остатки балдахина, он подошел к окну и раздвинул занавеси. Окно оказалось очень большим. Почти до самого пола. И было закрыто тонкой, едва заметной сеткой. Улица была перед Конаном, как на ладони, но и он был перед ней.

Пока он рассматривал вздымавшееся над крышами здание великолепного замка с тремя башнями разной высоты, внизу собралась небольшая толпа. В основном женского пола.

Из задумчивости Конана вывел девичий смех. Он посмотрел вниз, и до него дошло, что он привлек внимание. Стайка девочек лет десяти-двенадцати хохотала, прикрыв рты ладонями и показывая на него пальцами. Хохотала без удержу, иногда даже сгибаясь пополам. Но при этом отводя глаза, лишь изредка украдкой поглядывая на Конана.

Зато старуха, опирающаяся на клюку, страшная как смерть, скрюченная и дрожащая, смотрела на варвара пристально и неотрывно, как кошка, следящая за жертвой. Глаза ее слезились, рот с дряблыми бесцветными губами был приоткрыт, показывая безобразную пустоту. Потом старуха наклонилась к земле, подняла камень и кинула в окно. Конечно, у нее не было сил добросить, и камень упал, не долетая, но из-за этого до Конана вдруг дошло, почему он привлек внимание.

Конан был не одет. Совсем не одет.

Ничего необычного для многих стран, в которых он побывал. Но не здесь.

Конан не стал дальше издеваться над чувства-

ми особ слабого пола и отошел от окна, принявшись искать свою одежду. Но оказалось, что это безнадежное дело. Ничего, кроме предметов для изощренных любовных утех, самой кровати и обрывков балдахина, в комнате не было. Если, конечно, не считать сосудов для удовлетворения простых человеческих нужд.

Нет, — подумал Конан, — что-то тут определенно не так. И эта девушка... Ее образ в памяти странно двоился — она была то покорной, страстной рабыней, то надменной госпожой в окружении своих рабов...

Звериным чутьем варвара Конан почувствовал ловушку. Он подошел к двери и попытался ее открыть. Усилия ни к чему не привели.

Он поискал щеколду, потом какой-нибудь скрытый механизм, но ничего подобного не обнаружил. Дверь явно можно было открыть только снаружи.

Кром, это начинает плохо пахнуть. Внутренне напрягшись, он еще раз быстро оглядел комнату. Теперь это была не просто комната, а яма, в которую поймали тигра. Но тигра без когтей — и это не нравилось Конану больше всего.

За дверью слышались шаги и голоса. Громкие голоса. По крайней мере, зверя не собирались ловить исподтишка. И, пожалуй, не совсем понимали, что это не заяц.

Конан усмехнулся. Ну что же, он постарается удивить горе-охотничков...

Джебор был невменяем. Никакие увещания на него не действовали. Он двигался, как раненый кабан — не разбирая дороги. Со времени расставания с Лилувой он уже успел поссориться с парой приятелей, не только не ответив на их радушные приветствия, но и толкнув их так, будто они были простолюдинами. Так же он опрокинул две повозки с фруктами и пнул одноногого нищего, не успевшего убраться с пути.

— Джебор, успокойся! — в очередной раз тщетно взывал Ханфий. — Ты что, не видишь, что с собой делаешь! Неважно, в конце концов, что это за тип. Какой-нибудь из заблудившихся в пустыне путников, для которого наш город — райское местечко! Грязный тип, который не стоит и одного твоего пальца!

Джебор вдруг остановился и резко обернулся к другу.

— Хватит! Грязный он или чистый на самом деле — не имеет значения... И ты... Ты знаешь, что имеет значение!

С этими словами он вошел в казавшуюся снаружи убогой таверну, откуда, как крысы с корабля, хлынули на улицу слуги Лилувы. Они бежали едва ли не на четвереньках, боясь встретиться с господином взглядом, скрывая лица, зная, что ждет их в противном случае.

Расшвыривая ногами все предметы, попадавшиеся по пути, которые можно было расшвыривать, Джебор прокладывал себе путь по враждеб-

ной территории. Ноздри его раздувались. Он чувствовал себя, словно охотник в джунглях, напавший на след зверя. Тысячи сильных запахов отвлекали, кружили голову, но он знал, какой запах ведет его, какой запах вызывает в нем кипение крови. Запах мужлана.

Впрочем, на самом деле нос Джебора вовсе не был настолько чувствителен. Он не смог бы отличить запаха кролика от запаха кабана. Зато воображение было у него весьма сильно, и его с лихвой хватало, чтобы компенсировать отсутствие нюха.

Только единожды он остановился перед лестницей на второй этаж, в неуверенности, следует ли подниматься. Он оглянулся на Ханфия, ища поддержки. И получил ее. Ханфий бывал здесь и знал, где находится лучшая комната для гостей, поэтому не сомневался, где именно прячется гость Лилувы.

— Туда! — сказал он, на миг позабыв о добровольно возложенной на себя миссии сдерживания друга.

Они поднялись бегом, словно два охотника, почувствовавшие запах близкой дичи, словно два шакала, преследующие антилопу.

Джебор толкнул дверь, но когда она открылась, перед ними предстал не тот человек, которого они ожидали увидеть.

Не слабый изнеженный красавчик с женским лицом и манерами столичной проститутки, который со страхом взирает на оружие, а огромный дикарь, с мускулами, как у горного барса, с чер-

ной гривой волос и леденящим взглядом голубых глаз.

Он стоял в позе гладиатора, ждущего, когда на него выпустят свору боевых псов, чтобы хладнокровно расправиться с ними. И в первый момент настолько ошеломил своим видом, что купцы забыли дышать. Но было в его внешности и то, что в следующий миг вызывало у Джебора приступ безудержного смеха, а у Ханфия — ироничную улыбку.

На нем не было никакой одежды. И вместо меча он держал деревянную балясину от кровати. Он держал балясину, как опытный воин держит меч, но сути это не меняло. Разве устоит презренное дерево перед металлом?

— Ты из актеров? — спросил Джебор, давясь от смеха. — Эта балясина тебе идет! — собственное замечание показалось Джебору настолько остроумным и забавным, что он согнулся пополам от смеха, а из глаз его полились слезы. Так весело ему не было с самого детства, с тех пор, как он впервые увидел комедию на сцене заезжего театра.

— Тихо, тихо, Джебор, ну нельзя же так... — увещевал Ханфий, но друг обращал на него мало внимания.

— Нет, — сказал голый варвар, и это было первое слово, которое они от него слышали.

— Нет? — спросил Джебор, подмигивая Ханфию. — Так тебя зовут Нет? Откуда ты, Нет? И что ты собираешься делать с этой палкой, что у тебя в руках?

— Меня зовут Конан. Конан из Киммерии. И я не актер, — сообщил Конан с мрачным лицом. Он нисколько не разделял веселья купцов. И вообще они ему не нравились. — Что вам от меня нужно?

Джебор вдруг перестал смеяться — и лицо его сделалось столь же мрачным, как у противника.

— Ты рассмешил меня, — сказал он. — И это добавило тебе несколько лишних мгновений жизни. Но не спасло. — С этими словами он единым движением выхватил меч и бросился на киммерийца, намереваясь посмотреть, какого цвета у него внутренности.

И с удивлением, вместо этого, увидел свои. Все произошло так быстро, что он не сразу понял, каким образом его живот оказался вскрыт. Конан из Киммерии был теперь вооружен его мечом, а балясина застряла в сетке окна, раскачиваясь. Потом вдруг картина произошедшего так ясно предстала перед внутренним взором Джебора, что от ужаса он закричал.

Конан балясиной сломал ему кисть руки, и пока ненужный уже предмет мебели передвигался в воздухе, взял его меч и, умело направив лезвие, разрезал живот, погрузив острие меча достаточно далеко, чтобы Джебора больше не заботила жизнь. Все это Джебор понял в одно мгновение, следующее за тем, как это случилось. Умирал он быстро и болезненно. Прекрасно осознавая, что умирает. И это было настолько похоже на дурной сон, что душа его сначала по ошибке отправилась в мир сновидений, а не в мир смерти.

— Я умер, — с удивлением, но очень спокойно сказал он, не веря самому себе, и только тогда действительно умер.

Ханфий все еще продолжал улыбаться, когда Конан оторвал взгляд от убитого и посмотрел на него. Синие глаза киммерийца словно заморозили Ханфия. Он с трудом стер улыбку с лица.

— Он умер, — сказал Конан. — А ты?..

Ханфий не понял, что хотел сказать варвар.

И не испытывал большого желания выяснять это. Особенно, когда цена знания грозила вырасти до цены его собственной жизни.

Конан шагнул к нему с опущенным мечом. Он не собирался убивать непрощенного гостя. По крайней мере, до тех пор, пока не выяснит, зачем тот здесь. Но объяснить это Ханфию не успел.

Купец бросился прочь по коридору. К сожалению, он перепутал направление, и бежал не к лестнице, а от нее. А когда он понял это, Конан уже стоял в коридоре. Отступление было невозможно.

С жутким криком Ханфий врезался в резное деревянное окно, проломил его и вывалился наружу. Здесь ему, наконец, повезло — он приземлился на тканевую крышу повозки и скатился с нее, не получив ни ушиба, ни царапины. Правда, ножнами он разодрал спасшую его крышу — и когда встал на ноги, то увидел красную от гнева физиономию владельца повозки.

— Ну, ты за это ответишь! — прорычал владелец.

Ханфий молча указал пальцем наверх.

Падение Ханфия к тому моменту уже вызвало всеобщее внимание, и его пальцу последовали многие взоры.

В проломленном окне горожане увидели обнаженного мускулистого варвара с окровавленным мечом. Послышался женский визг, за ним еще один — и людей охватила паника.

Ханфий добавил масла в огонь.

— Он убил Джебора! — визгливо выкрикнул он. — Убийца!

— Убийца! — подхватили горожане и бросились врассыпную, сбивая друг друга с ног. — Убийца!

11

Прежде чем выйти на улицу, Конан решил заняться своим гардеробом. Не пристало в цивилизованном месте слишком долго разгуливать без одежды. Он вернулся в спальню, посмотрел на убитого, но трогать его не стал. Нехорошо получается. Не стоит давать даже малейшего повода думать, что он убил человека из-за презренной одежды. Сначала надо выяснить, что местные жители вообще думают о нем. Черета странно-стей не давала Конану покоя. Слишком много произошло такого, что он не знал, как объяснить.

Он соорудил себе набедренную повязку из обрывка балдахина, а другим обрывком вытер меч.

Улица была пуста от людей. Только брошенные паланкины, перевернутые в спешке прилав-

ки со снедью, десяток кошек разной масти и мирно бродящие среди них птицы, клюющие просыпанное зерно.

Словно люди спрятались от чудовища. И не иначе, как они считали этим чудовищем самого Конана. Почти голый, в одной лишь нелепой набедренной повязке, с чужим мечом и нечесанной гривой волос, он все еще ощущал запах юной женщины, витающий вокруг него, который неспособны были забить даже запахи пряностей, густо стоявшие в воздухе.

Конан посмотрел вверх. Ставни были захлопнуты, но с крыш на него взирало множество любопытных глаз. Крыши здесь были плоскими, и на них устроены места для отдыха — видны были торчавшие опухавшие, парусиновые навесы и шесты с шелестящими на ветру бумажными лентами, отгоняющими злых духов.

Конан был голоден и ему страшно хотелось пить. Он чувствовал себя так, словно демоны пустыни, несмотря на бумажные ленты, все же проникли в город и все вместе решили обосноваться в пищеводе у Конана. Он чувствовал себя так, будто ему в горло вогнали раскаленный железный кол, и вогнали до желудка и даже немного ниже.

Базарная площадь тоже обезлюдела. Так привлечший вчера внимание Конана шатер, расшитый цветами и птицами, с окнами из полупрозрачного шелка, был открыт. Он обогнул лавку с горой фруктов и заглянул внутрь. Запах сандала, мускуса и амбры был настолько силен, что на не-

сколько мгновений Конан даже забыл о жажде, почувствовав быстро нарастающее возбуждение. Внутри были разбросаны подушки всех цветов, на одних тоже были птицы и цветы, на других — крабы.

Зачарованный запахами и видениями танцующих соблазнительных теней, Конан вышел.

И едва не поплатился за свою зачарованность.

Человек, прятаясь за шатром, прыгнул на киммерийца, как лев прыгает на спину антилопы. Если бы он прыгнул молча, то смог бы нанести Конану весьма значительный урон, может быть, даже убить, в случае везения.

Но он прыгнул с таким воплем, который напугал бы даже сонного бегемота, лежащего в болоте. Он вопил, как добрая сотня обезьян, собирающаяся напугать соседнюю стаю.

Предупрежденный криком, Конан успел наполовину обернуться и отклониться, так что нападавший пролетел мимо него и врезался в гору с фруктами.

Тотчас, прежде незаметный, с верха парусинового навеса сорвался большой зеленый попугай, и, теряя перья, с визгливыми, режущими слух, воплями помчался прочь.

Конан узнал нападавшего. Увидя его, невозможно было его не узнать. Шестипалый продавец щербета, горбатый, как вепрь. И столь же заросший жестким черным волосом. В каждой руке у него было по ножу. Он был почти полностью обнажен, если не считать ветхой набедренной повязки. Все тело намазано маслом.

— Убью! — зарычал он, отирая с лица мякоть спелых плодов личжи.

— Теперь уже вряд ли, — заметил Конан, принимая боевую стойку.

На полуносом лице уroda появилось сомнение. Он посмотрел вверх, на попугая, летающего кругами, продолжая вопить, потом опять на киммерийца. Лицо его вдруг исказилось яростью, он фыркнул, как лошадь, брызнув грязной слюной себе на подбородок и грудь, и снова атаковал.

На этот раз Конан не только уклонился, но и ударил мечом плашмя. Удар пришелся по горбу, и бедный продавец щербета полетел на землю с ускорением большим, чем ускорение свободного падения.

Он ударился лицом и взвыл от боли. Перевернувшись на спину, он еще раз пробормотал:

— Убью! — С трудом поднялся, вытирая тыльной стороной кисти кровь, сочащуюся из носа, и снова бросился на Конана.

Видно, он бесповоротно решил стать героем. Роль продавца щербета перестала его устраивать. К тому же, он, наверное, просто устал жить. Ну, что же, решил Конан, тогда он выбрал правильный путь.

Меч поднялся на уровень шеи продавца щербета и двинулся ему навстречу. А в следующее мгновение из шеи хлестала кровь.

Горбун выронил ножи и опустился на колени. Он схватился за шею, хрипя и булькая. Глаза его помутнели, но губы вдруг расплылись в улыбке.

— Вот и все, — пробормотал он и снова упал лицом в землю. Тело его разом все вздрогнуло, потом затихло.

Конан вытер меч о полупрозрачный шелк шатра, взял из горы фруктов один понравившийся ему персик и направился дальше на поиски вина или щербета.

Возле перевернутого паланкина, из которого высыпались подушки, он остановился и с любопытством заглянул внутрь. Ему казалось, что за занавесью кто-то прячется. Но паланкин был пуст. Если не считать пузатой глиняной бутылки, заткнутой пробкой.

— Хм, — сказал сам себе Конан и взял ее. В руке образовалась приятная тяжесть. Еще внутри паланкина лежала страшного вида плетъ — кожаная, с мелкими металлическими крючками. Пыточная штурковина — отнюдь не для благородных граждан.

Интересная идея пришла в голову Конану. Он усмехнулся и взял плетъ тоже, сунув ее за набедренную повязку. Посмотрим, насколько Лилува хочет, чтобы ее наказали.

Конан выдернул пробку из бутылки и сделал большой глоток. Внутри оказалось отличное вино, что очень взбудрило Конана и привело его в приятнейшее расположение духа. Даже развеселило.

Допив, Конан отбросил бутылку, воткнул меч в землю и поднял вверх пустые руки.

— Я не хочу вам зла! — проорал он, но в ответ только по-прежнему шелестели бумажные ленты.

— Что ж, — громко сказал Конан, желая, чтобы его слова дошли до ушей той, которой они были действительно предназначены. — Пойду искать свою красавицу. Думаю, она тоже жаждет встретиться со мной. У меня ведь еще осталось для нее мое жаркое семя...

И направился в сторону замка с тремя башнями разной высоты. Сам не зная почему, он был уверен, что красавица живет именно там.

12

Хиннар вбежал в покои госпожи и сразу повалился на пол в глубоком почтении. Он был весь потный и своим потным лбом оставил пятно на идеально отполированном полу. Лилува в недовольстве топнула ножкой. Движением руки она отослала служанок, оставив только мальчика с опахалом.

— Вижу, Хиннар, раб мой, тебе есть что сказать. Так говори.

— Да, госпожа. Ваш дикарь на свободе. Джеббор освободил его.

Лилува вскочила с ложа и бросила кисть золотого винограда на пол. Из лопнувших виноградин потек сок.

— Я убью этого негодяя! Да как он посмел... — Она задохнулась от гнева, не в силах вымолвить больше ни слова.

— Не гневайтесь, госпожа. Он уже мертв.

— Что? Да как он посмел... — И вдруг до Лилувы полностью дошел смысл сказанного. Ноги

ее подкосились и, она опустилась обратно на ложе. — Ну почему... Почему он всегда делает все мне назло...

— Народ ропщет, госпожа... Ваш дикарь выкинул господина Ханфия в окно прямо в толпу на базаре. А у господина Джебора вспорот живот, и смотреть на него, говорят, весьма страшно. Люди боятся, госпожа... Поэтому никто особенно против Конана не выступает, все боятся быть убитыми...

Лилува задумчиво взяла персик и прижалась к нему щекой. Ворсинки на его коже были мягкими и нежными, и запах от него исходил успокаивающий, тонкий, будто не существовало на свете всего этого народа с грязными ртами и ногами, который только и думал о том, как бы ему убить истинных властителей города.

— Так и что же... — томно произнесла она, искренне не понимая, чего от нее хочет презренный слуга.

— Теперь только вы можете остановить его, он уже сказал о вас... — Хиннар принялся вдруг отползать, словно нечаянно ляпнул лишнего.

— Сказал обо мне? — встрепелась Лилува. — И что же он мог сказать обо мне, если ты в смущении отступаешь передо мной?

— Не гневайтесь, госпожа. Мой рот не в силах вымолвить то, что сказал пришлый варвар, — бормотал Хиннар.

Лилува вскочила. Вот теперь она разозлилась не на шутку. Больше всего она ненавидела, когда от нее скрывали то, что знали все остальные.

— Я гневаюсь, что ты молчишь! И клянусь всеми богами Стикса, что ты очень пожалеешь, что не держал свой поганный рот закрытым. Да ты даже пожалеешь, что я не казнила тебя раньше! За мелкие прегрешения!

— Я скажу! Скажу! — испугался Хиннар, видя, как исказилось лицо его милосердной повелительницы. — Он... Этот безмозглый варвар, у которого вместо мозгов мышцы, сказал, что у него осталось для вас его грязное семя...

Хиннар с преувеличенно громким стуком ударил лбом об пол, чтобы хотя бы отчасти заглушить эхо собственных слов, за которые, он это чувствовал, головы ему не сносить.

— Что?.. — сказала Лилува. И вдруг громко рассмеялась. — Отрежьте ему член — и проблема отпадет сама собой! — заявила она, снова опускаясь на ложе, и откусывая от персика. — Не вижу, почему бы вам не сделать этого немедленно. Варвар больше не нужен мне. Мне с ним скучно... Мальчик, ты заснул?

Мальчик, действительно слегка позабывший зачем у него в руках опухло, заработал им с новой силой. Лилува томно вытянулась на ложе, делая вид, что окончательно потеряла интерес ко всему, кроме персика в своей руке.

— Кому прикажете первому умереть? — спросил Хиннар. — Я буду рад исполнить ваше приказание, госпожа.

— При чем тут твоя смерть, Хиннар, ты что, не слышал, что я приказала только что? Твоя смерть мне не нужна.

— Думаю, что все, кто попытается приблизиться к вашему варвару с оружием, отправятся вслед за Джебором.

Лилува вскинула брови.

— Он настолько опасен?

— Возможно, для солдат нет, но у нас здесь нет солдат. А он профессиональный воин. Поэтому-то он так легко и поверил в спектакль, который мы разыграли для него ночью.

— Ты хочешь сказать... — Лилува прикрыла рот рукой, чтобы не расхохотаться с персиком во рту. — Хочешь сказать, что он проделывал такое наяву?

— Не обязательно именно такое, но подобное. А немного волшебного зелья позволило ему принять некоторые особо нелепые вещи.

— Фантастические, раб. Не забывай, кто все это придумал, — поправила Лилува.

— И вот поэтому, госпожа, у нас только один путь. Его необходимо убить. И убить его в сложившихся условиях можно только применив хитрость. Все войны выигрываются окольными путями.

— Что же это за хитрость? — Лилува погрозила пальчиком. — Признавайся, Хиннар, ты ведь уже все придумал? Иначе бы ты не заявился ко мне с глупыми разговорами.

— Нужно убить его у вас, когда он потеряет бдительность, — ответил Хиннар. — Поверьте, это лучшее, что мы в силах сделать... Другого пути нет.

У подножия самой высокой из башен замка имелись широкие двери — и они были открыты. Гостеприимно распахнуты навстречу Конану. Он смутно помнил короткую лестницу и маленькую площадь под башней. Посмотрев наверх, он увидел развевающееся на ветру желтое знамя с изображением красного тигра.

На нижней ступеньке уютно свернулся рыжий кот. Конан перешагнул через него, положив руку на эфес меча. Слишком это все напоминало вход в мышеловку, но Конан не мог остановиться — его непреодолимо влекло к юной женщине, он чувствовал ее запах, от которого кружилась голова и сильнее стучало сердце. К тому же, Конан не считал себя беспомощной мышью.

Внутри был вход, закрытый красными драпировками. Конан вытащил меч и раздвинул драпировки острием. За ними никого не было, но запах женщины стал еще сильнее.

Конан двинулся по коридору, внимательно осматривая стены, пол и потолок. Они были сложены из больших темных от древности кирпичей.

В конце коридор поворачивал направо. Конан осторожно выглянул из-за угла и увидел проем, закрытый пологом из свободно свисающих золотых нитей.

Приглядевшись, он понял, что нити эти — человеческие волосы. Прекрасные волосы златоволосых красавиц. Переливающиеся светом, колышавшиеся от малейшего прикосновения ветра.

— Ты уже здесь, мой господин? — раздался знакомый голос. — Где же ты? Почему ты не приходишь ко мне?

Конан шагнул сквозь волосяной полог и оказался в комнате, завешанной красными драпировками. Посреди комнаты стояло ложе, на котором возлежала его прекрасная невольница. Хотя, пожалуй, сейчас она была госпожой. Да и всегда, понял Конан, была госпожой. Утренние события являлись всего лишь невинным розыгрышем — и у Конана не было ни рабов, ни слуг. Это обстоятельство вдруг открылось ему отчетливо, будто с глаз упала черная пелена.

— Ну, иди же сюда, мой милый, — сказала она, выгибаясь на ложе и облизывая соблазнительно увлажненные соком губы. — Я так тосковала без тебя...

Конан не видел ее правой руки. Она как-то слишком нарочито прятала ее за ложем, изо всех сил пытаясь делать вид, что совершенно расслаблена.

Острым, натренированным за суровые годы сражений, боковым зрением киммериец улавливал и еще одну странность этого места. Драпировки шевелились словно от ветра. Но никакого ветра здесь не было.

— Ты ждала меня, — спокойно сказал он, прислушиваясь и принюхиваясь. Тут были не только запахи фруктов и женщины, но и запах мужчины. Напряженного, озабоченного мужчины — однако отнюдь не совокуплением. — И приготовила для меня сюрприз...

Лилува вздрогнула. Едва заметно, но достаточно для того, чтобы это увидел Конан. Она боялась его, и, пожалуй, боялась больше, чем хотела.

— Этот сюрприз — я, — произнесла Лилува, снова делая вид, что расслаблена.

— Пожалуй, я забыл об одной вещи, — заявил Конан. — Когда мы встретились впервые, я собирался наказать тебя, моя непослушная рабыня. Но я не сделал этого... Теперь, думаю, настало время восполнить упущенное... — С этими словами киммериец вытащил из складок набедренной повязки кожаную плетть с крючьями. Лилува непроизвольно напряглась, приподнявшись с ложа, и уставилась на орудие пытки широко раскрытыми глазами. — Отличный бич, — сказал Конан. — И он оставит на тебе незабываемые следы...

— Хиннар! — вдруг отчаянно завопила Лилува, и на втором слоге голос ее сорвался.

Конан усмехнулся: у женщин слишком развито воображение, особенно, когда это касается боли.

Комната мгновенно ожила. Драпировки раздвинулись, и из-за них выскочила дюжина слуг с мечами и щитами. Они все тряслись и жутко потели от страха. Так что воздух вокруг переполнился миазмами трусости. Они все хотели убить Конана, были призваны вопреки своей воле сделать это, и боялись этого не меньше, чем собственной смерти. Особенно выделялся среди них один, уже знакомый киммерийцу — человек, представившийся с утра его слугой. Он подсту-

пил ближе всех, и в глазах его светилось решительное отчаяние.

— Убейте его! — сорванным голосом вскрикнула Лилува, и Конан, наконец, увидел, что она прятала в правой руке.

Всего лишь нож. Длинный стигийский ножпозолоченным лезвием. Дорогую игрушку жрецов.

Хиннар завопил, как кастрируемый поросенок, и бросился в бой, точнее, к мечу противника, чтобы подставить под него лицо, которое при столкновении с ним аккуратно разделилось надвое и сползло к плечам, оставив лишь кричащую окровавленную маску. Конан взмахнул мечом еще раз и снес бедняге голову, прекратив его мучения.

Поднялся слаженный вопль дюжины глоток. Громче и отчаянней всего получилось у красавицы Лилувы. Глядя на своего слугу, точнее, две его части — и обе безобразно мертвые, она быстро постигала трудную науку жестокой реальности. Но все равно не хотела верить.

— Нет! — раздался ее крик, первый осмысленный крик в комнате после гибели Хиннара. — Больше никто не умрет!

Остальные глотки мгновенно заткнулись. Воцарилась тишина.

— Как скажете, принцесса, — поклонился Конан, опускаясь на одно колено.

— Убирайтесь! — приказала Лилува слугам.

— А что... — осмелился вымолвить один из них, смуглый бородатый вендиец с глазами на-

выкат. — Кроме Джебора и Хиннара, он убил еще и...

— Я сказала: убирайтесь! — взвизгнула Лилува.

Понадобился еще один миг, чтобы комната обрела прежнюю тишину. Если бы не появившаяся на красных драпировках кровь, да труп Хиннара на полу, все выглядело бы просто как идиллия.

Хотя была и еще досадная мелочь: Лилуву бил крупная дрожь. Она все еще сжимала в правой руке позолоченный нож для жертвоприношений. Наверное, она всего лишь позабыла о нем, но это нисколько не отменяло его остроты, а возможно и ядовитости — насколько знал Конан, стигийские жрецы имели нехорошую привычку смазывать свои инструменты ядом, парализующим мышцы, так что жертва умирала в полном сознании, не имея возможности ни двигаться, ни даже кричать.

— Нож, — сказал Конан, привыкший напрямую выражать мысли.

— Ты убил его, — глухо произнесла Лилува, словно не услышав киммерийца.

— Я защищался, — ответил Конан.

— А кого ты убил еще?

— Продавца щербета, горбуна с отрубленным кончиком носа. Я не хотел его убивать, но он оказался уж слишком настырным. Он явно хотел смерти.

Лилува тяжело вздохнула и хотела еще что-то сказать, но тут разговор был прерван неожиданно вбежавшим человеком. Это был напарник

убитого Конаном жениха Лилувы, Ханфий. Он был жутко возбужден и, похоже, мало что видел. Одежда его была порвана, на лице обильно выступил пот. Глаза выглядели безумными.

— Казаки! Казаки! — вскричал он и упал перед госпожой на колени, едва не уткнувшись в труп Хиннара. — Госпожа! — заорал он громче прежнего, заметив, что перед ним, и вскочил на ноги. И тогда обнаружил возле себя Конана с окровавленным мечом.

Кричать он больше не мог. Ужас перехватил ему дыхание. Он только стоял с открытым ртом и, не моргая, глядел на варвара.

Конан нехорошо ухмыльнулся, подумал, что не стоит этого делать, могут неправильно понять — и стер ухмылку с лица. Теперь он выглядел спокойно и сурово, словно каменный истукан.

— Говори же, Ханфий, не нужно молчать. В этой комнате больше никто не умрет.

— Госпожа, этот человек... — с трудом ворочая языком, начал Ханфий.

— Я знаю, — ответила Лилува. — Но ты, кажется, что-то хотел сказать о казаках?

Ханфий застонал и снова бросился на колени.

— Казаки! Они возле города!

Лилува вскочила.

— Что? Ты сошел с ума, Ханфий! Этого быть не может!

— Этого не может быть, госпожа, но это так, — задыхаясь, вымолвил Ханфий. — Казаки на расстоянии полета стрелы от города и выглядят они очень воинственно.

Лилува взяла со стола хрустальный колокольчик и позвонила.

Голос у колокольчика был серьезнее, чем вид. Громкий и пронзительный. В комнату тотчас вернулись все слуги, которых Лилува недавно выгнала.

— Унесите тело, — приказала она двум рослым бородатым вендийцам. А когда приказание было исполнено, добавила: — И принесите лучшую одежду для нашего гостя.

Сапоги из крокодиловой кожи, шаровары из тончайшего шелка с вышитыми драконами, длинная рубаха и красный тюрбан, украшенный золотыми пластинами с крупными изумрудами, выглядели, конечно, заманчиво, но у Конана снова было ощущение, что где-то здесь затаился обман. За каким дьяволом властительница предлагает убийце своего жениха такие богатые дары? Он смотрел на одежду, лежащую на подушке, которую держала юная рабыня лет тринадцати. Сама она была совершенно не одета, но нельзя было сказать, что полностью обнажена. Тело было выкрашено краской, настолько успешно скрывавшей анатомические подробности, что Конан не сразу понял, что это краска.

— Тебе что-то не нравится? — спросила Лилува. — Я накажу всех своих рабов, если они принесли не самое лучшее!

— Нет, — ответил Конан. — Просто я не при-

вык к такой изысканной одежде. Для жителя севера это все слишком роскошно.

Лилува рассмеялась.

— Ничто не сравнится роскошью в сравнении с твоим великолепным телом! Даже царские одежды будут для тебя все равно что медная оправка для бриллианта!

Юная рабыня, державшая одежду, позволила себе слегка нарушить свою неподвижность каменного изваяния. Уголки губ чуть дрогнули, а голова наклонилась — девочка в смущении уставилась в пол.

— Вот, смотри — даже мои куклы согласны со мной, хотя я и не подозревала, что у них может быть какое-то мнение, пусть даже и не свое!

Конан вынужден был уступить давлению и одеться.

Лилува с восхищением оглядела его, обойдя кругом. Он больше не казался неотесанным мужланом.

— Ты великолепно выглядишь! — сказала Лилува. — Такой ты нравишься мне не меньше, чем без одежды. Хотя, конечно...

— Где мой меч? — мрачно спросил Конан.

Лилува надула губки.

— Принесите ему его меч! — приказала она, едва не фыркая от возмущения. Ее перебили! Ей не дали досказать до конца! Грудь Лилувы распирало от гнева и будь на месте Конана кто-нибудь из горожан, его бы уже раздели, растянули животом вниз и нещадно секли.

Когда Конан получил назад оружие, на душе

у него стало гораздо легче. Он уже был готов простить Лилуву за то, что та одела его, как будто выставляла на торги.

Она, казалось, смотрела на него с любовью и обожанием.

— Я думаю, что ты голоден, и прежде чем продолжить день, нужно восстановить твои силы. Ты столько потратил на меня... — сказала она и хлопнула в ладоши: — Слуги! Ваши уши слышали!

— Но госпожа... — смущенно произнес Ханфий. — У стен города казаки, и, боюсь, они не намерены тянуть с приступом...

Лилува нахмурила брови:

— Все остальное потом! — твердо заявила она. — И Солнце может подождать, если я хочу угостить своего гостя! Поспешите же!

Слуги принялись изо всех сил быстро изменять покои. Красные драпировки сменились зелеными, появились два зеленых ложа и зеленый столик. На котором одно за другим стали возникать зеленые блюда с разнообразным содержанием различных оттенков зеленого цвета. Этот цвет, по мнению нынешнего придворного врача Лилувы, не только способствует пищеварению, но и развивает дух. Ибо зеленый цвет навеивает человеку воспоминания о растительной жизни: о траве, деревьях, кустах, которые являются основой всего живого.

Правда, Конан ничего этого не знал. Как не ведал и большинства названий блюд, оказавшихся перед ним. Виноград, яблоки, груши и личжи

он еще мог отличить, но эти фрукты составляли лишь небольшую часть яств. Зато Конан точно знал, что виноград способствует мужской силе, страсти, долголетию и отваге в бою, а личжи прекрасно заживляет телесные и душевные раны. Но больше всего Конана привлекали напитки, волнующий запах которых он мог уловить даже на расстоянии.

Лилува возлегла на одно ложе и пригласила Конана на ложе напротив. Он не слишком жаловал такой этикет, но отказать прекрасной госпоже не смог.

— Начем, пожалуй. — Лилува звонко хлопнула в ладоши.

И тотчас же зеленые драпировки раздвинулись, и из них показались обнаженные руки. За ними постепенно появились молодые и страшно тонкие мужчины и женщины. Женщины были полностью обнажены, а у мужчин были набедренные повязки, которых хватало только на то, чтобы едва прикрыть естество. Конан никогда прежде не видел настолько хрупких и гибких людей. Кроме прочего, они были вымазаны с ног до головы, включая волосы, белой краской, и от этого выглядели, как призраки.

— Из Бритунии, — сказала Лилува, отправляя в рот очищенный плод личжи. — И пять лет обучались в Кемии искусству легкости и пустоты. Они не работают и не думают, и почти не едят. Они не чувствуют голода, и если их не кормить, они умирают, даже если вокруг них полно еды. Потому что едят они только с рук.

Конан взял со стола нефритовый кубок с пенящимся напитком, аромат которого властно призывал к себе, и пригубив его, тотчас не удержался и весь выпил. Когда он хотел поставить кубок обратно на стол, чтобы вкусить и других щедрот госпожи, то обнаружил, что нагая бритунка с безумными глазами стоит между ним и столом с яствами, покачивая бедрами. Он отодвинул ее рукой и взял кисть винограда. Ягоды были огромными и сочными. И, пожалуй, правду говорили, что виноград способствует страсти. Съев пару ягод, Конан подумал, что бритунка удивительно красива и нежна. Ему захотелось сейчас же ощутить под пальцами ее податливую кожу, схватить это хрупкое тело и овладеть им. Интересно, а боль они чувствуют?

— Возьми ее, Конан! — воскликнула Лилува. — Возьми ее прямо здесь!

Конан покачал головой. При других обстоятельствах он бы с легкостью и удовольствием поступил по призыву Лилувы, но только не здесь и не сейчас.

Он положил ладонь на бедро бритунки, слегка отодвинул ее, взял со стола большую сочную грушу и протянул ей. Бритунка взяла плод и вонзила в него крепкие зубы. Сок потек по ее подбородку, оставляя темные потеки на белой краске.

Лилува сказала:

— Ты благородный человек, Конан. Я рада, что не ошиблась в тебе. Хорошо бы, чтобы ты оставался благородным и впредь. Не разочаровывал бы меня. А для этого власть казаков в городе

не слишком подходит. Что-то подсказывает мне, что они, в отличие от тебя, не благородны...

— Ну, конечно! — воскликнул Конан. — С чего бы сынам вольного поля быть благородными?

Лилува в смущении опустила глаза, будто Конан сказал что-то очень непристойное. Возможно, так оно и было.

— Значит, тебе придется заставить их уйти, — неожиданно решительно заявила Лилува.

— Вряд ли они послушают меня, — засомневался Конан. — Да и с чего бы это им поворачивать от богатой добычи?

— Напугай их.

Конан расхохотался. Он даже представил себя, как прыгает перед Орузом и сотоварищами и корчит жуткие гримасы, а они глядят не него с полнейшим непониманием.

— Они же не дети... — наконец удалось произнести ему сквозь приступы смеха. — Разве можно напугать взрослых мужчин?! Да еще таких, какие перевидали многое, что другим и не снилось!

— У каждого есть свои страхи, — сказала Лилува, не разделяя буйного веселья киммерийца. — Надо только найти их. Ты же знаешь своего атамана. Напугаешь чем-нибудь его, а другие последуют его примеру.

Конан хохотнул последний раз.

— Ты серьезно?

— Ну, конечно! Я же не предлагаю испугать его как маленького ребенка, скорчить ему жуткую гримасу и показать козу! У взрослых свои страхи, подумай, наверняка, ты сумеешь найти

слабое место атамана. Я ведь сумела найти твое слабое место...

— Что? — Конан приподнялся с ложа. — Ты что хочешь этим сказать?

— Думаю, теперь ты имеешь право знать правду. Правду о том, что случилось ночью... — объяснила Лилува. — Ты ведь ощущаешь в своих воспоминаниях провалы, недосказанности. Тебе кажется, что твоя голова не полностью принадлежит тебе. Я знаю об этом. И я бы не стала травить тебя соком черного лотоса, если бы не знала, что последствия обратимы.

И Лилува рассказала о том, что Конан не помнил. Правду о том, что случилось нынче ночью.

Это не сильно ему понравилось, лицо его приобрело сначала изумленное, потом гневное выражение, он очень не любил, когда им действовали как марионеткой. Тем более, в буквальном смысле. Мышцы его вздулись буграми, а пальцы так плотно обхватили рукоять меча, что костяшки побелели.

Но он быстро взял себя в руки. Достаточно того, что он был глупцом в помраченном состоянии, не следовало продолжать оставаться им в полном сознании.

— Но почему именно я должен защищать город? С какой стати? Что, твои люди настолько слабые воины, что не сумеют противостоять жалкой горстке казаков?

— Я бы так не сказала. Они отнюдь не выглядят жалкой горсткой. Но не в этом дело. Просто я не желаю убивать их. Это низко и неблагород-

но. Кроме того, лично мне ужасно неприятно пачкаться в чьей-то крови. Потом, я знаю, меня будет несколько лет тошнить при виде мяса. Но ты можешь не беспокоиться, выбора у тебя все равно нет, если ты, конечно, не самоубийца. Тебе придется защищать город, хочешь ты этого или нет...

Конан не сразу понял, о чем толкует Лилува. Но когда перед глазами вдруг все поплыло, а в животе появилось чувство, что в него воткнули тонкий ножик-пилку и стали медленно водить им, вырезая отверстие, Конан вскочил с ложа, потянувшись к мечу, и неожиданно обнаружил, что ноги больше не принадлежат ему. По крайней мере, полностью. Они все еще были соединены с ним, и он даже мог шевелить ими, но они перестали его слушаться.

— Ах, Конан, как я хотела бы, чтобы у меня не было нужды убивать тебя!.. — произнесли губы Лилувы, вдруг оказавшиеся у самого лица киммерийца.

— Что это? — с огромным трудом сумел он выговорить — рот тоже отказывался ему повиноваться.

— Да все тот же черный лотос, — сказала Лилува. — Все зависит от того, в какое время его сорвали. Лишили связи с водой и землей. Утром, вечером, в полдень или в полночь. Свойства черного лотоса весьма разнообразны, иногда он даже может служить любовным зельем. Еще, конечно, важно, как его приготовить. Но тебе, пожалуй, все это уже ни к чему...

— Ты... ты хочешь убить меня? — спросил Конан.

Лилува фыркнула и всплеснула руками.

— Ну, наконец-то, догадался, умница! — Она даже вскочила в возмущении. — Ты что, идиот? Я уже сказала, что не хочу убивать тебя... Но ты должен мне одну услугу...

— Хорошо, я окажу тебе эту услугу. Как ты сказала, у меня все равно нет выбора, — произнес Конан, собрал остатки сил и поднялся, опираясь на меч.

Лилува поблédнела — она не ожидала, что после такой дозы человек вообще сможет двигаться, но все равно протянула киммерийцу маленький пузырек с зеленоватой жидкостью.

— На, прими это... Но учти, что это всего лишь первая часть противоядия. Ты избавишься от боли, но только на полдня. К вечеру ты умрешь, если я не дам тебе вторую часть. А я дам ее тебе только, если ты выполнишь условие...

Конан взял пузырек и усмехнулся.

— Думаю, хуже уже не будет, — заявил он и выпил содержимое одним глотком. Жидкость пролилась по пищеводу внутрь и мгновенно растворила ножик-пилку. Ноги снова обрели способность двигаться.

— Я заставляю казаков уйти. Но мне понадобятся твои люди. Если они сумели обмануть меня, то почему бы им не обмануть и казаков. На ум они слабы, хоть и быстры на руку. И я знаю одно слабое место атамана. Вот мы этим и воспользуемся! Мы выйдем навстречу казакам и за-

ставим их бежать от города, только пятки сверкать будут!

— Но, Конан, это же всего лишь слуги. Что они, по сравнению с казаками? Кроме того, их жизни дороги мне. Они много для меня значат.

— Обещаю, они не пострадают, — как можно тверже сказал Конан. Он не был абсолютно уверен в этом, но в конце концов эти люди всего лишь рабы, так что особой беды в их гибели не будет. Главное, чтобы она не была напрасной.

— Идемте же! Казаки не станут слишком долго ждать! — поторопил Ханфий.

15

Казаки! Эти пришлые люди, неизвестно ради какой прихоти так удалившиеся от родины, скакали на горячих татарских конях по кругу, подняв вверх пики и что-то выкрикивая. Со сторожевой башни справа от городских ворот их было видно как на ладони.

— Что они кричат, Конан? — спросила Лилува.

Конан огляделся и заметил, что взгляды всех стражников в пределах видимости направлены на него. И он сразу понял почему. Они видели его в казацкой одежде — и теперь несколько не сомневались, что он лазутчик.

— Они кричат, чтобы евнухи этого города не боялись. Они не трогают евнухов. А поскольку в городе никого, кроме евнухов нет, никто и не страдает. А еще кричат, чтобы девки принарядились, ибо они, казаки, любят срывать красивую

одежду. А доброе семя казаков даст добрые всходы...

— Варвары! — взвизгнул Ханфий. — Варвары!

— Ты уверен, что они кричат именно это? — засомневалась Лилува. — Мои уши слышат, кажется, только пару-тройку слов, не больше. И как это они умудряются втиснуть в три слова столько смысла?

— Варвары, — пожал плечами Конан, широко ухмыляясь.

Ханфий принялся говорить о кровожадности казаков, о том ужасе, который испытывает перед их неумолимой жестокостью, еще о каких-то страхах, но ни Лилува, ни, тем более, Конан особо не прислушивались к его речам.

Лилува поманила одного из слуг, бледного полноватого молодого человека, безбородого и безволосого, с маленькими свинячьими глазками и тонким красным ртом, похожим на кровавую рану.

В глазах Яреда промелькнул страх, потом он с трудом изобразил подобострастную любовь и, согнувшись в подобии поклона, засеменял к госпоже.

— Яред, слушай, ты будешь вместо Хиннара, — сказала Лилува. — Я знаю, что ты давно метил на его место. Так вот, теперь тебе предоставляется отличная возможность.

Яред принялся мелко кланяться.

— Отправляйся с ним, Конан. Он сделает все, как ты скажешь. Теперь все зависит от твоей фантазии. Надеюсь, ты прав, и успешно насту-

пишь на уязвимое место этого жуткого казачьего атамана!

Когда киммериец спустился с Яредом, и люк за ними захлопнулся, Ханфия вдруг словно прорвало:

— Конана нужно немедленно убить! Он же казачий лазутчик! И при первом же удобном случае предаст нас, откроет ворота и впустит своих соратников, чтобы они вдоволь поглумились над нами! Я с самого начала подозревал, что он лазутчик. Когда я увидел его в спальне обнаженным, я сразу же уловил в его наглых глазах свет коварства и предательства! А когда он убил моего друга Джебора, я уже нисколько не сомневался в этом!

Лилува слушала взволнованную речь Ханфия с тонкой улыбкой, словно он говорил о пустяках, а когда он остановился, чтобы перевести дух, сказала:

— Конечно, он предатель и лазутчик. В этом не может быть сомнений. Но в моих руках он всего лишь оружие. Разве ты этого не заметил?

Ханфий не сразу нашел, что сказать:

— Заметил, но... Но ведь он все равно враг!

— Не себе. Он считает, что пока казаки здесь, он может умереть так же легко, как поднести кубок к губам. Потому что один кубок он уже поднес.

— Но... Он же ведь может обмануть нас! Он может вернуться потом со своими казаками! В этом-то ему ничто не помешает!

— Ты, наверное, так бы и поступил, Хан-

фий, — с ядовитой улыбкой произнесла Лилува. — Но не Конан. Он слишком гордится собственным благородством, чтобы признаться в предательстве ради спасения собственной шкуры. Кроме того, он ведь не казак по происхождению.

Ворота со скрипом открылись, и при полных регалиях посла кошачьего города, несколько смешных, на взгляд киммерийца, Конан выехал навстречу казакам. Разбойные люди стояли плотной разноцветной гурьбой, к небу вздымалось множество пик с белыми и черными хвостами яков. Временами слышался нарочито громкий смех. Но постоянным был только один звук — лязг оружия.

Увидев Конана, Оруз расхохотался. Он и представить себе не мог отважного воина в таком нелепом виде. На голове шапка в виде тигриной головы, украшенной зачем-то павлиньими перьями, на груди — многорядное ожерелье из зубов разных животных, тело до щиколоток скрыто тяжелой красной накидкой с пришитыми к ней лапами шакалов и гиен.

— А, что я говорил! — завопил Юлма. — Не казак, он не казак и есть! И помрет не казак! — С этими словами Юлма выхватил тонкую кривую саблю.

— Остынь!!! — проорал на него Оруз, да так громко, что Юлма тут же спрятал саблю обратно в ножны, смутившись и потупив взор.

— Эй, Конан! — закричал Оруз. — Ты что это вырядился, как девка на смотринах? Или умом тронулся? Или поженился на ком из города?

Конан покачал головой, ничего не отвечая. Он подошел к Орузу и встал, глядя ему в глаза.

— Я ждал вас позже, — спокойно сказал он.

Оруз ослабил еще больше, показав, что зубы у него темные, гнилые, к тому же правый резец обломан под корень.

— Да ты, друг, никак не рад нам? А мы-то думали, что ты совсем по нам соскучился, — он обернулся, и толпа соратников ответила ему дружным гоготом. — Вот и пивка крепкого тебе привезли. Знатное пиво. Коня с ног валит. — Казаки опять заржали. Чувство юмора у них было своеобразное, зато им его было не занимать.

— Ситуация изменилась, Оруз, — так же спокойно, словно бы разговаривал с незнакомцем и не осушивал вместе с казаками озера вина и пива, сказал киммериец. — Город закрыт. Чума. И мы все умрем. Так что ради собственной жизни, Оруз, не веди внутрь людей.

Оруз вмиг посерьезнел. Рука его легла на рукоять меча, а рот сжался в узкую бледную линию. Смотреть ему в глаза было теперь так же страшно, как смотреть в глаза вожака волчьей стаи.

— Ты лжешь, пес, — с рычанием вымолвил он. — Я не вижу на тебе никаких признаков болезни. — Он поднял меч и направил острие в грудь Конана.

Конан потянул шнур накидки, и она соскольз-

нула с его могучих плеч, явив кожу, на которой виднелись отвратительные черные пятна.

— Не трать свою силу, друг, — спокойно сказал он. — Она тебе потом пригодится. А я умру сам. Я уже мертвец. Ибо после такого не выживают. Черная смерть не шутит.

Оруз ткнул острием в одно из пятен и надавил. Из груди Конана потекла тонкая струйка крови.

— Ты... — сказал Оруз, собираясь с мыслями, но не успел завершить свой тяжелый труд.

Ворота города с жутким скрипом открылись, и оттуда на песок выпал человек. Лицо его было серо, и большую его часть занимали черные пятна, а в нескольких черных пятнах были гноящиеся язвы, и оттуда вытекала кровь. Голова человека была непокрыта, лишь несколько седых волосинок жалко торчали на ней, и на лысине тоже имелись черные пятна с язвами. Скрип продолжался — ворота открывались, и когда они открылись полностью, стало видно, что площадь перед воротами завалена трупами. Этот ужасный вид вызвал у толпы отважных казаков единый громкий вопль. И самое страшное, что по песку от этой горы трупов к ним, спотыкаясь, шел лысый человек с изъязвленной головой.

— Уходим! — закричал кто-то, и вся толпа повернула лошадей.

— Эй, Оруз! — позвали из толпы. — Оставь его, он — труп!

Не дожидаясь Оруза, казаки направились прочь от города. Они привыкли сами делать мертвецов,

и это у них отлично получалось, но мертвецы от черной болезни, мертвецы, прогневившие собственного злобного бога, пугали их. Они предпочитали по своей вере умереть в бою и после смерти попасть на небесные поля сражений, чтобы продолжать биться и воскресать, а не ползать на брюхе среди вонючих трупов в общей могиле.

Человек, выползший из города, продолжал двигаться и вскоре оказался у ног орузова коня. Атаман все еще держал меч у груди Конана.

— Спаси нас, избавь от мучительной смерти, — прошептал черный мертвец, подняв голову.

Оруз не выдержал. Он поднял своего коня на дыбы, взмахнул мечом, наклонился и единым духом снес черному мертвецу голову.

— Я избавляю вас всех! — неожиданно заорал он и, вместо того, чтобы присоединиться к мирно отступавшим товарищам, понесся к открытым воротам в город. — Вы будете благодарить меня на том свете, если кто-то из вас еще жив! — вопил он.

Все это случилось столь быстро, и настолько не вязалось с идеальным планом Конана, что он не сразу сообразил, что план оказался вовсе не идеальным. И требовал немедленной и решительной доработки.

17

Увидев, что атаман ворвался в город, остальные казаки, не задаваясь слишком глубокими вопросами, повернули вспять, и, немного сторонясь

страшно изукрашенных трупов, тоже въехали в город.

То, что они обнаружили на площади за городскими воротами, им не понравилось гораздо сильнее, но обращаться в бегство показалось недостойным, поэтому они последовали примеру Оруза — вытащили сабли и бросились в бой.

Гигантская черная кошка, защищенная доспехами — не самая легкая из добыч. Честно говоря, шансов выйти живыми из схватки у казаков было немного. А шансов победить — ни единого. И они это понимали, однако были слишком гордыми, чтобы отступить.

Уши у гигантской кошки были прижаты, пасть с огромными клыками открыта, когти на лапах выпущены. Она медленно, крадучись, шла, чуть пригибаясь к земле, едва покачивая хвостом.

Потом вдруг сменила темп — и Оруз, который оказался ближайшим ее противником, не сразу заметил, что она оказалась на расстоянии удара. Это было непростительной оплошностью. Ибо он позволили кошке нанести первый удар. Большая лапа с длинными когтями мелькнула в воздухе, конь испуганно заржал и попытался уйти в сторону, отчаянно мотнув головой. Но кошка была быстрее. Четыре острых когтя разодрали шею коня, фонтаном брызнула кровь — животное захрапело, взбрыкнуло задними ногами, и повалилось.

Оруз едва успел соскочить, прежде чем конь упал, молотя воздух копытами. Кошка на мгно-

вание отступила, затем снова приблизилась и нанесла еще один скорый и сильный удар.

Оруз уже стоял, широко расставив ноги, готовый сражаться. Он слегка покачивался, чтобы иметь возможность быстро передвинуться в удобную для боя позицию.

Он был готов ко всему. По крайней мере, ко всему тому, что знал. Но кошка не собиралась сражаться с казаком честными казачьими способами. Не то, что она презирала казачьи приемы ведения боя, она просто их не знала.

Оруз готов был сражаться, готов был с храбростью отдать свою жизнь, но обязательно прихватив чужую. Жизнь своего врага — неважно, была ли эта тварь перед ним обыкновенным зверем или демоном из преисподней. Глаза его пылали гневом и отвагой. Он слегка сутулился, вперившись взглядом в холодные круглые глаза свирепой кошки. Она елозила по земле хвостом, поигрывая мышцами и скребя когтями, которые проделывали в земле глубокие борозды.

Потом она прыгнула. Оруз уклонился и взмахнул мечом, чтобы распороть наглой кошке морду, но меч его не встретил никакого сопротивления. Кошка зарычала и отпрыгнула в сторону, упав на спину. Оруз вдруг почувствовал какое-то неудобство, посмотрел вниз и заглянул внутрь своего живота. То, что он там увидел, ему не понравилось, точнее, ему не понравилось уже то, что он заглянул внутрь — не следует человеку видеть то, что находится у него в животе.

— Так умри же и ты! — в отчаянии заорал он,

бросился за кошкой, выставив перед собой меч, но через несколько шагов запутался в собственных кишках, некстати вылезших наружу, и упал лицом вниз.

Ноги его задергались, он пробормотал еще что-то и затих.

Гигантская кошка положила лапу ему на голову и одним движением сорвала скальп. Оруз снова дернулся — теперь в последний раз.

Все произошло так быстро, что другие казаки не успели прийти на помощь атаману. Они все еще с боевыми воплями скакали к месту битвы, когда все было кончено. Юлма отстал от остальных, заинтересовавшись золотым браслетом на одном из страшных трупов. Он опустил саблю, собираясь отрезать трупу руку и забрать украшение — все равно мертвецу оно ни к чему, но намерению не суждено было осуществиться.

Гигантская кошка бросилась прочь от плотной толпы казаков, обогнула их и направилась к воротам. Юлма услышал изменившиеся крики товарищей, и поднял голову как раз вовремя, чтобы увидеть несущегося на него зверя. Раздумывать было некогда. Учитывая, как ловко расправилась кошка с конем Оруза, лучше было биться пешим. Юлма соскочил с коня, хлопнул его по крупу, отсылая, и встал для битвы, как можно крепче перехватив саблю.

Кошка замедлила бег, и последние шаги подкрадывалась, прижавшись к земле, как самая обыкновенная кошка подкрадывается к птице.

Глядя в желтые глаза, Юлма вдруг понял, что

не в силах пошевелиться. словно жуткая магия сковала его по рукам и ногам, превратила мышцы в камень и стянула мозг железным обручем. Он не мог даже закричать. Хотя закричать ему очень хотелось. Перед ним был не иначе, как демон. Эта дьявольская кошка не могла быть просто зверем.

В глазах жуткого создания не было ярости, не было вообще никаких эмоций. И это было страшнее всего. Время словно растянулось. Мгновения стали длинными и томительными, как текущий мед.

Кошка шла на казака, не торопясь, словно и не собиралась убивать его. У Юлмы даже мелькнула шальная мысль, что это и вправду так. Но всего лишь на мгновение, а потом Юлма понял, что к нему идет смерть. Если бы это было простое животное, то оно могло бы пройти мимо неподвижного казака, ибо не сочло бы его добычей: большие кошки реагируют только на движущуюся жертву. Но эта тварь являлась не только зверем.

Юлма очнулся, когда кошка была уже в трех шагах от него.

Он завопил и прыгнул на дьявольскую тварь. Так быстро, что кошка от неожиданности присела на задних лапах. Юлма перелетел через нее, извернулся и схватил за хвост.

В этот момент в городских воротах появился Конан. Большую часть регалий посла кошачьего города Конан успел потерять. На нем больше не было тигриной шапки с павлиньими перьями, и

красной накидки тоже. А тяжелое ожерелье он как раз снимал с себя, когда вбегал в ворота.

Схваченная за хвост кошка в первый миг дернулась с жутким воем вперед, и Юлма упал. Но хвост не отпустил. Кошка попыталась развернуться и достать казака передними лапами, но он оказался не менее проворным. Ужас придал ему почти нечеловеческую ловкость и силу.

И он был так занят, что не заметил, как вокруг него начали вставать мертвецы. С черными пятнами, с кожей, свисающей лохмотьями, со страшными глубокими ранами, в которых чернел отвратительный гной!

Зато остальные казаки пришли от увиденного в неопиcуемый ужас. Они ударились в панику, совершенно неподобающую сынам вольных степей, но ничего поделать с собой не могли. Живых они не боялись. Но мертвецов, особенно умерших от болезней, страшились не меньше, чем малые дети. Они почувствовали себя в ловушке, словно их заперли в склепе с гниющими трупами, которые вдруг ожили и собирались сожрать казаков живьем! И нужно было бежать. Прочь из города! В спасительную пустыню, маячившую барханами сквозь проем ворот.

И казаки понеслись, не разбирая дороги. Не обращая внимания на то, что сбивают с ног зажавшиеся трупы, которые не успели убраться с пути. Но казакам уже было не до таких мелочей.

Конану пришлось проявить всю свою ловкость, чтобы не быть затоптанным копытами казачьих коней. Он отскочил в сторону и чуть не

попал под удар кошачьей лапы. Острые когти пронеслись перед самым его лицом. А в следующий миг ему чуть не откусил нос что-то орущий Юлма. Этого казака Конан всегда недолюбливал, он явно метил в атаманы, но действовал все больше окольными путями, так как ему не доставало ни силы, ни храбрости. Догадаться, что орал Юлма, было несложно. По крайней мере, понять, чего он хочет. «Убей ее, я ее держу», — хрипел он.

Но эта свирепая огромная кошка боролась с казаками, защищая город, значит, Конану не следовало ее убивать. И он быстро принял решение, не успела еще танцующая смертельный танец пара казак-кошка завершить новый круг.

Одним движением Конан вытащил меч из ножен и снес вопящему казаку голову. Она все еще продолжала вопить, теперь уже беззвучно, летя в воздухе, а тело еще держалось за хвост, когда гигантская кошка стала разваливаться. Сначала отвалился хвост, и безголовое тело Юлмы повалилось под ноги Конана. Потом лапы кошки сделались мягкими, словно внутри исчезли кости, и она повалилась на брюхо.

Сзади раздался крик, как будто юный поросенок увидел нож для кастрации. Конан невольно обернулся и увидел Яреда, держащего голову Юлмы. Рот казака был открыт, глаза — тоже. Бледный толстяк сделался еще бледнее и орал теперь заместо казака, не в силах оторвать взгляд от мертвого взгляда Юлмы.

Но Конану не пришлось наблюдать эту картину слишком долго. Площадь огласил новый звук.

Женский стон. И голос был удивительно знакомый. Лилува!

Она лежала в пыли и крови, обнаженная и плачущая. Вокруг нее были разбросаны детали кошачьих dospехов и черная шерсть. Она скребла по земле окровавленными пальцами, из которых вместо ногтей торчали огромные металлические когти.

Конан бросился к Лилуве и отбросил давящую ей на спину тяжелую кошачью кирасу. Лилува с благодарностью посмотрела вверх на киммерийца и устало, измученно улыбнулась.

Яред все еще продолжал орать, не в силах оторваться от созерцания отрубленной головы.

— Гор милосердный, заткни его! — взмолилась Лилува.

Конан наклонился, поднял с земли камень и швырнул его в Яреда. Камень возымел немедленное действие, но большее, чем рассчитывал киммериец. Яред не только заткнулся и успокоился, но и умер. У бледного толстяка было слабое сердце. Он упал замертво, и голова Юлмы снова пришла в движение, подкатившись к оставленному ею телу.

— Помоги мне подняться, — сказала Лилува.

Конан наклонился к ней и заметил, что когти и пальцы красавицы существуют теперь независимо друг от друга. Он помог ей сесть, и сам опустился на корточки.

Со всех сторон раздавалось кошачье мяуканье и урчание. Все кошки города собрались на площади и приближались к защитнице. Когда пер-

вая из кошек принялась тереться головой о бедро Лилувы, она сказала:

— Уходи, мне нужно остаться одной с ними.

18

Три дня спустя следов битвы и нападения казачков не осталось. На площади снова расположились туареги со своими семьями, слугами и рабами. Они снова играли белыми камешками и козьим пометом в облавные шашки на песке, рисуя клетки пальцами, и вели долгие нескончаемые беседы о пустыне, скоте, погоде, соседях, друзьях и врагах. Снова звучали песни под аккомпанемент барабанов, ладоней и однострунной скрипки эмзат. Снова тонкой струйкой взбивая пену, лился из чайников в кружки чай, и задумчивые мужчины смотрели в опаленное солнцем небо.

Несмотря на то, что план Конана удался лишь отчасти, и Лилуве все же пришлось сражаться, хоть и не так много, как она боялась, она не лишила его своей милости. Три дня и ночи киммериец провел в праздных удовольствиях, наслаждаясь всеми утехами плоти, в таверне, где прежде провел несколько прекрасных часов с Лилувой, и где убил Джебора.

Окно уже починили — и в комнате царил прохлада и мягкий полусвет. Две прекрасные рабыни, присланные Лилувой, ублажали его: одна черная, как эбонит, тонкая и стройная, как кипарис, другая — белая как мрамор, но с алыми гу-

бами и черными, как вороново крыло и мягкими как шелк, волосами.

Лилува обманула Конана. Противоядие содержалось в маленьком пузырьке с зеленоватой жидкостью, который Конан выпил в самом конце пира, устроенного защитницей накануне битвы. Никакой второй части противоядия не было. Об этом Конану, смеясь, сказала маленькая служанка, которая принесла ему мясо и вино после битвы с казаками. Она смеялась так заразительно, что Конан тоже невольно улыбнулся, хоть и должен был почувствовать себя в дураках.

Утром третьего дня Конан услышал голос Лилувы, выглянул в окно и увидел внизу верблюда, полностью снаряженного в путь. На нем было высокое седло, попона из толстой шерсти, бурдюки и кожаные сумки. Упряжь была драгоценной, как и сам верблюд — белый, одногорбый, длинноногий.

Конан открыл дверь в коридор, и чуть не столкнулся с Лилувой. Она была великолепна в лиловой одежде с длинными широкими рукавами, и локонами, в которые было вплетено множество золотых нитей.

— Конан! Тебе пора! — сказала она.

— Ты больше не хочешь меня видеть? — удивился Конан. Он, конечно, не собирался оставаться в Хаторе надолго, но ему было неприятно, что его выгоняют. Он любил уходить тогда, когда хотелось ему, а не кому-нибудь другому.

— Я знаю, Конан, что ты хотел бы остаться еще на несколько недель. Ты ведь все еще не

полностью утолил жажду, но, прости, в Хаторе недостаточно места для нас двоих. Мне трудно жить, зная, что ты рядом. Достаточно того, что уже произошло. Этот город должен существовать словно во сне, но не в кошмарном сне. Люди хотят спокойствия, а от тебя исходит сила, тревожащая их. Оставь город. Ради меня, ради того, что между нами было. Ты ведь благородный человек, поступай же благородно, как велит тебе сердце!

Конан усмехнулся.

Он не считал себя особенно благородным. В Киммерии благородство было не в особенном почете. Важно было выжить любой ценой, и если ты жив, а твои враги — мертвы, то это и есть высшее проявление чести воина!

Но здесь, в Хаторе, ему действительно больше нечего было делать. Город начал давить на него. Слишком маленький город, слишком скучный для варвара северных земель.

Он обернулся назад и посмотрел на двух красивиц-рабынь. Что же, три дня — не такой уж короткий срок, вряд ли у них остались в запасе еще какие-нибудь тайны любви.

— Я только возьму свой меч, — сказал Конан, взял его и спустился на улицу вслед за Лилувой.

Верблюд уже стоял на коленях в ожидании всадника. Как только Конан взобрался в седло, животное поднялось.

— Мы заплатили тебе. Думаю, ты будешь доволен, — сообщила Лилува. — И здесь достаточно воды, чтобы добраться до Птемона.

Конан смотрел на нее сверху. Она была очень хороша.

— Ты прекрасна, — искренне заметил он.

Она подняла голову, и киммериец смог полюбоваться не только на ее волосы, но и на полные прекрасные губы, которые слегка приоткрывались, демонстрируя редчайшее сокровище — жемчужные, идеальной формы зубы. Он с удовольствием втянул ее естественный аромат, проступавший сквозь густой заслон искусственных цветочных ароматов, и в нем взыграли прежние чувства, но сейчас они, пожалуй, были не совсем уместны.

— Прощай, — сказала Лилува.

Не отвечая, Конан послал верблюда вперед, и грациозное величественное животное, двигаясь, словно во сне и слегка улыбаясь, прошло сквозь ворота и направилось в сторону восхода.

Красное братство

Внебольшой, насквозь прокопченной таверне на окраине Шадизара случилась драка. Ремесленный люд, составлявший основной костяк завсегдатаев заведения, разделился на две группы и тузил друг друга почему зря.

— Что они не поделили? — спросил проснувшийся от криков гном Хепат сидевшего рядом воина могучего сложения.

Богатырь безразлично пожал широченными плечами и твердой рукой налил из огромного, как хорошо откормленный гусь, кувшина. Единым духом осушив кружку, с удовольствием крикнув и закусив копченой свиной, он буркнул:

— Спорят о том, чего не знают...

— Это о чем же? — гном окончательно проснулся, хлебнул вина, потряс всклокоченной бородой, в которой уже пробивалась седина, и вопрошительно посмотрел на друга.

Но, поскольку тот промолчал, Хепат продолжал, все больше оживляясь:

— Вчера они спорили о болотных жителях... Кто-то видел на болотах некое существо... Другие считали, что это был старый, сумасшедший дровосек, уже больше года скитающийся с топором по лесам и болотам...

Узрев на темном, покрытом шрамами лице друга абсолютное безразличие к предметам спора дерущихся, гном потянул его за рукав:

— Скажи, Конан, ты слышал, о чем они спорили сегодня?

— О драконах, — нехотя ответил воин и досадливо потер гладко выбритый подбородок.

Дерущиеся большей частью уже лежали без движения, но некоторые, особо настырные, продолжали месить друг друга окровавленными кулаками.

— Одни считают, — усмехнувшись, продолжал Конан, — что факел дракона поддерживается только волшебством, другие кричат, что разлагающаяся в желудке пища выделяет горючий газ...

— А как же он загорается? — заинтересовавшись, живо спросил Хепат.

— Дракон класает зубами от злости и высекает искры! Возможно, так оно и есть... — Конан отправил в рот хороший кусок мяса и запил изрядной порцией вина.

Крики дерущихся, наконец, стихли. Слышалась только сдавленная ругань и хрипы пытающихся подняться спорщиков. Меж темных дубовых столов вновь засновали помощники хозяина,

разнося гостям вино и закуску. Конан поднял руку и указал на кувшин. К нему тотчас бросился шустрый паренек с быстрыми черными глазами. Ловко перепрыгивая через лежащих драчунов, он подбежал к столу, за которым горой возвышался киммериец. Почтительно склонившись, пряча усмешку, искоса глянул на лежащую на столе бороду Хепата.

— Прикажите еще вина, господин?

— И вина, и закуски! — сердито крикнул гном, заметив искорки смеха в глазах слуги.

Конан кивнул, и паренек умчался, на сей раз лавируя между поднявшимися, но все еще не твердо стоящими на ногах спорщиками.

Среди обычной суеты никто не обратил внимания на вошедшего в таверну человека в простой, но дорогой одежде. Только острый глаз хозяина — толстого Асланкариба — мигом выхватил из пестрой толпы вновь прибывшего. Богато одетые клиенты не сулили ничего хорошего. Заплывшие глазки хитрого торговца тревожно заметались.

Конан, каким-то образом ощутив беспокойство хозяина, мигом установил его причину. Богатый посетитель. Пришел явно не трапезничать. Скорее всего, кого-то ищет.

Догадки киммерийца подтвердились через секунду, когда незнакомец, отыскав взглядом гигантскую фигуру воина, слегка кивнул и стал поспешно пробираться к его столу. Присев, он некоторое время молча разглядывал Конана и его низкорослого спутника. Те, в свою очередь, так-

же не спешили начинать беседу. Конан, вопросительно подняв бровь, спокойно смотрел на присевшего без приглашения человека, а Хепат сверлил его угрюмым взглядом.

— Я с трудом нашел тебя, Конан из Киммерии, — медленно проговорил незнакомец с сильным южным акцентом.

— Я не прятался, — усмехнулся Конан.

— Меня зовут Аль-Джезред, — продолжал южанин, — я придворный маг... — он на секунду замялся, — имя моей госпожи я не могу назвать, но скажу, что могуществом она затмит любого повелителя западной страны!

Конан с безразличным видом молча слушал. Хепат же нетерпеливо ерзал на скамье — у него на языке крутилось слишком много вопросов.

— Госпожа поручила мне найти в Заморе Конана-Киммерийца и нанять его за любые деньги.

Южанин выжидающе замолчал, как бы разрешая задавать вопросы.

— Нанять для какой работы? — спросил Конан.

— Пока просто нанять... — Аль-Джезред пошевелил пальцами, как бы затрудняясь подобрать нужные слова, — о том, что необходимо сделать, госпожа расскажет сама, при встрече.

— Я так не работаю, — Конан налил вина, не предлагая гостю.

В глазах южанина мелькнули веселые огоньки. Он оценил независимость воина.

— Кроме того, — продолжал киммериец, осушив кружку, — размер платы зависит от того, чем мне придется заниматься.

Черные глаза южанина теперь уже откровенно заискрились смехом. Его худое, породистое лицо, украшенное длинным, с горбинкой носом, лучилось морщинками, хотя на вид ему было не более сорока лет.

— Назови любую сумму, Конан, и я увеличу ее вдвое! — Аль-Джезред поднял руку и, когда к нему подбежал слуга, заказал кувшин самого лучшего вина. Он понял, что разговор не будет коротким.

— Когда платят большие деньги — много требуют, — спокойно сказал Конан и взглянул на Хепата.

Гном понял, что ему разрешено, наконец, принять участие в переговорах.

— Мы не можем отправляться на край света, не зная, что нам предстоит! — выпалил он, подозрительно глянув на гостя.

— Мы? — преувеличенно удивился Аль-Джезред, — я имею указание нанять только Кона-на-Киммерийца!

— Это мой друг и оруженосец, — сказал Конан, — придется нанять и его. Но сумму, которую он назовет, вдвое можно не увеличивать.

Южанин пожал плечами.

— Значит, договорились? Называйте свою цену!

— Не так быстро, — усмехнулся Конан, — кое-что нужно все же уточнить...

— Спрашивайте, — бросил Аль-Джезред, — я расскажу все, что не запрещено.

— Где живет твоя госпожа? И кто она? Королева?

— Она живет на острове. Далеко на юге. Мы называем его Островом Пауков. Да, она королева этой островной страны.

— А далеко от берега остров? А то меня на море укачивает! — зачастил Хепат, опасаясь, что Конан задаст новый вопрос, и он, Хепат, последний из племени Вармина, не успеет принять деятельное участие в переговорах.

— Остров не слишком далеко, — серьезно ответил южанин и взглянул на Конана, ожидая более обстоятельных вопросов.

— Островное государство? Значит, соседи вашу королеву не беспокоят?

— Это вопрос, — Аль-Джезред тщательно подбирая слова, — ответ на который может раскрыть то, о чем я обязан молчать...

— Значит, соседи... — сделал вывод Конан, очевидно, ей нужна хорошая охрана... или же она собирается воевать...

Придворный маг молчал. Только пристально смотрел на собеседника.

— Другой вопрос, — невозмутимо продолжал Конан, — почему она выбрала меня? Откуда она вообще меня знает?

— Кто же на островах не знает капитана Амру?! — воскликнул Аль-Джезред.

Но, увидев, что сидящие за соседними столиками посетители с любопытством обернулись, он понизил голос и продолжал почти шепотом:

— Установить подлинное имя Амры для меня не составило труда...

— Понятно, — кивнул Конан.

— А как по-настоящему, на картах называется остров? — встрял Хепат

— Его название и точное географическое положение мне также велено держать в секрете...

— Как долго туда добираться?

— На моих лошадях, — маг чуть заметно усмехнулся, — мы доедем за пять дней. На ваших — пришлось бы ехать не меньше года.

— Ну, точно на краю земли! — Хепат стукнул кулаком по лежащей на столе бороде.

— Интересные у тебя лошади, — пробурчал Конан, подливая вина, — вряд ли они похожи на наших...

— Скоро сами увидите, — сказал маг.

— На какой срок твоя госпожа собирается нас нанять? — спросил Хепат.

— Нанять она собирается Конана, — уточнил южанин, — а ты, уважаемый гном, как я понял, просто небольшой довесок... Что касается сроков — то их нет. Будет разовое задание. Как только вы его выполните — мои животные отвезут вас обратно.

— Ну что ж, все ясно... — Конан нахмурился: его не покидало ощущение надвигающейся беды. Он немного помолчал и добавил:

— Вот моя цена...

2

Животные придворного мага Аль-Джезреда оказались кошмарными тварями, напоминающими огромных пауков с крыльями. Они копоши-

лись в темноте, издавая отвратительное похрюкивание. Пещера, где южанин предусмотрительно спрятал «лошадей», находилась в нескольких часах пути от города.

Вручив коней и верблюда Хепата погонщику, который, не мешкая, отправился в обратный путь, Конан вслед за Аль-Джезредом вошел в темную пещеру. Гном остался снаружи под благовидным предлогом разведения костра и распаковывания седельных сумок. Нельзя сказать, что его пугали звуки, доносящиеся из «стойла». Просто он не горел желанием познакомиться со странными скакунами южанина, хотя понимал: рано или поздно придется взгромоздиться им на спину.

В пещере, пока глаза привыкали к темноте, Конан слышал уханье, хрюканье и поскрипывание, издаваемое «лошадьми». Маг где-то рядом бормотал ласковые слова и, вероятно, почесывал животных за ушами, если, конечно, у них были уши. Постепенно Конан стал различать копошащиеся силуэты крылатых пауков. Пучки глаз поблескивали не то злобно, не то испуганно. Длинные суставчатые ноги нетерпеливо сучили, задевая друг о друга и производя крайне неприятные звуки.

— Вот и наши лошадки, — ласково сказал из темноты Аль-Джезред, — смотри не напугай их, Конан. Медленно подойди и почеси голову. Вот тут.

С трудом Конан различил, где именно чешет маг. Выходило, что где-то на самой макушке, у

основания маленьких рожек. Вздохнув, киммериец осторожно приблизился к тварям. Не такие уж страшные, скорее даже забавные, с испуганным взглядом... По размерам меньше коня, но больше осла. Очень много ног... или лап. На спине крылья, как у нетопыря или дракона. Словом, пауки с крыльями.

Конан потрогал рожки. Они оказались мягкими и бархатистыми. Почесал. И, к своему удивлению, услышал тихое, ласковое мурлыканье.

— Пусть и гном познакомится со своим «конем», — озабоченно сказал маг, — иначе он может испугаться незнакомого седока... Нужно позвать...

— Я уже давно здесь, — раздался голос, словно бы из-под камня, — и Хепат медленно приблизился.

— Я и забыл, как гномы умеют прятаться, — рассмеялся южанин, — почеши ему рожки... Вот так... Слышишь — он доволен? Мурлычет, как ваши кошки... За эти рожки будете держаться в полете... Поедем, а затем полетим, ночью... Они не любят дневного света...

До темноты успели как следует закусить и даже подремать. Засыпая, Конан чувствовал пристальный взгляд мага. Интересно, сколько он успел узнать... И кстати, чем они питаются, эти «кони»?..

Ночь выдалась темной и мрачной. Тяжелые тучи закрыли луну, звезды едва мерцали за дымной пеленой быстро несущихся рваных облаков.

Кое-как усьелись на пауков. Хепат ворчал и не-

довольно хмыкал. Конан молча взялся за бархатные рожки, примостился поудобнее.

— Они побегут или полетят? — он почесал основания рожек и, как голос старого друга, с удовольствием услышал нежное мурлыканье.

— Вначале побегут, — откликнулся маг, — вам нужно привыкнуть... иначе, чего доброго свалитесь, — и он добродушно рассмеялся.

— Не на таких ездили! — задиристо воскликнул Хепат и тут же стыдливо умолк. Кому он, последний из племени... морочит голову? Этот придворный маг видит его насквозь! Видит, как он боится, трясется, как спирает у него дыхание при одной мысли о том, что нужно будет лететь на этих мерзких пауках... Хотя, надо сказать, они оказались довольно милыми животными... Мурлычут... А то, что иногда похрюкивают — так это от страха перед незнакомыми наездниками...

Успокоившись, Хепат крепче ухватился за рожки. И тут его стало немного покачивать, потом трясти — пауки побежали. В темноте невозможно было разобрать, какова скорость их бега. Ветер бил в лицо, пытался сорвать одежду. Пришлось втянуть голову в плечи и закрыть глаза. Отпускать мягкие рожки, чтобы плотнее запахнуть, почему-то не хотелось.

Из-за туч показалась луна, и Хепат обалдел: пятна лунного света на земле сливались в одну размытую дорожку — пауки бежали с немыслимой для живого существа скоростью! Нет, глаза лучше закрыть!..

Внезапно тряска прекратилась, а за спиной

послышался свист крыльев. Гном помотал головой — они уже летят! Ветер так и норовил сбросить Хепата наземь. Свист чудовищных крыльев разрывал уши. Вот если не сидеть на пауке, а прилечь, вытянуться, крепче ухватясь за рожки...

Так они летели сквозь ночь, а впереди и чуть слева медленно разгоралась заря, словно предвещая беду ярким, кровавым цветом...

На пятую ночь пауки приземлились перед главными воротами огромного, хорошо освещенного замка. Конан напоследок ласково почесал рожки «скакуна» и помог слезть Хепату, который удивленно покачивал бородой, мысленно измеряя высоту крепостных стен.

— Это замок нашей королевы, — пояснил Аль-Джезред, как будто они могли ошибиться и прилететь в другое место.

— Это я уже понял, — проворчал Конан.

Пауки с удивительным проворством убежали в темноту. Железная решетка на воротах с грохотом поднялась, приглашая пройти под огромными ржавыми зубьями.

— Следуйте за мной, — коротко сказал маг и широким шагом направился к барбакану.

Замшелые стены замка поражали высотой и мощью. Вершины угловых башен терялись в темноте, несмотря на то, что повсюду горели огромные, смоляные факелы. За стеной громоздились обычные замковые постройки, а посреди, подобно громадному скалистому плато, возвышалась цитадель.

Прошли по плохо освещенному дворику, не-

сколько раз ныряли в длинные низкие строения, пока Конан с Хепатом вконец не запутались. Очевидно, это и являлось целью столь длинного перехода. Наконец, совсем уж в темноте, протиснулись в какую-то щель и очутились в святой святых королевы Острова Пауков — внутри цитадели.

— Королева примет вас утром, а пока можете отдохнуть в отведенных покоях, — скороговоркой произнес Аль-Джезред и, поручив Конана и Хепата заботам угрюмого слуги, торопливо скрылся в узком боковом проходе.

Слуга, после длительных переходов по коридорам и лестницам, привел друзей в маленькую темную комнату, где с трудом помещались две узких лежанки.

— Не слишком ласково встречает гостей королева этого острова, — пробурчал Конан, укладываясь, — посмотрим, что будет завтра...

Наутро, вместо хмурого слуги, в комнату впорхнули две молодые рабыни и помогли друзьям одеться. Конан одобрительно потрепал девушку по щеке, а Хепат шлепнул «свою» пониже спины.

В хорошем настроении друзья проществовали в зал приема. На золотом, украшенном драгоценными камнями троне сидела королева — маленькая сморщенная и, по-видимому, злобная старуха. Рядом, в свободной позе, небрежно опершись о трон, стоял придворный маг Аль-Джезред.

Хепат, почему-то считавший, что королева обязательно должна быть молодой красавицей,

приуныл и втянул голову в плечи. Конан спокойно и с достоинством поклонился. Спихватившись, гном также отвесил низкий поклон.

Старуха впилась в Конана горящими глазами.

— Ты именно такой, каким мне тебя описывали! Огромный воин-варвар, красавец и герой! Я разрешаю подойти и поцеловать мне руку.

Конан, сохраняя на лице спокойное, невозмутимое и, насколько возможно, учтливое выражение, широким шагом подошел к старухе, опустился на одно колено и прикоснулся губами к сухой, морщинистой руке.

Королева и маг внимательно наблюдали за реакцией киммерийца. Конан надеялся, что сумел поглубже запрятать истинные чувства, оставив на лице только невозмутимую учтливость.

В этот момент Хепат издал хриплое карканье. Конан мгновенно обернулся, положив руку на рукоять меча. Через весь тронный зал медленно ползла огромная змея. Ее отливающее металлом тело, толщиной с хороший бочонок, отвратительно пульсировало. Массивная плоская голова раскачивалась в такт движению. Немигающие черные глаза, величиной с плошки, нестерпимо блестя. Хвост гадины все еще скрывался в круглом отверстии, находящемся в дальнем углу зала, а непрестанно высовывающийся раздвоенный язык уже почти касался ног Конана.

Киммериец сдержал инстинктивный порыв выхватить меч — краем глаза он заметил: за его действиями внимательно наблюдают королева и маг. Что это? Проверка? В тронном зале не могут

водиться дикие змеи, следовательно, эта тварь — ручная, скорее всего, любимица безобразной старухи-королевы. Вспомнились крылатые пауки. Возможно, на острове иные домашние животные, нежели в остальном мире.

— Вы рискуете жизнью своей любимицы, ваше величество, — спокойно сказал Конан, — я мог испугаться и отрубить ей голову.

— Но ты не испугался... — королева, казалось, была несколько разочарована, — это Глайя, она живет в замке со дня его основания... Приходится ее сытно кормить, иначе...

Конан кивнул. Хепат, подойдя к другу, внимательно наблюдал, как огромная тварь медленно свивает кольца вокруг трона. Аль-Джезред демонстративно погладил рептилию по плоской голове. Длинный раздвоенный язык толщиной в руку несколько раз обвил его пальцы.

— Ты должен помочь мне, Конан, — старуха приступила, наконец, к делу, — мой маг сказал, какую цену ты запросил. Я согласна, как он и говорил, увеличить ее вдвое. А вот жалование твоему оруженосцу...

Хепат воинственно выпятил бороду и набрал в грудь воздух. Королева скривилась, будто глотнула прокисшего вина.

— Ладно, пусть все будет так, как вам пообещал Аль-Джезред.

Гном шумно выдохнул, так ничего и не сказав. Конан внимательно посмотрел на старуху. А ведь ее нос и подбородок мечтают встретиться, подумал он, седые космы — как их не расчесы-

вай — выглядят не лучше пакли. А сморщенное тело похоже на иссохшую плоть мумии.

Мысленно отомстив, таким образом, королеве за не слишком ласковый прием, вслух он сказал:

— Мы готовы выслушать задание.

— Хорошо, — прошамкала старуха, пожевав губами, — слушайте...

3

— Не по нутру мне это поручение, — ворчал Хепат, усаживаясь на паука.

— Мне тоже, — Конан почесал своему «коню» рожки и с удовольствием услышал мягкое мурлыканье, — вначале разберемся, что к чему... Прикинемся наемниками, как и советовала королева, а уж там посмотрим...

На сей раз в роли гида и погонщика животных выступал один из помощников Аль-Джезред — молчаливый юноша с раскосыми глазами. В его присутствии приходилось соблюдать осторожность, так как он, конечно же, получил задание слушать и запоминать...

После приема в тронном зале друзей сытно накормили и отвели отдыхать в уже знакомую каморку.

Вечером пришел Аль-Джезред, еще раз повторил детали разработанного королевой плана, напомнил о щедром вознаграждении и представил погонщика пауков — своего ученика и помощника по имени Азинф.

С наступлением ночи Конана и Хепата прове-

ли извилистыми, тайными путями из цитадели в небольшой внутренний дворик.

Отсюда они должны были вылететь на другой конец острова, где высадилась с армией наемников Звездная Ведьма, мечтающая заполучить трон и богатства старой королевы.

— Что же это за Звездная Ведьма такая? — бормотал гном, удобнее усаживаясь на спине паука.

Конан промолчал, а погонщик неожиданно сказал:

— По слухам, она прекрасна, как юная пери! Вам будет нелегко ее убить...

— Но вначале, как приказала королева, нам нужно войти к ней в доверие и возглавить армию, — Конан усмехнулся, — не так-то просто это сделать: у нее, конечно же, есть свои генералы...

— Тебя, Конан, она обязательно поставит во главе армии... — погонщик загадочно улыбнулся.

Пауки нетерпеливо топтались, мечтая поскорее выбраться из небольшого мощеного дворика на простор. Наконец, пробежав под ржавой решеткой, они взмыли к звездам.

Очередной ночной полет, как и раньше, сопровождался свистом крыльев, ветром, бьющим в лицо, и ощущением невероятной свободы. Хепат распевал любимую песню гномов царства Вармина.

Конан, запрокинув голову, смотрел на звезды — призывно подмигивающие, пробуждающие непонятную, почти детскую тоску не то по дому,

не то по недостижимому блистающему царству богов.

Но остров был невелик, и пауки скоро опустились, перешли на бег, а затем и вовсе остановились. Конан почему-то был уверен, что они, так же, как и он, недовольны коротким полетом... Не дали развернуться бедным животным! Не позволили в полной мере насладиться свободой...

Погонщик увел «скакунов» в ближайшую пещеру, а Конан с Хепатом прилегли под деревом, решив дождаться рассвета.

Утром, взвалив на плечи котомки, друзья двинулись в направлении лагеря захватчиков.

— Странно... — заметил гном, — почему он, этот хитрый Азинф, уверен, что она тебя обязательно сделает генералом?

Конан, нахмурившись, предположил:

— Возможно, мы с ней встречались раньше...

— Может, это рыжая разбойница, о которой ты рассказывал? Как ее?.. Рыжий Ястреб?

Конан долго молчал. Недовольно косился на семяющего рядом Хепата, не к месту вспомнившего старую историю. Гном, чувствуя нетерпение друга, почти бежал, часто спотыкался о норки сурков, несколько раз падал и был у самой земли подхвачен мощной рукой киммерийца.

— Не подходит рыжей прозвище Звездная Ведьма... — сказал он скорее себе, чем Хепату, — это, возможно, подошло бы... Н-да... Ну, посмотри...

Остров густо порос лесом, и тропинка, на которую утром вступили друзья, весело петляла

среди деревьев. Косые лучи солнца, пробивающиеся сквозь кроны, разбудили дриад, тени которых то и дело мелькали в густой листве.

Иногда казалось, что впереди, на тропе, в ожидании трепещет стройное, обнаженное тело молодой лесной нимфы, но всякий раз это оказывалось обманом. А может, дриада успевала превратиться в небольшое дерево или изящную, гибкую лиану?

Вскоре вышли к небольшой речке, на излучине которой расположилась лагерь армия наемников.

— Тут должны быть часовые... — Конан оглядел ближайшие кусты, — нас задержат и проведут к этой самой... Звездной...

По веткам скакали белки, пели птицы, радуясь новому дню, где-то вдали слышался звериный рык. Часовых не было.

— Они еще не проснулись, — захихикал гном.

Свистнула стрела и вонзилась в землю у его ног.

— Стой спокойно, — Конан поднял руку в знак того, что пришел с миром.

Через несколько мгновений друзья были окружены десятком вооруженных людей. Украшенные шрамами гладко выбритые лица наемников, зверские бородатые физиономии лесовиков, хмурые чернокожие лица с вывернутыми губами и разрисованными щеками, копья, луки, мечи, топоры... Армия Ведьмы состояла из разного сброда.

— Кто такие и куда идете? — спросил грубый голос.

— Наемники с Севера, — спокойно ответил Конан, ища глазами задавшего вопрос, — слышали, что готовится славный поход, хорошая пожива...

— А этот, — огромный чернокожий воин ткнул копьем в сторону Хепата, — тоже наемник? Часто ли его нанимают? И для чего?!

Несколько грубоватых смешков взбесили гнома.

— А ты, большая обезьяна, помолчи! — выкрикнул он и двумя руками оттопырил нижнюю губу так, что она почти коснулась груди.

На минуту воцарилась удивленная тишина, затем негр заревел рассерженным быком и бросил копье, целясь дерзкому гному в грудь.

Свистнул меч Конана, и копье упало к ногам Хепата в виде двух половинок. Солдаты вмиг образовали круг, в центре которого оказались бешено вращающий глазами негр, Хепат и Конан.

Негр потряс рукой с растопыренными пальцами, и кто-то из товарищей бросил ему меч. Чернокожий воин радостно завыл и кинулся на Конана. Но через мгновение растерянно смотрел на обломок меча в руке. Опять повернулся к товарищам, и на сей раз ему бросили топор. Тяжеленный кусок железа на дубовой, окованной медью рукоятке.

Ощущая приятную, надежную тяжесть грозного оружия, негр рассмеялся. С рычанием размахнулся и... разочарованно опустил руки. Тяжесть вдруг исчезла. Топор валялся у его ног, а в кисти остался жалкий обрубок рукоятки.

— Такой быстроты я еще не видел! — воскликнул один из наемников, по виду главный на

этом посту, — Вложи в ножны меч, герой, ты нам переломаешь все оружие! И добро пожаловать в нашу армию!

Под одобрительное ворчание солдат Конан спрятал меч, а Хепат незаметно сунул в ножны фамильный кинжал.

Обстановка разрядилась. Послышался смех, шутки. Негр качал головой и массировал кисть. Один из наемников удрученно держал в руках обломки меча.

— Перекалили, — бормотал он, — неумелые горе-кузнецы! Хорошо, что я не успел пойти в бой с этим мечом...

* * *

Цветной шатер Звездной Ведьмы возвышался среди походных палаток наемников, как гора среди холмов. После короткого доклада Конана провели внутрь.

В окружении сурового вида генералов стояла стройная красавица с небрежно разбросанными по плечам иссиня-черными волосами и блестящими, смеющимися глазами.

— Кром! — вскричал Конан. — Я так и думал, что это окажешься ты!

Генералы удивленно переглянулись. Этот бродяга близко знаком с госпожой?!

Ведьма сделала шаг и внезапно очутилась рядом. Погладила гладко выбритые щеки Конана, попыталась разгладить морщины на лбу...

— Ты ведь не забыл свою Итилию, правда? —

в черных глазах женщины запрыгали знакомые до боли чертики.

— Подожди, во имя всех богов! Меня ведь на-няли убить тебя!..

— Я знаю, — промурлыкала женщина, — знаю... У меня хорошие осведомители.

Затем, слегка отстранившись, внимательно посмотрела на смущенного богатыря.

— Так ты намерен выполнить эту работу, или тебя можно перекупить?

— Теперь я в любом случае на твоей стороне... Но если перекупишь — это будет еще лучше, — Конан усмехнулся, — и скажи — зачем тебе понадобился этот остров?

— Дело не в острове, Конан. Я узнала, что этот замок, где сидит старая карга, раньше принадлежал моему отцу. Да, — продолжала Итилия грустно, — я происхожу из весьма знатного рода. Карга хитростью завладела замком, а его прежних хозяев и их детей продала в рабство...

Лицо Конана потемнело.

— Клянусь, она заплатит за это! Я помогу тебе захватить цитадель.

— Твоя помощь понадобится позже. Захватить замок не составит труда — ворота нам откроют: у меня повсюду друзья...

Итилия замолчала, и Конан понял, что она не хочет говорить лишнего в присутствии своих генералов.

— В темных лабиринтах замка есть секреты, которые мы должны разгадать...

— Понятно... — кивнул Конан, — дойдет до

дела — разгадаем. А пока не хочешь ли увидеть старого друга? Эй, позовите сюда Хепата!

4

— Пока все идет по плану королевы — я вошел к тебе в доверие и возглавил армию, — расхохотался Конан после того, как Итилия представила его обескураженным генералам как нового командующего. Умудренные годами и сединами генералы удалились переваривать странное назначение гиганта-варвара на столь ответственный пост, а Конан, Итилия и Хепат сели, наконец, за стол.

— Не смейся. Старая карга очень хитра. Она знала, что мы знакомы, она точно рассчитала, что я назначу тебя командующим... И, конечно, она поняла, что ты перейдешь на мою сторону... Тут какая-то хитрость, Конан...

— А может, она рассчитывала на его жадность? — прошамкал Хепат с набитым ртом. — Хоть и знакомы, но тут такие деньги!..

— И, думаешь, она не допускала мысли, что я могу перекупить героя? — улыбнулась Итилия. — Ей ведь известно о моем богатстве! Нет, нет... она все рассчитала заранее!..

— Не приписываешь ли ты старой королеве слишком много ума? Может, она просто хваталась за соломинку? Думая, что огромные деньги все-таки сделают свое дело?..

— Не называй ее королевой! — вскричала Итилия. — Она — узурпатор! Она просто хитрая

карга! Я мечтаю, чтобы она живой попала мне в руки!..

— Значит, настоящая королева — ты? — Хепат с почтением уставился на женщину. — Именно такой и должна быть королева! А то я смотрю...

— Да, я королева по рождению... Если, конечно, нет в живых никого из моих братьев... Нас было семеро. Шесть братьев и я...

— Если короле... гм, старая карга так хитра — в чем же ее расчет? — вернулся к теме Конан.

— Не знаю... Даже не могу предположить... — Итилия досадливо поджала губки.

Затем показала на клевавшего носом, изрядно захмелевшего Хепата:

— Я приказала разбить ему палатку недалеко от моей... нашей... Отнеси его и возвращайся ко мне!

— Слушаюсь, моя королева! — гаркнул Конан и, взвалив на плечо гнома, преувеличенно твердым шагом вышел из шатра.

— Конан, — забормотал вдруг Хепат, — Конан, знаешь, когда проживешь достаточно долго... мир наполняется призраками!.. Они повсюду! Они — в нас, Конан... Прежде всего в нас!.. Почему, почему мне все время вспоминается мой позор? Почему не всплывают моменты триумфа? Ведь были и такие минуты! Были! Нет... Призраки... Призраки, Конан, это не полупрозрачные фигуры, плывущие в ночи!.. Нет... Это наша память!..

Конан опустил Хепата на траву, не донеся до палатки. Слова гнома потрясли его. Он слишком

много выпил? Или вино помогло ему что-то понять?..

— Призраки, Конан, — это наша память!.. — продолжал в забытьи Хепат, — наша больная память!.. Наша душа, бедная, измученная душа! Призраки вокруг! Оглянись! Разве, глянув на пригорок, ты не вспоминаешь тех, кого убил на таком же пригорке?! Разве их души не тревожат тебя, Конан? А призраки моих братьев?.. Они — со мной... Постоянно со мной... Как и тех — волосатых, длинноруких обезьян... Скольких я убил? Зачем? Почему живые существа убивают друг друга?! Разве мало им места на земле?! Ответь, Конан, ответь!!

Конан смущенно пробормотал:

— Я не знаю... Так повелось... Так было всегда...

— Убить!.. Это проще всего! Самое простое для того, чтобы завладеть чужим богатством, замком, имуществом... Убить — и забрать! Гораздо проще, чем построить, найти, вырастить...

Киммериец молча внимал горячечному бреду пьяного гнома. Бреду?.. Он задает вопросы, на которые никто никогда не сумеет ответить... Даже через много тысяч лет...

— Все существа — люди, гномы, волки, шакалы, олени... — все сбиваются в стаи! — шептал Хепат, — почему? В стае проще выжить... Но в этой же стае есть такие твари, что начинаешь мечтать об одинокой жизни!.. Один... В лесу... В пещерах... Один — без стаи! Но так не бывает... Все выжили только потому, что сбились в стаю... Но призраки... не дают им... спокойно жить...

Хепат открыл глаза — блестящие и затуманенные. Схватил Конана за руку, сжал...

— Скажи, Конан, тебя не преследует память, призраки?

— Спи... Я отнесу тебя... — Конан поднял вновь заснувшего Хепата и, стараясь не слишком его трясти, бережно понес в палатку.

* * *

Аль-Джезред проснулся в плохом настроении и с головной болью. Всю ночь, в мучительном полусне, он пытался разгадать замысел своей госпожи. Зачем хитрая старуха велела найти этого варвара? Ясно, что он перейдет на сторону Ведьмы... Для чего это ей — королеве?! Этот киммериец — отличный воин. Зачем же усиливать соперницу?! Надеется, что они, обладая каждый независимым характером, поссорятся? Слабая надежда... Попытается как-то повлиять на Конана, когда он встанет во главе армии? Но как?

И тут придворного мага бросило в жар. Ведь она — хитрая и наивная старуха, свято верящая в колдовство, может дать такое задание ему — великому магу Аль-Джезреду! А стоило кому-то из слуг не выполнить задание!.. Эта ее отвратительная змея вечно голодна! Из-за ползучей гадины, он стал ненавидеть прекрасное имя — Глайя. Когда-то у него была рабыня с таким именем... Нежная и чувствительная! Теперь же память показывает не соблазнительные изгибы тела девушки, а мерзкие кольца гигантской змеи!..

Наивная вера старухи в магию позволила легко заморочить ей голову двумя-тремя обычными фокусами... Стать придворным магом! Но настоящая магия!.. Аль-Джезред поежился. Настоящая, она, конечно, существует... Где-то... Все придворные колдуны, которых он знал — были чистейшей воды шарлатанами! Как и его отец, и отец его отца... Они были просто фокусниками... И вот теперь старуха может потребовать воздействовать магией на этого гиганта-варвара!

Аль-Джезред сжал сухие ладони, чувствуя между пальцев холод. Мысли понеслись вскачь. Придворный маг вскочил и в волнении забегал по комнате. Заключить тайный мир с Конаном и Ведьмой? Отдать им замок, сохранив за собой высокий пост придворного мага? Да, но... там... в подвалах... в бесконечных лабиринтах замка... Он иногда по ночам слышит...

И все же — если старуха даст задание — придется рискнуть... Придется тайно лететь к Конану.

Приняв решение, Аль-Джезред почувствовал себя лучше. Вздохнув, он трижды хлопнул в ладоши, и в комнату вбежали молодые рабыни в легких прозрачных одеждах. Весело щебеча и стараясь чаще прикасаться к своему господину легкими, воздушными ручками, девушки, выполняя обычный утренний ритуал, облачили его в пышные одежды придворного мага.

Старуха величественно восседала на троне, вокруг которого как всегда обвилась змея. И казалось, что королева сидит не на золотом высоком кресле, а произрастает, подобно мерзкой орхидее,

прямо из середины пульсирующих колец гадины. Аль-Джезред очень надеялся, что его истинные чувства надежно скрыты под маской учтивости. Как всегда, он мелкими, подобострастными шажками приблизился к трону и, сделав изрядное усилие, погладил змею по плоской голове. Гадина высунула холодный, раздвоенный язык. Все как обычно, за исключением одного — в зале был кто-то еще.

Аль-Джезред чувствовал присутствие еще одного человека. Может, все же у него есть определенные задатки мага?

Огромный, гулкий, пустой, за исключением трона, зал подавлял. Так и было задумано когда-то старухой. Захватив замок, она приказала перенести трон в это помещение... Он, Аль-Джезред, в те времена был юношей, а она уже тогда — старухой! Она всегда была старухой! Невозможно представить молодой эту хитрую бестию!

Ощущение присутствия кого-то невидимого усилилось. Сильная, могучая личность! Человек — человек ли? — умеющий становиться невидимым. Возможно, настоящий маг, вызванный откуда-то старухой... Или — демон? Или... или — оттуда? Из подвалов? Нет, нет... Там другое...

Аль-Джезред отвесил самый изысканный поклон, на который оказался способен в такой ситуации.

— Ваше величество, почему вы прячете Его от меня?

Старуха удовлетворенно кивнула и щелкнула пальцами, как заправский фокусник. И тот, что

стоял рядом с тронном — проявился... Внушительная фигура в простой одежде и с грубым лицом. Но, приглядевшись, Аль-Джезред заметил на голове незнакомца небольшие рожки.

По залу прошелестел сквозняк. Спине стало холодно. Значит, демон? А, собственно, какие они? Несмотря на все рассказы королеве о демонах — он их ни разу не видел. Порой даже сомневался в существовании этой расы нелюдей. И вот...

Придворный маг и странный пришелец молча, в упор смотрели друг на друга.

«А смог бы я приделать себе рожки? — вдруг подумал Аль-Джезред. — Конечно, смог бы!.. Так может, он тоже фокусник, этот демон? Не похоже, не похоже...»

— Это мой придворный маг, Аль-Джезред, — говорила между тем старуха, указывая на него костлявым согнутым пальцем. Демон кивнул, спутанные черные волосы на голове качнулись, и стали лучше видны рожки.

Меньше коровьих, но более толстые... Маг также склонил голову в знак приветствия.

— Я рад встретить в этом древнем замке собрата по профессии, — церемонно проговорил он, ощущая всю фальшь пышных слов.

Лицо рогатого оставалось неподвижным и бесстрастным. Лишь глаза горели странным огнем.

В темноте, вероятно, они светятся... горят... как у волка. Так демон это или нет? Аль-Джезред старался мыслить четко и спокойно. Рога... Но если это не фокус — рога могут быть... Просто ино-

гда рождаются уроды... Этот родился с рогами. Его и стали почитать за демона. А он, может быть, просто мужлан!.. Нет... нет, не мужлан. Чувствуется сила... Хотя, разве мужланы не могут быть сильными?

— Вы, ваше величество, усомнились в моих способностях? — небрежно сказал маг. — Призвали демона... Разве я когда-то не справился с заданием?

Старуха вдруг ощерилась, показав черные гнилые зубы.

— С этим заданием ты можешь и не справиться! Тогда справится он! — королева постепенно успокоилась и поудобнее уселась на троне.

— Ты должен, — продолжала она, опершись рукой о пульсирующее тело своей любимицы Глайи, — ты должен...

— Я знаю — спокойно перебил Аль-Джезред, — я должен заколдовать Конана.

Старуха удивленно взглянула на придворного мага, затем бросила взгляд на демона.

— Верно... Ты все же чего-то стоишь! — она опять переглянулась с пришельцем. — Ты должен поссорить Конана с Ведьмой и заставить его перейти на нашу сторону.

— И пусть он доставит ее сюда, как пленницу, — добавил демон.

Голос у него, как и следовало ожидать, был низким и хриплым. Почти нечеловеческим. И в то же время, так мог говорить много пьющий мужик, обладающий природным басом. Да... но королева не отрицала того, что призвала демона... Может, это ее очередная хитрость?

Аль-Джезред с достоинством поклонился и, пятясь, чтобы не поворачиваться к страшной старухе спиной, стал удаляться. Это он в свое время ввел такую церемонию — представший пред светлые очи королевы не смел поворачиваться к ней задом... Пожилые придворные, вынужденные перенять этот глупый ритуал, были очень недовольны. Пятясь задом, часто спотыкались и падали, чем доставляли старухе истинное наслаждение.

Покинув тронный зал, маг тяжелым шагом прошествовал в южное крыло цитадели, где занимал несколько комнат. Встречавшиеся обитатели замка — рабы, воины, придворные — останавливались и низко кланялись великому магу. Не отвечая на поклоны, Аль-Джезред тяжело шагал по длинным коридорам древнего замка, рассеянно перебирая в памяти разговор со старухой. Значит, поссорить Конана и Ведьму... Может, прилететь к ним и попробовать сделать это с помощью лести и хитрости? Нет... не работает... Душа сурового киммерийца не приемлет интриг... Придется перейти на их сторону и помочь захватить замок. Но... там... в подвалах... Как быть с тем?..

Достигнув, наконец, своих комнат, Аль-Джезред облегченно вздохнул. В любом случае, он может еще много раз покидать замок и возвращаться обратно. Нужно припрятать где-то сокровища... Подготовиться к новому жизненному этапу...

После ухода придворного мага старуха сухо усмехнулась.

— Этот шарлатан полетит к Конану предавать меня. И постарается спрятать все то, что сумел наворовать. Нужно проследить, где он устроит тайник.

Демон молча наклонил рогатую голову.

— Кроме того, нужно уже сегодня околдовать киммерийца. Пусть захватит Ведьму и летит к нам на пауках. Армию распустит. Ты, вызванный мною из нижних пределов — сможешь ли ты это сделать?

Демон вновь кивнул и медленно растаял в воздухе.

Старуха погладила огромную плоскую голову Глайи и удовлетворенно захихикала.

* * *

Поход армии Звездной Ведьмы назначили на следующее утро. День проходил в обычных заботах. Солдаты чистили лошадей, готовили оружие, в котелках варилась походная каша с солониной. Генералы собрались на совещание в шатер Итили. Конан рассматривал наспех составленную карту острова.

При небольших размерах, этот когда-то отколовшийся от материка кусок суши с дымящимися горами и густыми джунглями представлял собой сплошную полосу препятствий. Решили двигаться вдоль побережья. Самым длинным, но наименее трудным путем.

Внезапно Конан почувствовал странное головокружение. Опершись на Хепата, он застыл с

побелевшим лицом. Итилия и генералы с тревогой наблюдали за неожиданным приступом.

«Захватить Ведьму, распустить армию... Привести Ведьму в замок» — непрерывно звучало у него в голове. Чужие слова, как удары огромного молота, оглушали, требовали немедленного действия. Невероятным усилием воли Конан сохранял сознание. Чувствуя, как предает его разум, как наваливается мутная пелена чужого влияния, киммериец сквозь зубы отдал последний приказ — связать его и не слушать, что бы он ни говорил...

Потрясенный Хепат и генералы быстро и молча выполнили приказ. Конан выгибался, пытаясь разорвать веревки. С пеной на губах, сыпал отборными проклятиями.

— Что с ним? — кричала Итилия, тряся Хепата. — Во имя богов — что с ним?!

— Я... я не знаю! — отбивался гном. — Такого никогда не было...

— Он сам попросил, чтобы его связали... — сказал один из генералов. — Он чувствовал, что надвигается безумие!

— Может, пройдет... — Хепат чуть не плакал, — тогда он нам все объяснит...

— Придворный маг Аль-Джезред на прием к ее величеству Звездной Ведьме! — скороговоркой объявил стражник, на миг показавшись в шатре.

Фокусник вошел, стараясь ступать спокойно и величественно. Но во всей его поникшей фигуре чувствовалось отчаяние. Окинув взглядом присутствующих, заметив в углу связанного Конана

и мигом разобравшись в ситуации, Аль-Джезред с поклоном сказал:

— К сожалению, я опоздал... Демон, вызванный старухой, уже околдовал героя... Я мчался, надеясь успеть... предотвратить...

— Ты знаешь, что с ним? — Итилия с состраданием взглянула на Конана.

— Да. Старуха замыслила околдовать его и заставить предать тебя, великая Ведьма! Он должен был распустить армию и доставить тебя в замок, как пленницу.

— Теперь все понятно, — задумчиво протянула Итилия. — Что ты можешь сделать, чтобы помочь ему?

— Ничего, — мрачно ответил фокусник. — Тут нужен настоящий... — он запнулся, но затем мужественно закончил: — Настоящий волшебник!

Хепат, переминаясь с ноги на ногу, мрачно рассматривал носки своих сапог. Скрипел зубами Конан. Надсадно дышал кто-то из генералов.

Внезапно гном вскинул голову:

— Есть настоящий! Я могу слетать за ним на пауке!

— Как его имя? — деловито осведомился Аль-Джезред: всех мошенников в округе он хорошо знал.

— Его зовут Эскиламп, — гном посмотрел на просветлевшее лицо Итилии. — Он сумеет помочь!

— Конечно, Эскиламп! Как я сама не догадалась?! — и ее величество Звездная Ведьма при всех обняла и расцеловала покрасневшего гнома.

Погонщик Азинф — помощник Аль-Джезреда — прятаящийся с пауками в пещере в ожидании успешного пленения Звездной Ведьмы, был введен в курс последних событий и согласился вместе с Хепатом доставить в лагерь столь необходимого сейчас волшебника Эскилампа.

Выступление армии пришлось отложить на неопределенное время. Часы просветления Конана чередовались с долгими часами мучительной тьмы, когда страшный голос демона приказывал распустить армию, взять в плен Ведьму, доставить ее в замок... Пребывая в нормальном состоянии, Конан позволял себя развязать. Он подолгу беседовал с Аль-Джезредом, расспрашивал о тайнах замка, его устройстве. Но чувствуя приближение припадка, воин ложился и сам проверял, крепко ли его связывают.

Так проходили дни и ночи. Наконец, под утро, на площадке перед шатром послышался звонкий смех Эскилампа. Что-то радостно пищал Хепат. Галдели солдаты — гном заставил пауков приземлиться посреди лагеря.

Конан был без сознания, когда волшебник озабоченно осматривал его.

— Как выглядел демон?

Аль-Джезред в нескольких словах описал мужика с рогами.

— Из низших, — презрительно скривился Эскиламп и принялся чертить на утоптанной земле непонятные знаки.

Конан пришел в себя и спокойно наблюдал за действиями колдуна. Тот, ощутив взгляд кимме-

рийца, приветственно отмахнулся ладонью, продолжая бормотать заклинания и заканчивая очерчивать круг, линии которого тут же запылали голубоватым светом.

Волшебник выпрямился и на сей раз громко и властно произнес короткое призывающее заклинание.

В огненном кольце появился рычащий от негодования рогатый демон. Но, увидев Эскилампа, затих и смиренно произнес:

— Я узнаю тебя, Покоритель Нижнего Мира. Чего ты требуешь от меня?

— Сними чары с Конана, — коротко ответил колдун.

— А если я откажусь? — низкий голос демона вновь стал походить на рычание.

Эскиламپ шелкнул пальцами, и пламя охватило грубую фигуру рогатого.

— И да снизойдет на тебя боль! — волшебник сделал знак, и демон завыл низким волчьим голосом.

— Хорошо! Хорошо! — кричал он, корчась от нестерпимой боли. — Я сниму чары... Но королева... Она, накопив сил, может вызвать меня вновь...

— О ней не беспокойся, — усмехнулся Эскиламп.

В шатре стояла напряженная тишина, пока демон колдовал над Конаном. Закончив, он сверкнул глазами на Итилию.

— Ты станешь королевой на миг, не более... Это я вижу четко...

— А теперь — сгинь! — крикнул Эскиламп, и демон постепенно стал терять материальность.

Освобожденный от веревок Конан с удовольствием расправил плечи.

— Я думаю, выступать нужно не медля! Пока старуха не опомнилась!

На следующий день армия походным строем двинулась в направлении замка.

5

— Где же твои шпионы, которые должны были открыть нам ворота? — Конан с Итилией рассматривали неприступные, уходящие в поднебесье замшелые стены замка.

Небо хмурилось. Шел мелкий дождь. Вершины башен окутали облака, будто желая спрятать их от взоров осаждающих.

— Шпионы? — рассеянно спросила женщина. — Вон они... — она указала на установленные перед воротами виселицы, на которых раскачивались на ветру трое повешенных.

— Я не могу вернуться в замок, — печально сказал Аль-Джезред. — Старая карга, конечно, уже поняла, что я перешел на вашу сторону... Замок придется брать. Я знаю, как построить метательные машины. Огромными камнями мы разобьем стены...

Конан мрачно посмотрел на бывшего придворного мага. Капли дождя стекали по грустному лицу фокусника, и казалось, что он оплакивает свою прежнюю жизнь.

— На это потребуется много времени. Нужно искать другой путь.

К ночи дождь усилился. Водяные струи, подстегнутые ветром, били в лицо, стегали по глазам, как голые осенние ветви в лесу.

Конан решил с несколькими добровольцами перелететь на пауках через стену, перебить охрану и открыть ворота.

Выяснилось, что пауки смогут взлететь с тремя — не более — седоками. На одного, позади погонщика, взгромоздился Конан с добровольцем из наемников — невысоким, но плотным и сильным солдатом. Трое других, ворча, уселись на второго «скакуна». Все было готово для внезапной ночной атаки. В ближайшем лесу расположился передовой отряд штурмовиков, состоящий из конных и пеших воинов — самых отъявленных головорезов, готовых за дополнительную плату на любые подвиги. Чуть дальше стояла армия в состоянии полной боевой готовности. Дождь и мрак пришлись как нельзя кстати.

Ворота, по словам Аль-Джезреда, охраняли не более десяти человек. Пятеро против десяти... И это в том случае, если карга не усилила охрану. А она, конечно же, усилила...

— Будем считать, что их человек двадцать, — сказал напоследок Конан. — В бой вступать только с теми, кто стоит на пути к механизму подъема ворот! И да помогут нам Кром и... все другие боги!

Хепат, очень недовольный тем, что его не взяли в передовой отряд, ворчал:

— Тут уж, скорее, нужно призывать на помощь демонов... Боги, как я заметил, редко вмешиваются в дела людей.

— Демоны — тоже, — заметил Эскилам, нагнув капюшон на самые глаза, — у них у всех свои заботы. Они расходуют энергию в иных сферах... Им просто неинтересно наше копошение в грязи...

Пауки черной тенью взмыли в темное клубящееся небо. На миг Конана накрыла серая мгла, а когда прояснилось — оказалось, что он уже находится по другую сторону стены. Часовых на барбакане не было. Возможно, они просто не хотели мокнуть и укрылись внутри башни.

— Боги дают нам шанс напасть внезапно, — прошептал Конан.

В ту же минуту шанс, данный богами, улетучился.

— Тревога! — завопил погонщик, решивший, очевидно, что служба у старухи более выгодна, нежели у Звездной Ведьмы.

Выхватывая меч, Конан в сердцах выругался, посылая последние проклятия уже вслед катящейся по лужам голове Азинфа.

— Дурак, он мог выбрать богатство, а выбрал смерть!

Из дверей барбакана выскакивали солдаты с факелами в одной руке и мечами в другой.

— Рассыпаться, затем — к воротам! — рявкнул Конан.

Хорошо обученные, привычные ко всему наемники вжались в стену, попрятались по углам

ближайших строений, исчезли в тени. Охранники с криками носились по мощеному двору, пытались в неверном свете гаснущих под проливным дождем факелов найти нападающих.

Временами, в разных местах слышался шум коротких столкновений. Солдаты бежали к месту битвы и находили, как правило, одного или двух товарищей, ничком лежавших на мостовой в красной, пузырящейся от дождя луже.

Короткими перебежками Конан достиг башни. Перед механизмом подъема решетки с обнаженными ятаганами стояли двое солдат. Увидев перед собой гиганта с огромным окровавленным мечом, солдаты — совсем молодые, с испуганными глазами — побросали оружие и протянули пустые ладони.

— Поднимайте! — Конан указал мечом на рычаги.

Солдаты закивали и поспешили выполнить приказ нового командира.

* * *

Вскоре армия Звездной Ведьмы разместилась за стенами, перед цитаделью. Большинство защитников сдались без боя, немногие, пытавшиеся оказать сопротивление, были безжалостно убиты.

Замок занимал огромную территорию. Аль-Джезред рассказывал: когда он, по приказу старухи, объезжал посты, расположенные на стенах и башнях — на это уходил весь день. Если же

просто скакать вдоль стены — можно управиться в половину дня. Но тогда старухе доносили — у нее повсюду были шпионы — придворный маг проверял посты недобросовестно.

Огромная территория была огорожена этой старой, замшелой, высокой и толстой стеной. И посередине гигантским плато возвышалась неимоверной высоты цитадель. Нагромождение карапающих небо башен и стен, скрывающих многоэтажный лабиринт коридоров, залов, переходов, тайных и явных ходов, бездонных колодцев-ловушек и комнат со смыкающимися стенами. Аль-Джезред утверждал, что обойти весь замок невозможно. Просто-напросто не хватит жизни, даже если иметь план всех этажей, тайных ходов и помещений, и не блуждать попусту. Но такого плана не было даже у старухи.

Он, Аль-Джезред, в разное время посылал людей на разведку в нижние, подземные этажи замка. Никто не вернулся. Поэтому неизвестно даже количество подземных ярусов. Очевидно, древние строители брали камень только у себя под ногами. Замок рос одновременно вверх и вниз...

— Это воистину чудовищное сооружение! — с восхищением и ужасом говорил бывший придворный маг. — Вы только представьте: цитадель тянется к небу, доставая в пасмурную погоду до облаков вершинами башен... и настолько же, если не больше, уходит вниз!.. Внизу все изрыто ходами! Там еще с незапамятных времен поселилось... нечто...

— Я знаю, — перебила Итилия, — я собирала

предания, слухи, рассказы о нашем фамильном замке...

Конан, Аль-Джезред и Итилия стояли на стене рядом с барбаканом, разглядывая неприступную цитадель. И какой же маленькой казалась им стена, по сравнению с возвышающейся перед ними крепостью!

— Кто же и когда построил эту громадину? — Конан невольно любовался неприступной красотой этой рукотворной каменной горы.

— Построили задолго до того, как тут обосновались мои предки... Кто — неизвестно: древние строители давно покинули эти места. Может быть, просто вымерли... Говорили, в переходах иногда находили кости и черепа... Не такие, как у нас... Кости были гораздо больше...

— А черепа? — спросил Конан. Он вспомнил, тайную комнату-склеп в замке лорда Брикхейма, его рогатых предков и потомков.

— Черепа?... Точно не известно... Но что не человеческие — об этом говорят все легенды.

— Кто бы ни были эти древние строители — они воздвигли колоссальное сооружение! А под ним — пустота, — Аль-Джезред затопал ногами, и показалось, что стена и земля под ней загудели, как гигантский пустой котел.

— Так кто, или что, живет в подвалах? — Конан посмотрел в черные глаза Итилии. — Нам придется с ним сражаться?

— С ним сражаться невозможно... Я потом все расскажу подробно...

— Кроме *Того*, что обитает где-то в самом ни-

зу, тут водятся еще и другие твари... Некоторых мы приручили. Пауков, например. Но есть и дикие пауки. Они — не такие. Плетут паутину... как и положено... ловят добычу... Еще где-то по лабиринтам ползает эта ее отвратительная змея — Глайя! Этот пульсирующий удав длиной во весь тронный зал! Где она живет — я не знаю... И не знаю — много ли еще таких тварей водится в лабиринтах... Я уж не говорю о летучих мышах величиной с теленка, которые давно разучились летать и время от времени выползают в жилые помещения... Есть и другие, о которых я только слышал...

— Но все эти твари должны чем-то питаться! — воскликнул Конан.

— Кто знает... Может быть, они пожирают друг друга?..

— Сколько человек постоянно живет в цитадели? — спросила Итилия.

— Несколько тысяч... Люди прибывают... и исчезают. Многих старуха скормила змее!..

— За какие грехи?

— За непослушание, невыполнение приказа, непочтительность...

На стену поднялись Эскиламп и Хепат.

— Старушка попыталась вызвать демона — нашего старого знакомого, но я сумел ей помешать, — весело сказал волшебник, окинув товарищей быстрым взглядом.

— И — что? — спросил Конан.

— Что? — не понял волшебник.

— Что дальше?

— Ну... дальше она опять может пытаться через пару дней, если накопит энергию... Опять помешаю...

— А потом?

— А потом вы возьмете цитадель! — Эскиламپ заметно помрачнел, взглянув на неприступные стены.

— Так, значит, эта короле... старая карга тоже знакома с магией? — вклинился Хепат.

— С магией знакомы многие, но не многие могут называться магами!

Аль-Джезред откашлялся:

— Дело-то не в названии... Я, вот, был придворным магом...

— Ты останешься им и впредь, — заверила Итилия, — все равно другого у меня нет.

Она выразительно посмотрела на Эскилампа.

— Когда закончит обучение наш маленький друг Дриан — лет через двадцать — я его тебе пришлю! — колдун весело рассмеялся.

Снизу раздавались пьяные голоса, кто-то затянул бравую песню наемников.

— Разграбили одну из местных харчевен! — с досадой сказала Итилия. — Я приказала, чтобы этого не повторялось. Но они успели выкатить вина — бочек десять! Хватит надолго!

— Право победителя, — усмехнулся Конан, — если не пограбить — зачем тогда и воевать?

— Но получается, что они грабят уже меня! — сверкнула глазами Итилия.

— Ты еще не хозяйка, — вздохнул Конан, — и неизвестно, как оно все сложится... А вина хва-

тит им на пару дней, не больше. К этому времени мы должны придумать, как взять цитадель!

Трудный день заканчивался. Огромное солнце величественно отправилось на отдых, неспешно опускаясь за горизонт. Впереди темнела немислимая громада цитадели. Ее дальние башни уже погрузились во тьму.

— Старушка не придумает какой-нибудь пакости, — осведомился Эскиламп, — вроде ночной вылазки, с целью перебить солдат, осмелившихся пить ее вино?

— Нет... скорее всего, нет, — ответил придворный маг, — солдат у нее немного, все больше рабы... Вот, разве, выпустит из подвалов какую-нибудь нечисть...

— Какую, например? — насторожился Хепат.

— Ну, тебе-то, уважаемый гном, бояться нечего, — продолжал Аль-Джезред, — тебя они и не заметят!

Захочет, он повернулся к заходящему солнцу, как бы отдавая последнюю дань великому дарителю жизни.

Но тут же, онемев от негодования, вновь повернулся к Хепату, готовый разорвать его на мелкие кусочки: тот попросту дал великому придворному магу пинка. Но, поскольку зад мага нахотился всего-то чуть ниже лица гнома, ногу пришлось задирать так высоко, что Хепат не удержался и грохнулся наземь.

Конан хохотал так, что пьяные наемники внизу замолкли в недоумении. Эскиламп не мог отдышаться и непрерывно вытирал слезы. Ити-

лия, сотрясаясь от неудержимого смеха, попыталась примирить врагов, но успеха не достигла.

Аль-Джезред, как человек весьма закаленный в придворных баталиях, принял самое мудрое решение: посмотрел на Хепата, как на расшалившегося ребенка и многозначительно промолчал.

* * *

Волосы Итилии в сумерках сливались с надвигающейся чернотой южной ночи. В глазах плясали огоньки костра, разведенного у самой ямы. Наемники, ворча, что они воины, а не землекопы, вгрызались в землю, как кроты. На глубине в три человеческих роста начали ставить крепления и намечать направление будущего тоннеля.

Подкоп — это была единственная возможность попытаться пробраться в цитадель. В данной ситуации — самая надежная.

Испокон веку крепости брали несколькими способами. Штурмом — с приставными лестницами и деревянными подвижными башнями. Солдаты, обезумев от страха и возбуждения, исторгая из глоток нечеловеческий рев, как муравьи, лезли на стены. А сверху лилась расплавленная смола или просто кипяток, сыпались камни, град стрел и насмешек. Длинными шестами с развилкой на конце защитники отталкивали лестницы от стен, и нападающие, завывая, падали на камни, обгаренные кровью их товарищей.

И лежа среди обожженных, исковерканных тел, в последней предсмертной тоске солдаты

проклинали эту жизнь, войну и генералов, погнавших их, как скот, на бойню.

Но иногда штурм бывал успешным. Если стены — не слишком высокие, защитников — не слишком много, и нападающие многократно превосходят их количеством и качеством — боевым духом зверя. Рычащего, сеющего смерть, разрывающего на куски кровавую плоть, зверя. И захватив крепость, солдаты еще долго не превращались обратно в людей — с рычанием, забрызганные кровью, они убивали, насиловали, грабили, снова убивали...

Они мстили за погибших товарищей тем, кто не был виноват в их гибели — оставшимся в живых женщинам, детям, старикам...

Часто нападающие строили или привозили с собой огромные метательные машины. И долгими неделями, а то и месяцами бомбардировали стены крепости. Чаще всего огромные камни бесполезно тыкались в землю, не долетая до цели. Либо стены выдерживали любые удары. И тогда приходилось идти на штурм с приставными лестницами... Деревянная башня на колесах была, конечно, лучше лестниц, но ее чаще всего сжигали задолго до того, как она успевала подползти к стенам.

Еще использовался таран. Огромное бревно, подвешенное в передвижном станке на цепях и окованное железом, при должном упорстве и хорошей раскатке разбивало ворота. И хотя над людьми, раскачивающими бревно, бывала деревянная крыша — защита от стрел и камней —

она также сгорала довольно быстро, стоило защитникам утыкать ее горящими стрелами. А ворота бывали крепкими, а бревно — не таким большим, как надо бы, а смола сверху лилась дождем...

Иногда осаждающая армия... ничего не делала. Блокада. Не позволяли подвозить в крепость продукты, заставляя, таким образом, защитников или сдаваться на милость победителей, или голодать, поедая крыс, летучих мышей и даже пауков и тараканов. Но если запасы зерна в крепости были значительны, часто начинала голодать сама осаждающая армия. Окрестности опустошены, деревни разграблены, а цитадель и не думает сдаваться...

И тогда оставался штурм... или подкоп.

Тихая сапа. Сапу копали в нескольких местах, часто с разных сторон. Копали ночами, землю скрытно выносили далеко в поле и рассеивали по ветру или бросали в овраг, буде такой найдется. Делали все, чтобы скрыть от противника истинные намерения — даже периодически устраивали штурмы с приставными лестницами и деревянными башенками. А сами копали, копали, копали...

И, выкопав под стенами крепости достаточные полости, поджигали деревянные крепления и готовились к штурму. Столбы креплений сгорали, стена оседала и разрушалась, и в пролом устремлялись рычащие солдаты.

Иногда, Впрочем, удавалось через сапу скрытно провести отряд солдат, перебить охрану и открыть ворота...

В любом случае, участь защитников крепости была решена. Пропахшие потом и кровью, с пеной на губах, изрыгая страшные проклятия, озверевшие, потерявшие человеческий облик солдаты не знали жалости. Жалостливые — умирали первыми, еще на подходе к стенам... В крепость прорывались звери, убийцы, чудовища...

Через некоторое время, впрочем, они, насытившись смертями, кровью, грабежами и насильем, становились вполне добродушными и веселыми людьми. Некоторые каялись, вспоминая, сколько невинных жизней они загубили. Другие просто удрученно качали головами, выпив в кругу товарищей несколько кружек доброго вина.

6

Сумерки и отблески костра превращали Итилию в некое сверхъестественное существо с горящими глазами. Молча и неподвижно, как прекрасная статуя, стояла она на краю ямы, пока солдаты не наткнулись на клад...

Восторженные крики привлекли ее внимание, и в один миг женщина очутилась внизу, среди разгоряченных работой наемников.

Дубовый, окованный медью сундук наполовину сгнил, но его стенки все еще надежно сохраняли доверенное им сокровище. В том, что найдены несметные богатства, никто не сомневался. Сундук стоял, как в домике, на деревянном помосте, под деревянной же крышей, надежно удерживаемой короткими толстыми столбами.

— Вытаскивайте наверх! — спокойно сказала Итилия, окинув взглядом возбужденные лица наемников.

— Может, сначала посмотрим, что там внутри?

Кто-то уже начал сбивать замки, другие невзначай оказались между женщиной и кладом, третьи в задумчивости положили руки на рукоятки мечей.

Через мгновение солдаты откинули крышку сундука и застыли, не в силах оторвать взгляд от его содержимого. В отблесках горевшего наверху костра и свете зажженных факелов всеми цветами радуги переливались бриллианты и изумруды, сапфиры и топазы, аметисты и рубины.

Несметные, недоступные людям сокровища хранились глубоко в земле Острова Пауков. Подобное не должно принадлежать людям! Такими сверкающими камнями украшают себя пеританцующие среди звезд! Демоны в пещерах когтистыми пальцами перебирают, пересыпают из ладони в ладонь эти сокровища, любуются их чистым светом! Невидимые духи хранят их в глубинных тайниках в центре Земли. Отблески адского пламени и звездного света живут, затаившись, в этих камнях!

И вот, к ним потянулись корявые пальцы грубых солдат. Смеясь, наемники набивали карманы не имеющим цены светом. Камнями, которые они, бросив службу, будут пропивать всю оставшуюся жизнь.

Итилия быстро вскарабкалась наверх и вытащила единственную длинную лестницу. Внизу

вспыхнула ссора, и солдаты даже не заметили, что оказались в ловушке. Впрочем, опытным воинам всегда не сложно выбраться из ямы, втыкая в стены кинжалы и мечи.

Отряд, снаряженный Итилией для копки сапы, насчитывал десять человек. Один оставался наверху, остальные — копали. Не мешкая, женщина послала возбужденного криками, доносящимися из ямы, часового за Конаном и Эскилампом.

Вскоре наемники загладели с нескрываемой злобой — эта ведьма вытащила лестницу! Хочет забрать сокровища себе или поделить на всех. Если распределить на всю армию — каждому достанется по два-три камешка — всего-то!.. Нет, это нужно одному! Двум-трем! Ну, пусть десятку... Только тогда жизнь нашедших и захвативших богатство превратится в уладу, в сказку, в неслыханное наслаждение!.. А эта тварь!.. Разрубить ее на куски и разбежаться в разные стороны! Спрятаться где-нибудь в пещерах, переждать, а потом... Потом — будет волшебная сказка!..

Наемники завывали и, втыкая кинжалы в podatливые земляные стены, стали карабкаться наверх. Свистнула сабля, и головы двух неудачливых солдат покатались назад в яму.

На некоторое время воцарилось молчание. Противники оценивали силы друг друга. Семь человек в яме и одна женщина наверху. Семь сильных опытных солдат — но в невыгодной позиции. Одна женщина — но какая! Сама Звездная Ведьма с острой саблей в руке! Готовая отру-

бить голову любому, кто взберется по стенам ямы. Теперь солдаты припомнили слухи и легенды о Звездной Ведьме, нанявшей их на службу. Говорили о ее невероятной скорости, об умении владеть саблей лучше любого воина, о ее коварстве и распутстве...

Молча стали высыпать из карманов драгоценности понурые наемники. Затем, так же молча, выбросили наверх все оружие.

Подошедшие Конан с Эскилампом застали печальную и поучительную картину — понурые солдаты вытаскивали из ямы древний сундук, а рядом, с обнаженной окровавленной саблей, стояла гневная Итилия.

Мечи и кинжалы наемников были свалены поодаль, а в яме лежали два окровавленных тела и две головы с оскаленными зубами и запекшейся на губах кровью.

— Каждый из вас, нашедших клад, может взять по горсти, — сказала Итилия, — остальное будет потрачено на нужды армии!

Бормоча слова благодарности, солдаты зачерпнули по полной горсти искрящихся камней. Разобрали оружие. Затем каждый испросил у Звездной Ведьмы разрешения навсегда покинуть армию. Итилия отпустила всех, взяв слово, что остальные солдаты о найденных сокровищах ничего не узнают.

— Через пару лет они вернуться опухшие от пьянства, — бросил Конан.

— Может, кто-то купит хороший дом, займется хозяйством?.. — предположил Эскиламп.

— Вряд ли... Они умеют только убивать и пропивать награбленное!

— А ты, Конан, умеешь делать что-то другое? — без обычной улыбки спросил волшебник.

Киммериец посмотрел на товарища долгим взглядом.

— У меня еще все впереди...

* * *

Подкоп рыли днем и ночью, глубоко под землей пробиваясь к цитадели. Аль-Джезред надеялся выйти в подземные этажи без особых трудностей — древним строителям не было смысла выкладывать под землей сплошные стены. Где-нибудь да отыщется проход...

Команды по десять человек, вгрызаясь в землю, сменяли друг друга через каждые три часа. Две других — выносили землю.

Работа шла споро, и вскоре узкий тоннель уткнулся в огромные, плохо подогнанные друг к другу каменные глыбы.

— Фундамент, — сказал Аль-Джезред, — теперь нужно копать ниже...

Придворный маг, Конан, Итилия, Эскиламп и Хепат пришли, как только получили известие о том, что тоннель уперся, наконец, в стену. Их глазам в неверном свете факелов предстали валуны, держащие на себе всю громаду цитадели. Предстояло углубиться еще ниже и попытаться пройти под фундаментом.

— А кто знает, на какую глубину уходит фун-

дамент? — спросил Конан, мрачно осматривая камни.

Вопрос остался без ответа. Никто не знал, как строили те, кто в далекие времена жил на острове. Хепат попытался протиснуться меж каменных глыб. Бочком, затем на животе, а потом и ноги его исчезли в извилистом проходе.

— Даже если наш друг и проберется, это не поможет, — грустно сказал Аль-Джезред, — солдаты не пролезут.

— Если Хепат найдет проход, его можно будет расширить, — Эскиламп заглянул в щель, где исчез гном, и почесал подбородок, — некоторые камни я мог бы раздробить с помощью заклинаний...

Время шло, а Хепата все не было. Друзья терпеливо ждали.

— Наверху, вероятно, уже ночь... — Итилия поежилась.

В узком тоннеле, освещенном колеблющимся светом факелов, время остановилось. Где-то там, наверху, светила луна, мерцали звезды, возможно, еще не спряталось за горизонт солнце. Генералы проверяли посты, солдаты несли службу или отдыхали. В окружающих замок джунглях кишела живность — невидимые твари лазали, ползали, прыгали, кричали на разные голоса...

Тут, внизу, глубоко под землей — ибо тоннель специально рыли с наклоном вниз — жизни не было. Могильная тишина и ожидание. Итилия первая почувствовала приближение некой злой, бездушной силы.

Друзья поежились и теснее прижались друг к другу. Из векового мрака подземелья к ним двигалось *нечто*. Накатывалось, подобно гигантской волне — фатально, неотвратно, сея смерть и разрушение, а, главное — предсмертный, всепоглощающий ужас.

Абсолютная тишина усиливала предчувствие неизбежной гибели.

— Зря мы отпустили солдат, — прошептал Аль-Джезред.

— В такой тесноте от них мало толку, — сказал Эскиламп.

Конан скользнул вперед и встал у самого фундамента. Никто не заметил, когда он обнажил меч. Ожидание растягивалось, как в дурном сне. Тесные земляные стены тоннеля, казалось, постепенно смыкаются, стараясь раздавить горстку людей, дерзнувших подкопаться под старинный замок.

— Где носят демоны нашего гнома?! — зашипел Аль-Джезред, потеряв терпенье.

— Он не вернется, пока не найдет проход, — спокойно сказал Конан.

— Мы не знаем, на каком уровне подземных ярусов находимся, — придворный маг с трудом подбирал слова, — если Хепат разбудит...

— Если мы на *том* уровне, — перебила Итилия, — Оно уже давно разбужено!

Аль-Джезред нехотя кивнул.

— И только боги знают, с чем нам предстоит столкнуться...

Внезапно из щели вынырнула голова Хепата с

всклоченной бородой и дико вытаращенными глазами.

— Скорее! Скорее завалите этот ход! Замуруйте отверстие! — Гном выполз из расщелины, как червяк из кучи навоза. — Оно гонится за мной! О боги!

— Факелы к стене! — рявкнул Конан.

Он встал наизготовку, а остальные поднесли факелы к самой расщелине.

— Я чувствую... — трясся Хепат. — Оно идет... оно уже тут, среди камней!..

— Что-то приближается, приготовьтесь, — изменившимся голосом произнес Эскиламп и забормотал заклинание, протянув руку к камню, нависшему над проходом, из которого вынырнул гном.

— Что? Что ты видел?! — допытывалась Итилия, пытаясь успокоить обезумевшего Хепата.

— Там... — шептал гном, как во сне, — там... нечто... Оно учуяло меня...

Внезапно Эскиламп выкрикнул заключительные слова заклинания, и огромный камень, на который были направлены дрожащие он напряжения пальцы волшебника, с треском раскололся пополам.

Затем на глазах стал змеиться трещинами, и каждая половинка раскололась еще на две, затем еще... Посыпались мелкие камешки. Почти одновременно с этим Конан хэкнул, как дровосек, врубающийся в толстенное дерево, и к ногам присутствующих упала огромная, как бочка, голова гигантской змеи. Из расщелины, разбрызги-

вая черную кровь, торчал обрубок тела, надежно заклиненный каменными осколками.

— Это не Глайя, — хрипло сказал Аль-Джезред, наклоняясь над плоской головой гадины. — Я так и думал, что все подземелье кишмя кишит подобными тварями!..

— Если бы она не застряла в осколках... — Конан покачал головой, — я мог бы и не успеть... Быстрая тварь!..

— Это не то... не то... Эта не та мерзость, что гналась за мной... — шептал в забытьи Хепат, — та, другая... страшнее... больше... гораздо больше... Она коснулась меня... коснулась...

7

Хепат проболел несколько дней. Похудел, и взгляд его стал странным, будто он ежесекундно видел то, что недоступно другим. Проход среди камней, найденный гномом, постепенно расширили, подтесав некоторые камни и вытащив другие — помельче. Затем намалевали указатели направления, чтобы не сбиться с пути и не застрять в какой-нибудь узкой тупиковой расщелине.

Солдаты, работающие на расчистке прохода, ничего подозрительного не слышали и не чувствовали.

— Они просто огрубели, — говорил Хепат, — их черствые души не могут воспринимать ничего, кроме непосредственной опасности...

— Непосредственной — нет, и то хорошо, — усмехался Конан.

Решено было в подземелье замка переправить шесть десятков солдат. Остальные будут ждать сигнала к штурму. Отбирались только добровольцы. Итилия пообещала каждому, кто останется в живых, по горсти драгоценных камней.

— Хватит ли? — сомневался Аль-Джезред. — Камней-то хватит? — Он очень хотел узнать, чего и сколько нашли солдаты в старом сундуке.

— На оставшихся — вполне хватит, — отвечала Звездная Ведьма, будучи уверена, что останется не много. А может, и вообще... Если огромные гадины, выродки Гдаи, ползают по всем ярусам... Да еще и То... Она считала, что шесть десятков — это очень немного для такой рискованной вылазки.

Солдаты заготавливали смоляные факелы, точили мечи и судачили о предстоящем подземном походе.

— Зря я вызвался лезть в эту дыру, — говорил заросший бородой до самых глаз наемник, за невероятную угрюмость прозванный Весельчаком.

— Возьми да и откажись, — посоветовал другой, с корявым лицом, истыканным оспинами и покрытым шрамами. Этого прозвали Красавчиком.

— Легко сказать — откажись... А горсть камешков?! — И Весельчак длинно, замысловато выругался. — Кто ж откажется?!

— Да многие отказались...

— А ты-то — что?!

— А я знаю, как в живых остаться, — хмыкнул Красавчик.

— Ну и как?

— Да надо держаться ближе к этому громадному киммерийцу! Рассказывали, что он одним ударом отрубил голову огромной змее... А голова-то не меньше бочки будет!

— Да как держаться, когда нас построят — кто знает, где твое место будет?

— В строю — ладно... А как свалка начнется — так и держись...

* * *

Перед походом Звездная Ведьма выступила с кратким напутствием.

Коротко рассказала о цели вылазки — подняться наверх, отыскать ворота, открыть их и дать сигнал к атаке.

— А что же — никто не знает, где ворота эти? — шептал из бороды Весельчак, нагибаясь к уху товарища.

— Да вроде как нет их, — отвечали более осведомленные солдаты. — Снаружи — не найти! Сплошь камень. Но, по здравому разумению, ворота должны быть... Изнутри — найдем!

— Если змея не сожрет... — буркнул Весельчак.

Итилия напомнила о награде добровольцам, о необходимости не шуметь и соблюдать дисциплину.

— Никто из генералов не вызвался командовать вами в подземельях! — возвысила голос Звездная Ведьма.

— Не могу осуждать их за это. Я сама поведу вас!

В подобных случаях полагалось восторженными криками выразить бурную радость, но, учитывая необходимость соблюдения тишины, солдаты молча подняли мечи.

С наступлением темноты колонна наемников змеей вползла в тоннель. Впереди шел Конан, рядом семенил оправившийся Хепат, Итилия и Эскиламп — чуть позади. Аль-Джезред тоже отправился, так как был единственным, кто знал цитадель.

Длинный подземный ход с каждым шагом заметно понижался. Солдаты, чтобы не создавать дополнительный шум, шли не в ногу. Каждый пятый нес зажженный факел, а каждый третий имел за спиной вязанку запасных. Двигались быстро и молча. Скоро достигли фундамента.

Конан двинулся было к расщелине, но Итилия незаметно придержала его, отдав приказ первой десятке наемников проползти между камней фундамента и занять круговую оборону. За первым десятком последовал второй, затем третий...

Только после этого женщина отпустила руку Конана, и он устремился вслед за солдатами. Внутри его глазам предстала ужасная картина.

Огромный зал с высоким потолком и корявыми стенами из необработанного камня тонул в полумраке. Беспорядочно разбросанные догорающие факелы начинали коптить. С потолка свисало липкое вервие, таких размеров, что в нем мог бы запутаться и буйвол. В стенах зияло множест-

во отверстий, подозрительно напоминающих норы огромных змей. Множество камней, не то упавших с потолка, не то вытащенных кем-то из стен, кучами валялись на полу. А между ними, в лужах крови, лежали куски растерзанных солдат. Из трех десятков опытных воинов в живых не осталось никого!

Итилия, гибкая, как пантера, уже стояла рядом и молча созерцала картину побоища. Тридцать человек, следующие за Конаном, выбирались из прохода и, страшно ругаясь сквозь зубы, согласно ранее полученному приказу, занимали круговую оборону.

— Трехпалая лапа и огромные когти... — Конан, подсвечивая факелом, ходил кругами, рассматривая множество кровавых следов. — И ни одного трупа нападавших!

— Это не пауки, — дрожащим голосом сказал Аль-Джезред, — хотя пауки тут и жили, — он указал на покрытую толстым слоем пыли паутину, — но они давно ушли...

— Или были съедены новыми хозяевами, — добавил Эскиламп.

— Ужасный запах, — пожаловался Хепат. — Воздух застоялся, значит, возможно, нет хода дальше... Мы можем и не пробраться в верхние этажи...

Действительно, в подземелье стоял густой, удушливый смрад. Гниль, затхлость, тление...

Запах свежей крови несчастных солдат также внес свою лепту в этот отвратительный букет зловония.

— Есть еще следы хвоста... — продолжал Конан. — Похоже, эти твари ходили на задних лапах, опираясь на толстый хвост.

— Никогда таких не видел, — прошептал Аль-Джезред, — но я же говорил, что в нижних ярусах своя жизнь...

Кровавые следы уходили в темноту. Не менее десяти кровожадных тварей — судя по отпечаткам лап и хвостов — насытившись, скрылись в одном направлении.

— Нам, по-моему, в другую сторону, — нервно усмехнувшись, пропищал Хепат.

— Боюсь, что там единственный выход, — мрачно сказал Конан.

— Будем надеяться, что они насытились, — пробормотал Эскиламц, — а сытая тварь должна спать...

После короткого совещания решили обследовать зал и, если не найдется другого выхода, следовать по кровавым следам таинственных чудовищ. Солдаты разбились на тройки и рассыпались по темному залу. Конан поднял исковерканный меч одного из наемников.

— Смотрите! Следы зубов. И когтей. Скорее всего, твари ходят на задних лапах, опираясь на хвост, а передними разрывают добычу.

Ужасная, как видения ада, картина предстала воображению друзей. Громадные чудовища, быстрые, сильные, когтистые, с огромными зубами, неуязвимые... Выскакивая из темноты, рвут на части несчастных, не успевших опомниться солдат, насыщаются дымящимися кусками мяса и

исчезают в проходе, куда теперь необходимо идти оставшимся в живых людям...

Наемники бродили вдоль корявых стен, заглядывая в каждое отверстие. Воздух стал еще более тяжелым из-за горения множества факелов. Наваливалась усталость — сказывался недостаток кислорода.

В дальней стене обнаружили пролом, куда и вели кровавые следы. С величайшей осторожностью, держа оружие наготове, солдаты двинулись вслед за тварями, растерзавшими их товарищей. Зажгли больше факелов, надеясь светом отпугнуть чудовищ. Через пролом попали в другой зал, гораздо меньших размеров. Обследовали и его, но не обнаружили ничего примечательного. Следы вели дальше в какой-то коридор. Другого выхода не было. Втиснулись с факелами и мечами наизготовку в коридор. Мокрые, осклизлые стены были обильно украшены ползающими слизняками. С потолка капала вода.

Рядом с Конаном тихими голосами переговаривались двое солдат.

— Вот тебе, Красавчик, и будет горсть камешков — горстями будешь загребать, когда кишки вываляться! Только камни-то будут не те! Вот эти-то осколки будешь собирать в судорогах!..

— Заткнись, Весельчак! Заткнись, падла! И без тебя тошно! Свети лучше... Вон, что-то там...

Солдаты загомонили, загалдели, собравшись у поворота — нашли издыхающего монстра. Чудовище лежало на боку, откинув толстый чешуйчатый хвост, и сучило когтистыми лапами. Малень-

кие, злые глазки его остекленели. Из глубокой раны в брюхе кровь уже не текла.

— Все-таки достал его один из наших!.. — вздохнул Весельчак. — Не такое оно и страшное, это чудище... и не таковских выдывали!..

Издыхающий монстр действительно выглядел скорее жалко, нежели устрашающе. Однако Конан заметил, что ростом оно будет повыше человека головы на три, что когти на небольших передних лапах могут, как хорошие кинжалы, без труда распороть кольчугу, а зубы прокусить любой шлем.

— Вот ты послушай, киммериец, — сказал вдруг Конану постоянно крутившийся рядом солдат с корявым лицом, — хоть ты и генерал нам, как сказано Ведьмой, а сдается мне, что ты такой же наемник, как и мы...

— Ну, что тебе? — Конан пробовал мечом чешуйчатую кожу издыхающего чудовища. — Крепкая! Не сразу пробьешь!

— Вот ты скажи, — не отставал солдат, — есть у нас шансы в живых остаться?

Конан внимательно посмотрел на настырного наемника, припомнил, что он — и еще один, с бородищей — все время около него крутятся.

— Иди вперед! И ты! — он указал мечом на Весельчака. — Оба — вперед!

Переругиваясь вполголоса, солдаты протиснулись в первые ряды. Двинулись дальше. Коридор вывел на небольшую площадку, откуда круто вверх уходила узкая лестница. Следы чудовищ виднелись дальше по коридору.

— Слава богам! — облегченно сказал Красавчик. — Хоть и послали нас в первые ряды, а чудовищ уже не встретим! Они пошли прямо, а мы — наверх!

— Да наверху, может, их гораздо больше! Или других! И надо же было тебе, дураку, с Конаном заговорить!..

— Ничего, Весельчак, ничего... Пронесет...

Осветили факелами лестницу. Далеко наверх уходили стертые ступеньки. Дальше — темнота. Пошли гуськом. Конан, Итилия, Хепат, Эскиламп и придворный маг Аль-Джезред замыкали цепочку. Именно на таком порядке настояла Звездная Ведьма, и это в очередной раз спасло им жизнь.

Сверху стали раздаваться истошные крики, ругань, визг невидимых пока существ, свист мечей и стоны раненых солдат. Затем стали вперемежку падать трупы наемников и огромных летучих мышей.

Нетопыри, выросшие до невероятных размеров, с недоразвитыми крыльями, но хорошо развитыми зубами, падали как груши. У каждого на теле зияла рана, нанесенная мечом или кинжалом...

У солдат же большей частью было разорвано горло. Некоторые и вовсе вместо головы имели кровавый сгусток пережеванной плоти и переломанных костей.

Когда лестница, наконец, привела воинов на широкую площадку, за которой виднелся вход в зал — в живых осталось всего восемь солдат. За-

брызганные кровью, с дикими, вытаращенными глазами, они сбились в кучу, словно испуганные овцы.

Конан заглянул в зал. Пыль и запустение. Но через узкие, невидимые снаружи окна-бойницы сочился солнечный свет!

— Мы поднялись выше уровня земли! Придворного мага ко мне!

Аль-Джезред, бледный, как полотно, приблизился к Конану.

— Это первый этаж цитадели. Его заброшенное крыло. Теперь я знаю, куда нужно идти!

Наемники стояли отдельной группой и недружелюбно посматривали на своих руководителей. Из шестидесяти человек их осталось всего-навсего восемь.

— Теперь бы нам не по одной горсти камней положено, а хотя бы по две! — говорил забрызганный кровью солдат с корявым лицом.

— По десять тебе выдадут! — мрачно отвечал другой, из-под бороды которого выглядывала окровавленная повязка.

Итилия, отличавшаяся тонким слухом, спокойно сказала:

— Каждый, кто останется в живых, получит по пять горстей драгоценных камней! Бриллиантов, изумрудов, топазов!..

Наемники заметно приободрились. Загомонили.

— Осторожно! — крикнул Эскилам, показывая в дальний угол зала.

Из темной норы, пульсируя, как пиявка, выползала громадная змея.

— Это Глайя! — крикнул Аль-Джезред. — Не бойтесь, она ручная!

— И она, кажется, умирает, — добавил Хепат.

Конан увидел, что тело гигантской рептилии истерзанно когтями. Шкура висела клочьями. Места, откуда были вырваны куски мяса, сильно кровоточили.

Аль-Джезред вышел вперед.

— Как же они тебя... И откуда они только взялись?

Глайя из последних сил подползла к придворному магу и положила голову ему на плечо. Фокусник, как когда-то у трона старухи, ласково погладил змею и дрогнувшим голосом сказал:

— Бедная... А я всегда... тебя недолюбливал... Бедная ты моя...

Глайя затихла, и Аль-Джезред бережно опустил на пол огромную голову с потускневшими глазами.

Суровые наемники понуро и молча смотрели на мертвую любимицу королевы. В глазах придворного мага стояли слезы.

— Если эти твари выбрались на верхние этажи, нам придется туго! — нахмурился Конан.

— Кажется, я догадываюсь, откуда они... — медленно сказала Итилия. — Колая сапу, подтесывая камни, мы разбудили то, что исстари дремало в подвалах цитадели...

Аль-Джезред вздрогнул.

— Ты думаешь?..

— Да... Легенды говорят об огромных яйцах, о дремлющей до поры самке-королеве... Мы разбу-

дили ее, и она снова принялась за работу! Скоро весь замок будет заполнен чудовищами!..

— Вероятно, такое уже случилось однажды, — Эскиламپ задумчиво посмотрел на мертвую змею. — Самка наплодила чудовищ, и они пожрали строителей этой крепости. После чего сами издохли от голода, а королева — заснула на несколько тысячелетий...

— В какой стороне тронный зал? — спросил Конан.

Аль-Джезред указал на одну из арок, за которой виднелся длинный коридор.

— Нам нужно сматываться как можно скорее! — крикнул Хепат, но Конан уже размашисто шагал в указанном направлении.

— За ним, — бросила Итилия, и оставшиеся солдаты, взяв мечи наизготовку, поспешили следом.

На сей раз тронный зал представлял собой странное зрелище.

На полу ровными рядами, как надгробия на кладбище, лежали огромные яйца. Белые, гладкие, как хорошо отполированные валуны, они окружали золотой трон, на котором сидела мумия королевы Острова Пауков. Старуха умерла от ужаса. Тело ее не было тронутو когтями твари, которая, как гигантский кузнечик, высилась посреди зала.

С мягким шлепком на пол упало очередное яйцо. Затем еще и еще...

Самка была в несколько раз крупнее тех монстров, что разорвали первые три десятка солдат.

Выпуклые глаза смотрели на вторгшихся в ее владения людей с нескрываемой злобой, но длинный, массивный яйцеклад ни на секунду не прекращал работы. Шлеп, шлеп... Маленькие передние лапы твари судорожно сжались, когда к ней приблизился Конан с обнаженным мечом. Солдаты заходили с боков.

Неожиданным броском самка, вытянув лапу, зацепила одного из наемников. Затем, все так же, не отрывая тяжелый яйцеклад от пола, бросилась в другую сторону, и второй солдат покатылся с разорванным животом. Быстрота движений чудовища была феноменальной. Стало ясно, как за несколько минут погибли тридцать опытных наемников.

Конан, в момент, когда тварь отклонилась, убивая очередного — третьего — солдата, прыгнул вперед и вонзил меч глубоко в чешуйчатое брюхо чудовища.

Визг на пределе слышимости человеческого уха заполнил тронный зал.

Затем самка, повалившись на бок и суча длинными суставчатыми ногами, стала издавать странные, ритмичные звуки, напоминающие музыку дикарей-пиктов.

— Она созывает своих последышей! — крикнул Эскиламп. — Надо бежать!

— Кром! Меч остался у нее в брюхе! — Конан никак не мог подойти к издыхающему чудовищу.

С нескольких сторон послышалось усиленное эхом завывание. На помощь королеве двигалась орда чудовищ.

— Они повсюду! — заорал Аль-Джезред.

Затем, взяв себя в руки, прислушался.

— Там! Кажется, там их нет! — он бросился к одной из дверей. Пятеро оставшихся в живых солдат смотрели на Конана, ожидая приказа.

— Я догоню, — усмехнулся киммериец, примериваясь выхватить меч.

— Мне тут один друг говорил, чтобы я держался к тебе поближе, — крикнул бородач с окровавленной повязкой на шее. — Жаль, что он не дожил до этого момента...

Солдат рубанул мечом по ноге чудовища. Четверо других наемников тотчас последовали его примеру.

Самка брыкалась, старалась зацепить когтями наносящих увечье врагов, что дало Конану возможность подойти ближе и выдернуть, наконец, меч из брюха чудовища. Черная кровь тягучим фонтаном брызнула ему в лицо. Королева забилась в последних судорогах.

— Скорее! — крикнула Итилия. — Аль-Джезред приведет нас к воротам!

Конан покидал тронный зал последним. На миг остановившись, он увидел, как поверженную королеву обступили ее подданные. А из яиц уже проклевывались новые монстры. Некоторые еще нетвердо стояли на ногах, другие, достаточно освоившись, издавали глухое рычание, вертя головами в поисках добычи.

— Скоро их тут будет несколько тысяч! Замок потерян, и нам надо убираться! — крикнула Итилия.

Люди бежали со всех ног, пытаясь не упустить из виду фигуру придворного мага, показывавшего чудеса скоростного передвижения по запутанным коридорам замка...

* * *

— Каждый из вас получит обещанную плату, плюс надбавку, — говорила Звездная Ведьма, обращаясь к шеренгам солдат, — мои корабли отвезут вас, куда скажете...

Затем она подошла к отдельной группе наемников.

Пять человек... Почти все перевязаны кровоточащими бинтами.

— Идите в мою палатку, и пусть каждый из вас зачерпнет по десять горстей драгоценных камней!

— Только не пропивайте все сразу! — усмехнулся Конан.

— Купите замки с богатыми, плодородными землями, ведите хозяйство, — добавил Эскиламп.

— Купите лучше дворцы и заведите гарем! — крикнул Хепат.

Солдаты гуськом пошли в шатер Звездной Ведьмы.

— Эх, жаль, Красавчик не дожил... — грустно сказал бородач с забинтованным горлом, набивая карманы сверкающими камнями.

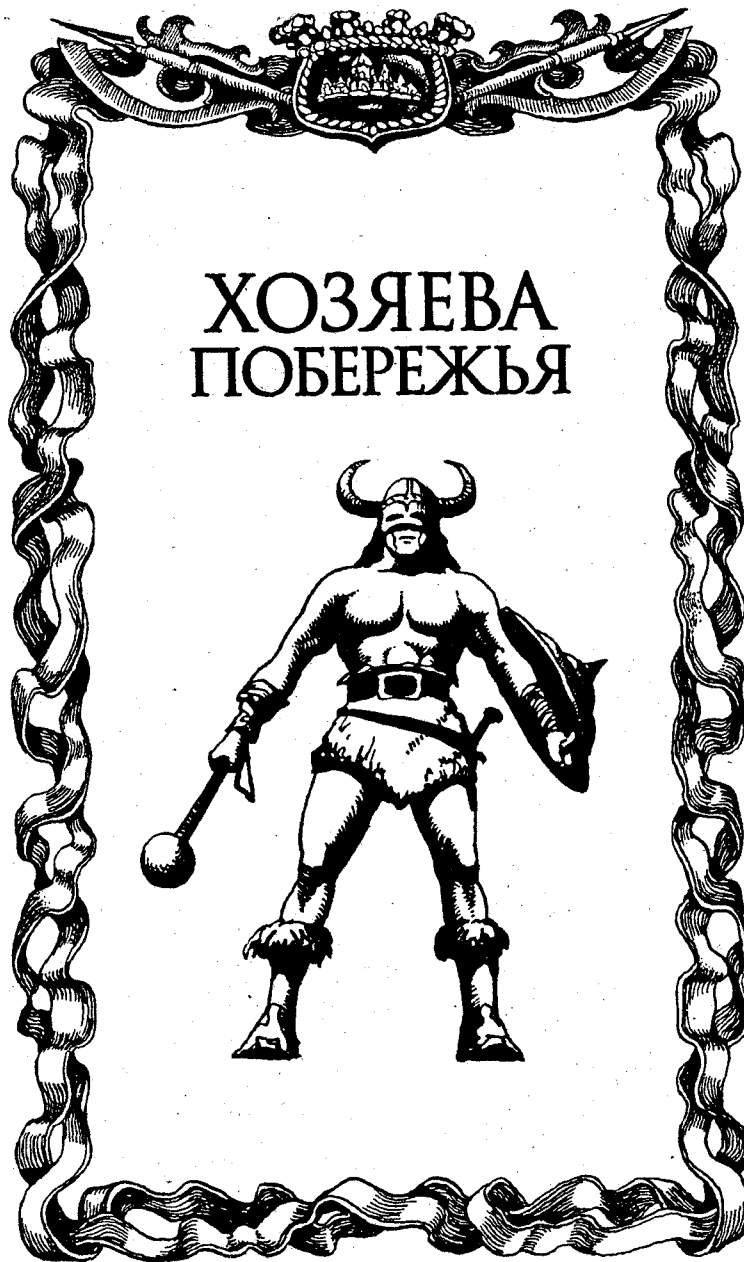
Затем он долго, молча смотрел на готовые к отплытию корабли, которые унесут его к новой жизни.

Но почему-то предстоящая сытная, богатая жизнь не радовала. Невольно вспоминалась полутьма подземелий цитадели, погибшие в схватках товарищи.

«Зачем это все? — думал Весельчак. — Для кого? Ради чего погибают солдаты?! И, вообще, кому все это надо?!...»

Глава 1

О тайных обществах

Вебольшое поместье Бильнас считалось самым удобным перевалочным пунктом на дороге из Сартоса в Кемми. Уставшие караванщики могли найти приют на одном из трех постоялых дворов, сменить лошадей на верблюдов, подлатать в кузне прохудившуюся кольчугу.

Хотя совсем недавно Бильнас был той еще дырой. Путешественника в его окрестностях могли запросто ограбить, убить, а в случае крайнего невезения, еще и изнасиловать. Но случилось однажды проехать мимо Бильнаса одному башковитому купцу-кофийцу. Он оценил превосходное месторасположение поместья и, прибыв в Сартос, немедленно выкупил права на эту землю у местных Хозяев.

Для начала купец нанял три десятка отчаянных головорезов из пиратов, что швартовались в

Сартосе, и очистил окрестности Бильнаса от лихих людей. Весь следующий год кофиец занимался строительными работами. Снес стену вокруг замка, венчавшего собой центр поместья. Сам замок немного подчистил, обустроил и превратил в некое подобие местной управы, из которой человек, назначенный кофийцем, руководил всей жизнедеятельностью Бильнаса.

За несколько лет поместье полностью преобразилось. Открылись всевозможные лавки. В дополнение к главному постоялому двору — «На перепутье», построили еще два, попроще и подешевле. Из Сартоса подтянулись жрецы Сета. В результате долгих торгов с наместником Бильнаса они добились разрешения построить храм на главной улице поместья неподалеку от замка. Культам Митры, Иштар, Дэркетто и Эрлика пришлось удовольствоваться меньшим. Их святыни расположили в маленьком полуночном квартале, названном впоследствии «храмовым».

Человек, прибывший в Бильнас со стороны Кеми, был высок и худощав. Смуглая кожа, орлиный нос и темно-карие глаза выдавали в нем уроженца Иранистана. Возраст его определить было проблематично, скорее всего что-то около тридцати. Одет он был на закатный манер. Рубаха с короткими рукавами и легкие брюки. За поясом путешественника висел кинжал с волнистым лезвием. Другого оружия при нем не наблюдалось.

По сторонам иранистанец не глазел. Двигался уверенной походкой к постоялому двору.

В «На перепутье» обычно останавливались только знатные особы и купцы, что побогаче. Кровати здесь были самые мягкие и просторные в Бильнасе, девушки самые обходительные, а вино неразбавленное. На первом этаже денно и ночно дежурили пятеро громил, готовых предупредить любое нападение на постояльцев.

Ну и цены, правда, были тоже соответствующие. Причем настолько, что большинство путешественников посылали хозяев «Перепутья» с их запросами куда подальше. Так что проблемы свободных мест на постоялом дворе не существовало.

Детина, прислуживающий у входной двери, внимательно осмотрел гостя и, судя по мрачному выражению лица, увиденным остался недоволен. Иранистанцу на его соображения было плевать. Не обращая внимания на гримасы прислужника, он спокойно отворил дверь и вошел в таверну. Детина так и не решился его остановить.

Внутри таверны обстановка оказалась не в пример благожелательней. К гостю сразу же подпорхнула миловидная девушка-прислужница в красивом белом платье с голубыми вставками.

— Что вам угодно, господин? — поинтересовалась она у иранистанца. — Комнату на ночь? С девушкой или без? Или просто желаете у нас отобедать?

— Мне надо дождаться моих друзей, — сказал гость. — У нас с ними на шестой послеполуденный колокол назначена встреча. После неё я и решу, оставаться ли мне на ночь. А пока принеси мне вина и чего-нибудь мясного.

— Жареный поросенок устроит?
— Да, вполне.
— Вино какое предпочитаете?
— Красное, сухое, — сказал иранистанец. —
Сорт на ваш выбор. Что-нибудь не очень дорогое.
— Присаживайтесь, — сказала девушка. —
Скоро всё будет готово.

Иранистанец кивнул.

В обеденной зале было пустынно. Из десятка имевшихся здесь столов были заняты лишь два. Иранистанец выбрал себе место у окна. В Бильнасе стояла столь страшная жара, что заклятья, работавшие на постоялом дворе, оказались бессильны перед ней. А вот свежий ветерок, задувавший в залу из окна, приносил с собой желанную прохладу.

Иранистанец откинулся на спинку стула и закрыл глаза. До встречи с «друзьями» оставался еще почти целый колокол. Это время смуглокожий путник собирался потратить исключительно на отдых, разумеется, совместив это дело с приемом вина и пищи.

С улицы доносились звонкие мальчишеские голоса. Иранистанец прислушался. Ребяшня спорила по поводу правил какой-то игры. Путник позавидовал этим незнакомым ему детям. Сам он в их возрасте играл в другие игры.

Тем временем, судя по звукам, кто-то подошел к столу, что-то на него поставил и ушел.

Иранистанец лениво приоткрыл правый глаз.

На столе появились бутылка вина и кружка, которую гость не преминул немедленно наполнить.

Аромат у вина был приятный, терпкий. Иранистанец сделал несколько маленьких глотков. Напиток оказался достаточно крепок. Во рту после него слегка вязало. Иранистанец довольно улыбнулся. Ему нравилось, когда для приготовления вина использовали молодой виноград. Он и сам так когда-то поступал.

«Похоже, от воспоминаний никуда не деться, — подумал он. — Когда мир стоит на пороге великих перемен, хочешь — не хочешь, а обращаешь взгляд в прошлое».

Время текло медленно. Есть почему-то расхотелось. В замечательном жареном поросенке, поданном к вину, он только для виду немного поковырялся вилкой. Внезапно у иранистанца возникло странное безотчетное желание вынести блюдо с мясом на улицу и отдать его первому попавшемуся бедняку. Это раньше такие порывы происходили у него с пугающим постоянством, но за последние годы он научился контролировать себя. Если живешь среди людей заката, будь добр принимать их правила игры.

Уже тринадцать лет он не бывал в родных краях. Не то чтобы он грустил по Иранистану. Ему никогда там не нравилось. Просто иногда хотелось пройтись по тем улочкам, на которых вырос, посмотреть в глаза друзей. Прикоснуться к миру, что остался в его прошлом. А потом уйти. На этот раз уже навсегда.

У него было предостаточно и времени, и денег, чтобы совершить это путешествие. Но он еще не был готов. Ему не достанет смелости за-

глянуть в Обитель Эрлика Иранистанского, а без этого возвращение представлялось лишь нелепой шуткой.

Путник вновь наполнил вином свою кружку. На этот раз он пил жадно, отбросив в сторону хорошие манеры.

Кто знает, когда в следующий раз представится возможность вот так спокойно посидеть за бутылкой хорошего вина? Очень скоро мир изменится.

Они приехали раньше. Иранистанец сразу понял, что это те самые люди, с которыми он должен встретиться. Ему не нужны были пароли, тайные знаки и прочая подобная чушь. За долгие годы службы он научился видеть людей насквозь.

Первый — это, наверняка, Дамар. Туранец. Невысокого роста, пожилой, чуть полноватый, одетый во всё белое. Он носил тоненькие, едва заметные усики. Оружия иранистанец на нем не углядел. Дамар работал вторым помощником придворного лекаря в Султанапуре. Знающему человеку этот факт говорил очень многое. «Вторыми помощниками» в Туране называли тех людей, чья деятельность так или иначе затрагивала процедуру умышленного лишения жизни человека человеком. Так, вторые помощники оружейника работали с пленными или рабами, выискивая наиболее рациональные способы отправления несчастных в мир иной посредством тех видов холодного и стрелкового оружия, что использовались славными туранскими воинами. Вторые

помощники придворных магов экспериментировали с самыми разными атакующими заклятьями. А люди вроде Дамара были специалистами по ядам.

Второго человека, вошедшего в «Перепутье», звали Себер. Он работал библиотекарем в книгохранилище в Нумалии. Себер не нравился иранистанцу. Он казался ему слишком глупым. Все свои знания немедиец извлек исключительно из книг. У него даже жены не было. Путешествие в Стигию, что он совершил ради этой встречи, ознаменовало для него первый выезд за стены родного города. Внешность у Себера была тоже типично библиотечной. Во всяком случае, иранистанец не сомневался, что так выглядят все заядлые книгочеи. Ростом маленький, кожа нездорово бледная. Несмотря на молодой возраст немедийца, на голове у него уже красуется впечатляющая залысина. Одет Себер был совсем не по погоде. Зачем-то напялил на себя еще и нижнюю рубаху. Как он в ней только не сварился?

Была у этой парочки еще одна отличительная черта. На указательном пальце правой руки у каждого имелось маленькое колечко с рубином. У иранистанца было точно такое же. Первый знак Общества.

Двое путников огляделись по сторонам. На миг взгляд Дамара задержался на иранистанце. Себер, казалось, его даже и не заметил. Девушка-служанка предложила им присаживаться.

Иранистанец прокашлялся, дабы привлечь к себе внимание, и махнул рукой, призывая гостей

к своему столу. Те всё правильно поняли: попросили девицу принести еще еды и вина к столику их друга. Туда же переместились и сами.

— Ясуд? — поинтересовался Дамар именем смуглокожего незнакомца.

Иранистанец кивнул.

— Каре шамар их хи яз.

Камень в кольце Ясуда после этих слов поменял свой цвет с красного на синий.

— Каре шамар их хи яз.

— Каре шамар их хи яз.

Камень Дамара стал зеленым, Себера — желтым.

— Предлагаю на этом покончить с проверкой, — предложил иранистанец. — Боюсь, что если мы начнем демонстрировать татуировки, нас неправильно поймут. О третьем знаке я даже и говорить не смею.

— Согласен, — сказал Дамар, усаживаясь на скамью напротив иранистанца. — Ну их к Эрлику, эти мелочи!

При упоминании имени огненного бога Ясуда немного перекошило. К счастью, его собеседники этого не заметили.

Себер же не спешил соглашаться на предложение иранистанца. Стоял с задумчивой рожей и нехорошо так молчал.

— Брось, — хлопнул его по плечу маленький туранец. — Всё в порядке. Он свой. Ты же видел его перстень. Никому другому камень бы не подчинился.

— Пожалуй, ты прав, — вздохнул Себер и наконец сел за стол.

— Не обращай внимания, — доверительно обратился к Ясуду второй помощник лекаря. — Он в дороге такого натерпелся, что теперь никому не верит.

После этих слов Дамар расхохотался. Иранистанец решил, что за время, проведенное этой парочкой вместе, туранец не раз страдал от мнительности библиотекаря.

— Угощайтесь вином, — предложил гостям Ясуд. — Не знаю, какое заказали вы, но то, что сейчас стоит на столе, просто превосходно. Клянусь Эрликом, не ожидал попробовать такого в Стигии.

Дамар незамедлительно воспользовался советом. За неимением своей кружки туранец оприходовал ясудовскую. Иранистанец внимательно следил за движениями второго помощника лекаря. Они у него были быстрые, отточенные, аккуратные, словно у карманного вора. А в карманах у туранца, наверняка, водится немало ядов, которые он своими быстрыми ручками без труда способен переправить в напиток неудачливого собутыльника.

Ясуд заблаговременно ознакомился с трудами ученых мужей, специализировавшихся на способах отравления ближнего своего. Со свойственным ему практицизмом иранистанец обобщил весь изученный материал и пришел к единственно правильному выводу: защитить себя никакой возможности нет. Разве что заранее прирезать потенциального отравителя.

Себер от вина отказался. Ясуд вспомнил, что

библиотекарь вообще хмельного не употреблял. Этого иранистанец никак не понимал. Сам он, к примеру, от рома тоже нос воротил, но как можно пренебрегать столь благородным напитком, как вино? Ясуд давно бы заподозрил, что с библиотекарем дело не чисто, если бы не был полностью уверен в правдивости сведений о каждом члене Общества.

— Мы можем здесь говорить? — спросил Себер.

— Вы проделали долгий путь, — сказал Ясуд, — наверняка устали. Вам уже несут еду и вино. Насладитесь трапезой. Разговоры можно чуть отложить.

Девушка-служанка принесла Дамару жареного кролика и бутылъ розового офирского и гору овощей вкупе с крынкой молока Себеру. Немедеиец, похоже, и мясо не жаловал.

Некоторое время все трое предавались слабости чревоугодия. Вернее говоря, двое. Ясуд только для виду ковырял ножом своего пороса. Аппетит к нему так и не вернулся, но гостей смущать не хотелось. Еще он втайне подозревал, что очень долго не сможет заставить себя получать удовольствие от пищи в присутствии Дамара. Перед глазами сразу всплывал заученный намертво список самых распространенных ядов.

Себера подобные сомнения не мучили. Он с показательной резвостью смел с блюда все свои овощные культуры и стал приглядываться к помидорам, украшавшим ясудова поросенка. Иранистанец из вредности не предложил угоститься.

Дамар своего кроля поедал очень тщательно,

обсасывал каждую косточку. Вино он тоже пил медленно, смаковал, наслаждался вкусом.

— Теперь можно и поговорить, — твердо заявил Ясуд, когда все насытились.

— О делах Общества? — изумился Дамар. — Здесь, где каждый может нас подслушать?

В этот миг, словно в подтверждение слов туранца о «каждых», в «Перепутье» ввалились двое северян. Один был огромного роста, с густой гривой черных волос и ярко голубыми глазами. Второй имел в своем распоряжении ярко рыжую шевелюру, бороду такого же цвета и чуть перебитый нос. Оба были одеты, как моряки.

Ясуд сначала подумал, что северяне мертвецы пьяны, но потом понял, что это впечатление обманчивое. Просто мореходы были вымотаны до такой степени, что ноги их не держали.

— Комнату на двоих, вина и пожрать! — потребовал черноволосый. Хорошо так потребовал. Правильным поставленным голосом. Такой команде нельзя не подчиниться, но и раздражения она не вызывает. Ясуд сразу проникся к парню уважением.

Посмотреть на необычных клиентов из кухни выбежал хозяин. Окинул пристальным взглядом, оценил, как платежеспособных, и чем-то тихо заинтересовался.

— Сигурд, нам надо девок?! — спросил черноволосый у своего товарища.

— Ну их в... — в последний момент рыжий осекся, видимо, вспомнил, что таверна считается приличной.

— Сигурд дело говорит! — указал пальцем хозяину обладатель поставленного голоса. — Мы два дня с верблюдов не слезили. Какие тут могут быть девки?! Разве что на утро... Но это мы сами, если надо попросим.

На этом беседа закончилась, и северяне отнюдь не уверенной поступью отправились на второй этаж отсыпаться.

— Да, слышно тут всё здорово, — признал Ясуд.

Немедиец сразу же принялся нервно озираться по сторонам.

— Успокойся ты! — рявкнул на него Дамар. — Какое людям дело до того, что мы в Обществе состоим? Мало ли обществ в Хайбории...

На Себера довод подействовал.

— В общем-то и вправду нам чужих ушей, — сказал Ясуд, — опасаться большого резона нет. Да и не слушает нас никто. Я бы заметил, поверьте моему опыту.

— Давай всё-таки отыщем местечко поукромней, — предложил туранец.

— Мне здесь нравится, — Ясуд сделал акцент на второе слово. — Ветерок, прохладно. И нет у меня никакого настроения о делах Общества беседовать.

— О чем же тогда говорить? — спросил библиотечарь.

— О вас и о себе, — ответил иранистанец. — Нам друг о друге известна куча вещей, но это не делает нас ближе. Я хочу получше узнать тех, с кем мне предстоит исполнять предначертанное.

— Хорошая идея, — согласился Дамар. — Начинай.

— Меня зовут Ясуд и я родился в Иранистане, — с улыбкой на устах произнес смуглокожий. — Нельзя сказать, что у меня было легкое детство. Наша семья жила очень бедно, и мне довольно часто приходилось подворовывать, чтобы прокормить себя. Воришка, правда, из меня получился посредственный. Таскал я с прилавков первое, что под руку попадется, и сматывался поскорее. Несколько раз меня ловили, но мне неизменно удавалось убалтывать и торговцев, и стражу, и те меня отпускали. По первости я решил, что у меня неплохой актерский талант, даже тренироваться стал, строя рожи перед соседским медным тазом, начищенным до блеска. Эти мои потуги неизменно вызывали у окружающих приступы истерического хохота. Мальчуганом я был неглупым и смекнул, что дело это надо бросать. Секрет моей убедительности крылся где-то еще. Тайна эта открылась мне в возрасте девяти лет. Я прогуливался по базару и наткнулся на одного заезжего туранца, предлагавшего всем желающим сыграть с ним в простую игру. Он ставил на землю три маленьких стаканчика, под один из которых закладывал небольшой железный шарик, вертел их забавно и просил за небольшую плату попытаться угадать, где сейчас шарик. Большинство игроков неизменно тыкали пальцами в пустые стаканы. Я стоял, смотрел на них и тихо посмеивался. Ведь я точно знал, где лежит шарик. То-

гда я кинул туранцу монету и сказал, что хочу сыграть. Я угадал, где шарик, три раза подряд. Туранец на меня дико взъярился, стал кричать, что я мошенник и плут. Тут из-за моей спины вышел высокий человек и спокойно сказал разгоряченному туранцу: «Ты тоже». Тот сразу как-то сник. Тогда незнакомец обратился ко мне: «Отойдем в сторонку, мальчик. У меня есть к тебе разговор». Он завел меня в безлюдный переулок, попросил меня прислониться спиной к дому и расслабиться. Я исполнил его указание. Незнакомец начал говорить на непонятном языке и творить руками пассы. «Магия», — подумал я. Когда мой спаситель закончил свое колдовство, по выражению его лица можно было понять, что он остался очень доволен. «Ты талантлив, мальчик, — сказал он мне. — Настолько талантлив, что я просто не могу бросить тебя в этом клоповнике». Он произнес короткое заклятье, и я потерял сознание.

— Так ты и попал в конклав кофийских магов? — спросил Дамар,

— Да. Этот человек отвез меня в Коф. Вот только он ошибся. По-настоящему хорошего мага из меня не вышло. Хотя, возможно, это из-за того, что я не проявлял достаточного усердия в изучении колдовских наук. Долгий извилистый путь был не для меня. Глупо всю жизнь корпеть над древними заклятьями, чтобы истинную силу обрести лишь в глубокой старости. Моей страстью стали усилители магии — артефакты.

— Вот как ты вышел на Общество! — восклик-

нул Дамар. — А мы-то гадали, откуда взялся столь странный наследник.

— Вы торопите события, — улыбнулся Ясуд. — Напрасно вы полагаете, что я наткнулся на упоминания об Обществе в одной из книг в библиотеке Хоршемиша. Там я не нашел ничего достойного внимания. Либо полные абсурда легенды, либо рассказы о безделушках. Иногда попадалось что-то серьезное, но такие вещи неизменно находились в сокровищнице какого-нибудь из ныне живущих магов. Но я не терял надежды. Конклав раз в три года отправлял отряды на поиски магических книг и артефактов в самые дальние уголки Хайбории. Я участвовал в трех походах. В первом вверенные мне люди собрали приятную коллекцию защитных амулетов. Часть мы честно сдали в конклав, часть поделили. Второй поход был неудачным. Мы нашли лишь несколько книг по рунической магии, вещи сами по себе ценные, но для меня абсолютно бесполезные. В третий раз наш путь лежал на восход, в Кхитай. Там у нас приключился небольшой конфликт с местными магами. Им не понравилось, что мы уносим их ценнейшее собрание книг по анимагии. Пришлось кхитайцев убить. На пальце одного из них я увидел симпатичное колечко с рубином. Не долго думая, я его позаимствовал.

Иранистанец ослепительно улыбнулся.

— Эрлик! — воскликнул пораженный туранец. — Впервые вижу, чтобы человек вот так взял да и подобрал несравненное могущество!

— Я искал и я нашел. Продолжать рассказ

дальше смысла не имеет. Вы знаете всё о моей жизни с того момента. Я же вместе с кольцом обрел знания об Обществе.

— Невероятно, — покачал головой туранец.

— Возможно, кольцо само пожелало сменить носителя, — сказал Себер. — Время преображения мира приближалось, а кхитаец был не готов исполнить свою роль.

— Так или иначе, теперь я часть Общества, — сказал Ясуд и добавил. — Свой рассказ я закончил. Теперь ваша очередь.

Дамар глотнул вина и начал свою повесть.

— С самого детства я знал, кем хочу стать. Когда другие мальчишки гонялись друг за другом с деревянными мечами, я сидел в лавке у травника и слушал его рассказы. Он был истинным мастером своего дела. Знал, какие травы в какой период должно собирать, как сушить их, как смеси изготавливать. Я по мере своих ребяческих способностей запоминал всё, что мог. Мне казалось, что именно в травах кроется великая сила. Мечи и алебарды — это для глупцов. Отец мой, видный туранский военачальник, взглядов моих не разделял категорически. Единственное, что меня спасло от муштры, это то, что я ростом да сложением не вышел. Отец понимал, что если и вырастит из меня солдата, то, скажем так, среднего пошиба. Его это никак не устраивало. Вот и отдали меня на воспитание султанапурскому придворному магу. Учился вместе со мной еще пятеро мальчишек. Девочек маг не привечал. Так уж сложилось, что я был самым слабым из всех, а

потому постоянно огребал тумачи и делал всю грязную работу, что взваливали на учеников. Отцу жаловаться смысла не имело. Он бы этого просто не понял. Бьют тебя — в чем проблема? Дай сдачи. В общем-то я и сам уже решил, что нельзя оставлять обидчиков безнаказанными. В магии я немного поднаторел. Вернее в той её области, что отвечала за изменение предметов материального мира. Вот и я решил совместить свои знания травника с парой полезных заклятий. Подмешав в суп самого моего главного врага ядовитого зелья с большим периодом действия, я дождался, пока отравы впитается в кровь, а потом с помощью магии удалил из желудка своего обидчика остатки травяной смеси. Парень вскоре умер. Никто ни о чем не догадался, хотя маги и лекари провели над трупом не один колокол. Я торжествовал. Тринадцатилетний мальчишка сумел перехитрить всех этих ученых мужей. У мага я прожил еще пять лет. Старательно делал вид, что с равным усердием постигаю все аспекты магического искусства, хотя предпочтение, разумеется, отдавал только одному. Вернувшись домой, я заявил, что мне нужны деньги для закупок трав и эликсиров в отдаленных странах. Отец отказался мне их дать. И тогда я сделал так, чтобы он заболел. Только не надо осуждать меня за этот поступок. Всё свое внимание отец уделял двум младшим сыновьям, на меня ему было плевать. Вот и я отнесся к нему так же. Поставив отца на порог смерти, я предложил ему лекарство. Он в ответ лишь расхохотался. Пора-

довался, что всё-таки вырастил из меня мужчину. «Сын, — сказал он мне, — раньше я думал, что мне придется передать наследство одному из твоих братьев. Первенец казался мне слабым и безвольным. Ты меня разубедил». После этих слов он протянул мне кольцо, рассказал всё, что знал об Обществе, и попросил побыстрее прикончить его. Терпеть унижения он не желал.

— Что-то здесь не то, — сказал Себер. — Мне казалось, что ты вошел в Общество в возрасте двадцати четырех лет. А судя по рассказу, отца ты убил в восемнадцать.

— Всё очень просто, — ответил немедицу Дамар. — Отец отдал мне кольцо и поведал все о ритуалах, но я не спешил их исполнить. У меня была другая цель в жизни. После смерти моего родителя, всё его наследство перешло ко мне. Часть денег я, конечно, отдал братьям. Нехорошо обижать близких. За следующие три года я успел заработать репутацию исключительного безумца. Что бы стал делать юноша моего возраста, ни с того, ни с сего получивший огромное наследство? Правильно! Спускать его на девок и выпивку. А что сделал я? Призвал к себе десяток известных травников и начал учиться у них искусству составления зелий, жизнь отнимающих и к ней возвращающих. Покупал дорогие магические трактаты. Ставил опыты на животных и на рабах. Одним словом, наполнял свою жизнь знаниями. Смеялись надо мной все. Кроме одного человека. Он занимал должность главы тайного департамента Туранской Империи в городе Султанапур

и его окрестностях. Этот человек по достоинству оценил мои способности и предложил мне место второго помощника лекаря. Вы ведь знаете, что это за должность? Теперь я подчинялся людям из тайного департамента, зато возможности для экспериментов стали просто безграничными. Вы даже представить себе не можете, сколь грандиозные открытия я совершил. Но тем не менее в какой-то момент мне стало скучно. И тогда я вспомнил об отцовском кольце. К тому времени мне было ровно двадцать четыре года. Так что, дорогой Себер, нет никакой ошибки.

— Ты — опасный человек, — сказал Ясуд туранцу.

— Я этого и не скрываю, — улыбнулся в ответ Дамар.

— Хитро, хитро, — покачал головой иранистанец.

Дамар поднял кружку с вином. Ясуд поднял свою. Они чокнулись и выпили довольные друг другом.

— Ну, а что вы нам расскажите, месьор Себер? — спросил Ясуд.

— Моя история покажется вам скучной, — сказал немедиец.

— И тем не менее мы её с удовольствием выслушаем, — настоял Дамар.

— Хорошо, — согласился Себер. — О своем предназначении я узнал еще в ранней юности. Отец рассказал мне и об Обществе, и о его целях. Он объяснил мне, какая это ответственность: быть одним из трех хранителей. Уже долгие годы

в нашей семье кольцо переходило от отца к сыну. Мои предки были людьми умными и образованными. Вы знаете, что наш род является дворянским. В Немедии это кое к чему обязывает. Так вот, предки посчитали, что просто хранить реликвию в ожидании заветного дня глупо. Необходимо готовиться. Просто невозможно, если избранным окажется неуч. Я могу с гордостью заявить, что каждый мой предок был одним из самых просвещенных людей своего времени. Постепенно образовался так называемый «список книг, обязательных к изучению». По сложившейся традиции каждый новый хранитель пополнял этот перечень еще одним экземпляром, который находил наиболее уместным. Вот за постижением всех этих трудов и прошли мои детство и юность. В день моего тридцатилетия отец торжественно передал мне кольцо. И с тех пор я один из вас.

— Хорошая подобралась компания, — улыбнулся Ясуд. — Еще вина?

— Пожалуй, — согласился Дамар. — Завтра нам предстоит долгий путь.

Глава 2

О триумфальном возвращении героев

хоть в Сартос через Бильнас предложил Сигурд. Ваниру очень не хотелось возвращаться в поместье Бирафир. От воспоминаний о последней встрече с хозяином этого места его до сих пор в пот бросало. Конан также был не в восторге от перспективы скорого свидания с мальчишкой. Вот пираты и отправились в объезд. Крюк им пришлось заложить приличный. Лишних два дня пути, причем под палящим солнцем.

Но всё бы ничего, если бы на второй день не прохутился бурдюк с питьевой водой. Почему это произошло, пираты так и не разобрались. Но факт оставался фактом. Воды теперь было вприпыток. Сразу по обнаружению оказии северяне соорудили краткий военный совет. Имелись два варианта дальнейших действий. Первый предусматривал движение в прежнем ритме, только с

введением ограничений на потребление воды. Второй был более смелый. По нему предполагалось добираться до Бильнаса без традиционной ночной остановки. По прикидкам Сигурда получалось довольно складно. В поместье они должны были прибыть следующим ветером.

Конан немного поспорил со своим первым помощником, проверяя крепость его доводов, но в итоге согласился ехать без ночевки.

Добрались в Бильнас они, как и планировали, точнехонько на закате. Зато вымотались невероятно. На каком постоялом дворе остановиться, решали недолго. После похода в пещеры белсебуров денег у северян было предостаточно. Таверна «На перепутье» хоть и дорогая, зато качеством своим услуг славная.

Ни на что, кроме как снять комнату и сразу же лечь спать, у северян сил не оставалось. На утро, правда, они это дело компенсировали. Ими были выпиты две бутылки красного аргосского и три белого офирского, съедены жареный фазан, кролик и филе молодого поросенка.

Девушек сначала вызвали двоих, но потом решились, гулять так гулять, и довели общее число куртизанок до пяти.

Как нетрудно догадаться, Бильнас пираты покинули только на первый послеполуденный колокол. Несмотря на «вынужденную» задержку, оба были страшно довольные. Впрочем, повод для хорошего настроения у них имелся. Они раздобыли достаточно золота, чтобы оплатить ремонт «Вестрела». А по хорошему счету еще и ос-

таться должно. Огорчало только, что Счастличик в Сартос уже не вернется. Зингарец нашел последний покой в колдовском подземелье.

Еще настроение портили верблюды. Особенно страдал Сигурд. Конечно, почти за полную седмицу он уже успел приспособиться к своему двугорбому и даже сдружиться с ним, но всё-таки втайне мечтал пересесть на лошадь. Капитана одолевали те же мысли, но вслух он их не высказывал. В Бильнасе имелся купец, который как раз и занимался тем, что торговал лошадьми да верблюдами. Прийти к нему и поменять одну животину на другую было в порядке вещей. Туда северяне и направились. Купец осмотрел верблюдов с делано брезгливой рожей, сказал, что товар сильно жизнью побитый, и назвал свою цену. Северянам вмиг захотелось убить ублюдка. Не то чтобы у них не было таких денег, было куда больше. Просто заплатить предложенную цену — значит привлечь к себе ненужное внимание. Дорога в Сартос была небезопасной. Напороться на разбойников ничего не стоило, особенно если верный человек пошлет им восточку. Ввязываться в драку просто из-за того, что у тебя под седлом не лошадь, а верблюд, пиратам показалось глупым. А каравана, к которому можно было бы присоединиться, в Бильнасе в данный момент не имелось.

Бильнас находился к Сартосу чуть ближе, чем Бирафир, а потому дорогу можно было покрыть не за два дня, а за полтора. Пираты, посоветовавшись, решили применить к джунглям опыт пус-

тынных путешествий. Проще говоря, на ночевку опять не остановились.

Темень в Стигии по ночам стояла жуткая. Ехать верхом было опасно. Животное запросто могло оступиться. Потому спешили и, взяв верблюдов в повод, неспешно побрели сквозь ночные джунгли. Чтобы как-то развлечься, Конан принялся впаривать Сигурду байки о своих похождениях в Пунте и Черных Королевствах. Первый помощник нагло ухмылялся, пользуясь тем, что ночью выражения его лица никак не разглядеть. Он уже давно научился вычленять из историй капитана крупицы правды. Количество поверженных стражников следовало делить на пять, количество зубов в пасти демона на десять-двадцать в зависимости от случая, число соблазненных красавиц традиционно завышалось втрое. Когда сказки слушать надоело, ванир стал пытаться капитана на предмет голосов тех птиц и животных, что раздавались в ночи. Конан с удовольствием рассказал о каждом. Рыжеволосый первый помощник капитана нутром чуял, что над ним издеваются в отместку за его неверие. Судя по описаниям капитана, все эти ночные твари были на редкость опасные и прожорливые. На дорогу они не выходили лишь из-за врожденной неприязни к роду человеческому. Сигурд вконец озлился на киммерийца и потребовал очередную порцию приключений. Всё лучше, чем про тигров с ягуарами слушать.

Почти сразу после рассвета пиратам на дороге встретился обоз, запряженный волами. Возница

был мужчиной средних лет, стигийцем, судя по всему, крестьянином. В телеге сидели две женщины, одна постарше, другая помоложе. Похоже, что жена и дочь.

— Доброй дороги, — поприветствовали северяне почтенное семейство.

— И вам того же, — отозвался крестьянин. — На заработки в город собрались?

— Какие там заработки? — усмехнулся Конан. — Там же из-за шторма вся жизнь остановилась.

— Это как посмотреть, — сказал крестьянин, обрадованный тем фактом, что незнакомцы грабить его вроде как не собираются. — До последнего времени действительно тишь и гладь была. Я вот брата жены навещать ездил. Хороший он мужик. Две седмицы у него прожил. Так что можете не сомневаться, всё своими глазами видел. Два дня назад город всколыхнулся. Хозяева из поместья своего повылазили. Ходят, по сторонам зыркают, а у самих морды испуганные. «Лиловые» тоже весь Сартос наводнили. Ищут чего-то.

— Всё равно не вижу повода подзаработать, — всё с той же улыбкой произнес Конан.

— Я это к тому веду, — хитро прищурившись, сказал крестьянин, — что вода там сейчас ой какая мутная. А именно в такой воде крупная рыба-то и водится. Вон, пираты две седмицы ходили злые на весь мир. А вчера на них посмотри? Довольные, рты до ушей, разве что брататься не лезут. Точно говорю, где-то денег раздобыли. Причем все. А чего новая лавочка стоит?! Назва-

ние у неё больно хорошее: «Сто золотых за человека». Я там сам, правда, не был, но мне рассказывали, что у них там всё по-честному. Заправляла каких-то четверых людей разыскивает. Не то преступники беглые, не то еще кто. Суть не в том. Он каждому на дело подвязавшемуся авансом две золотые монеты дает. Вот так-то!

— На сказку похоже, — сказал Сигурд.

— Какие там сказки, парень?! — отмахнулся от него крестьянин. — Всё правда чистая.

— Ладно, спасибо тебе за рассказ, добрый человек, — сказал Конан. — Удачно добратся.

— Спасибо, — ответил мужик и дернул поводьями.

Повозка направилась в одну сторону, пираты в другую.

Некоторое время северяне ехали молча. Размышляли над последними новостями. Каждый сам про себя. Что характерно, хмурились оба.

Верблюды, почувствовавшие, что всадникам до них нет никакого дела, не преминули сбросить ход. За время путешествия животные изрядно вымотались и похудели. Не особо хорошо на них повлиял и вид исчезающего в пустыне озера. Про планы Сигурда по ускоренному передвижению и говорить нечего. Еще ездовые верблюды завидовали третьему своему собрату, который вез не массивных северян, а исключительно их вещи.

По дороге из Кеми в Сартос животные ходили уже не раз. Они помнили, что по прибытию на место их накормят, напоят и на какое-то время

оставят в покое. Наверное, только мысль о скором отдыхе и придавала им сил.

Если бы верблюды понимали человеческую речь, то они, наверное, по достоинству бы оценили недавний спор между Сигурдом и Конаном. Пираты выясняли, сколько времени потребуется, чтобы загнать верблюда. Животина вроде бы более выносливая, чем лошадь, но есть предел и её возможностям. В конце цинично порешили, что если какой верблюд всё-таки сдохнет, всегда можно пересесть на тяглого.

Примерно в районе третьего предполуденного колокола путники увидели впереди Сартос. Не особо живописный изнутри, издали на фоне спокойного синего моря город смотрелся великолепно. Он словно сливался с пейзажем. Создавалось такое ощущение, что его просто не могло не быть на этом месте.

— Как починимся, сразу уплываем отсюда как можно дальше, — сказал Конан своему первому помощнику. — Не нравятся мне все эти рассказы про золото, что на дороге валяется. Не к добру. Точно.

— Согласен, — сказал рыжеволосый. — Похоже, маги опять что-то недоброе замышляют.

— Скорее кто-то против них, — покачал головой капитан. — Помнишь, крестьянин говорил, что стигийцы-то как раз напуганные ходят. Я думаю, что какой-то заезжий маг докопался таки до причины шторма и пытается Хозяевам хвост прищемить.

— Правдоподобно, — согласился ванир. — И

лавочку они под прикрытием открыли, чтоб ма-га этого сыскать и денег ему не платить.

— Зря парень пожадничал, — посетовал Конан. — Попросил бы поменьше, ему бы может и заплатили. А так ни себе, ни людям. Наверняка, уже все конфиденты всполошились. Теперь дело не замять. Точно говорю, уплывать отсюда надо.

— Постой, — перебил Сигурд капитана. — А с чего тогда моряки счастливые стали? Им на Хозяев молиться надо. Без стигийских денег все до одного пираты по миру пойдут.

Конан задумался.

— Кром его знает, — сказал он. — Есть какая-то причина. Если только от митриан безумием не заразились. Представь, приходим сейчас на корабль, а там все такие счастливые-счастливые.

— Ну тебя, — отмахнулся Сигурд. — Все твои беды, капитан, от неумной фантазии.

— Девицы говорят, от кое-чего другого, — то ли всерьез, то ли в шутку заметил киммериец.

В Сартосе было шумно. И Конан, и Сигурд пытались соизмерить теперешний шум с тем, что сохранился в их воспоминаниях. Не получалось. И тогда, и сейчас было очень громко. Конан глубокомысленно заметил, что для того, чтобы начать чувствовать город, надо пожить в нем хотя бы пару месяцев. Сигурд с ним согласился.

И всё-таки отличия имелись. То там, то здесь мелькали лиловые шапочки, рубахи или просто повязки. Тайная служба была повсюду. Крестьянин оказался прав. Эти люди кого-то искали. А может, что-то, как предположил ванир.

Оба моряка только сейчас поняли, насколько сильно их утомило путешествие к магической сокровищнице. Когда Конан с Сигурдом проезжали «Хлебную», оба одновременно подумали об одном и том же. Винные ряды.

— Как полагаешь? — обратился к первому помощнику Конан. — Можно?

— Пару кружек можно, — сказал Сигурд.

И пираты направились к заветным тентам. Животные, уже давным-давно шедшие в поводу, инициативе киммерийца были тоже рады. Лучше стоять в тени, чем идти под палящим солнцем.

Северяне заняли один из немногочисленных свободных столов и громогласно потребовали вина. Охлажденного. Повеление было исполнено немедленно. Пили пираты молча, наслаждаясь долгожданным отдыхом. В мыслях они были уже далеко от побережья Стигии. В их кошельках имелось достаточно денег, чтобы отремонтировать «Вестрел» и как можно скорее покинуть сей гостеприимный край.

— Конан, — толкнул локтем капитана Сигурд, — ты посмотри, какая девица!

— Где? — сухо поинтересовался киммериец, всем своим видом демонстрируя, что ни одной девицей его не удивить.

— Вон! — сказал ванир и по-варварски просто-душно ткнул пальцем в сторону миловидной блондинки. — Тебе такие вроде всегда нравились.

После этих слов Сигурд от души расхохотался. Киммериец любил рассказывать, что в многочисленных приключениях, в которых он побы-

вал, по одну сторону с ним неизменно оказывались именно такие девы-воительницы. Ванира этот факт неизменно забавлял. За свою жизнь он видел не более десяти дев, что могли бы сражаться наравне с мужчинами. Притом по красоте, скажем, тот же Нергал дал бы каждой по сто очков вперед. Картина, наверно, истинно страшная. Стоишь так в чистом поле, сражаешься, а тут на тебя несется этакий крокодил с перекошенным лицом и топором наперевес. От ужаса концы от-дать можно.

— Да, мне блондинки по нраву, — хмыкнул Конан. — Я понимаю, что это не согласуется с твоими предпочтениями, но, поверь, в этом мире не все без ума от толстых рыжих баб из Ванахейма.

Сигурд зло посмотрел на капитана. Уел таки. В голове ванира мгновенно взрос план мести. Он взметнулся со своего стула и направился к девице, расталкивая менее расторопных прохожих. Что именно сказал рыжеволосый девушке, киммериец не расслышал, но вскоре за столом их сидело уже трое.

— Расскажите нам, дорогая, — делая хитрую рожу, обратился к девушке ванир, — в скольких приключениях вам довелось побывать? Много ли демонов погибло от вашей руки? Лично-то я верю, что много, но вот моего друга интересуют подробности.

— Может, сначала угостите вином, как обещали, — поинтересовалась дева.

— Конечно же! — сказал ванир. — Хозяин, еще одну кружку и бутылъ аргосского!

Киммериец тем временем приглядывался к девице. Ну, во-первых, она была настоящей красавицей. Прекрасные волосы цвета пшеницы, зеленые глаза, аккуратненький носик.

Но это было не главное. Несмотря на все шуточки первого помощника, девушка, похоже, и впрямь умела неплохо убивать. Кольчужка и меч, что она носила, служили для того, чтобы отвлекать внимание от настоящего оружия. За поясом у девицы имелось два тоненьких кинжала. Киммериец был готов об заклад биться, что обращаться с ними она умеет мастерски. Также он не сомневался, что либо в сапоге, либо за подкладкой кожанки, дева носит что-нибудь метательное. Звёздочки либо опять же кинжалы.

Интересную особу выловил Сигурд.

— Вы путешествуете в одиночку? — спросил Конан, дождавшись того момента, когда дева насладится своим вином.

— Сейчас — да, — сказала девушка. — Я прибыла в Сартос в надежде найти работу у местных Хозяев.

— Давайте всё-таки, — настаивал на своем Сигурд, — вернемся к вашему прошлому!

— Оно у меня неинтересное, — отмахнулась девушка. — Я убивала людей по приказам магов Черного Круга.

Сигурд поперхнулся вином. Конан же особо и не удивился. Он и ожидал услышать нечто подобное. Подспудно киммериец решил, что надо бы сделать ваниру втык. Обычно тот был намного внимательнее.

— И хорошо справлялись? — спросил Сигурд, так и не решивший, верить девушке или нет. Вообще такими вещами бросаться было не принято.

— Не мне судить, — пожала плечами красотка. — А у жертв уже не узнаешь. Впрочем, чего-то действительно интересного мне никогда не поручали. У меня нет никаких способностей к магии, а для Черного Круга это очень много значит.

— Потому вы и ушли от них? — спросил Конан. К девушке он испытывал двойкие чувства. С одной стороны, она ему безумно нравилась, с другой — большую часть жизни якшалась с магами.

— Да. Я почувствовала, что постепенно начинаю сходить с ума от однообразия.

— И вас так спокойно отпустили? — спросил Сигурд. Встревоженный чересчур серьезным видом капитана, он чуть внимательнее присмотрелся к девице, и пришел к тем же выводам, что и Конан незадолго до него.

— А почему бы и нет? — пожала плечами девушка. — Не думаю, что я сильно испорчу репутацию стигийцам. Скорее наоборот. Они это понимают.

— И чем вы здесь занимаетесь в Сартосе? — поинтересовался киммериец.

— Убирайтесь поскорее из этого проклятого города, — вдруг ни с того, ни с сего сказала девушка. — Иначе умрете. Здесь скоро не останется ни одного живого человека.

Конан и Сигурд смотрели на девушку, раскрыв рты от удивления.

На мгновение взгляд девы стал каким-то пустым. Потом она встрепенулась и начала бойко извиняться.

— Простите, я не знаю, что на меня вдруг нашло. Честное слово, не знаю. Простите меня.

С этими словами она встала и пошла прочь.

— Пойдите, — крикнул ей вдогонку Конан. — Мы так и не узнали ваше имя?

— Тара, — отозвалась девушка и скрылась в толпе.

Сигурд налил вина себе и киммерийцу. Выпили.

— Странно это, — сказал ванир.

— Странно, — согласился Конан. — Еще бутылочку?

— Пожалуй.

Но удовольствие было уже не то. В мечтаниях северян образ покидающего причал Сартоса «Вестрела» то и дело сменялся видением девы-воительницы с волосами пшеничного цвета, выдающей не к месту непонятные пророчества. Конан силился понять, кто она такая. Ванир же старался постичь смысл странного предсказания.

— Капитан Конан? — вопрос исходил от молодого паренька.

Киммериец нахмурил брови, вспоминая, где он его видел раньше. Лицо казалось смутно знакомым. Конечно, «Летящий»! Корабль, пришвартованный по соседству от «Вестрела». Паренек, кажется, ходит на нем юнгой.

— Да, это я, — сказал киммериец.

— Я так думаю... лучше... вам бы, наверное, стоило...

— Не мямли! — крикнул на юнгу Конан.

— На «Вестреле» что-то неладное творится, — сказал паренек. — Я сам толком не знаю, но вам лучше поторопиться на свой корабль.

— Кром! Сигурд, отцепляй верблюдов. Быстрее!

До порта северяне добрались бегом. Прохожие бросали на них удивленные взгляды и спешили убраться с дороги. Внешне «Вестрел» был в порядке. Мирно покачивался на волнах. Моряки чинили мачты.

Капитан вихрем промчался по трапу. Сигурд, пристроив животных, последовал за ним.

— Что здесь случилось?! — рявкнул киммериец. — Где Зелтран, Нергал его за ногу?!

— Капитан, так сразу и не объяснишь, — это произнес Грув. Конан нехорошо покосился на моряка, вспоминая встречу с его двойником в Бирафире. Потом потряс головой, гоня прочь вздорные мысли.

— Давай тогда постепенно, — сказал киммериец. — Пошли в мою каюту. Сигурд, с нами!

Обстановка в капитанской каюте роскошью не блистала. Стол, три стула, кровать, шкаф с картами, сундук.

На стенах висели два меча. Даже не нужно было приглядываться, чтобы понять, насколько хорошо они отточены. В углу у изголовья кровати стоял маленький арбалет. Видно его не было, и о том, что он вообще есть, знали лишь несколько человек.

— Садись, — сказал Конан Груву, указывая на

один из стульев, — и рассказывай, что здесь произошло.

— И где Зелтран?! — добавил Сигурд. Первый помощник уже успел расположиться на кровати.

Грув начал своё повествование. Сначала рассказал о визите шемских купцов с их странным предложением. Конан очень долго и дотошно расспрашивал помощника боцмана и о самих шемитах, и об их товаре.

— Не стоило соглашаться, — покачал головой Конан. — Ох, не стоило.

— Так под нож бы пустили, — возразил Грув.

— Не посмели бы, — грустно улыбнулся киммериец. — Их бы тогда Хозяева самих очень быстро на Серые Равнины отправили. Уж они бы такой шикарный повод избавиться от расходной статьи ни за что бы не упустили. Вас те капитаны просто на испуг взяли.

— Знаете, капитан, — посетовал Грув. — Вам сейчас хорошо говорить. А мне тогда не до рассуждений было.

— Хороший моряк никогда способности изображать терять не должен, — отрезал Сигурд.

— Ладно, Грув, — сказал Конан. — Давай дальше.

Дальше был рассказ про бордель и его седого хозяина. Конан лишь сжимал кулаки, когда Грув говорил про то, как умирали моряки.

— Постой! — вдруг насторожился Сигурд. — Опиши-ка поподробнее ту девицу, что разговаривала с седым.

— Красивая очень, — начал вспоминать Грув. —

Со светлыми волосами. Стройная, высокая. Доспех у неё очень несурзанный был.

— Проклятье! — стукнул по столу кулаком Конан. — Это точно та наша знакомая!

— Вы её знаете, капитан? — удивился седой моряк.

— Сегодня на базаре парой слов перебросились, — ответил киммериец и, вздохнув, добавил: — Э-эх, знать бы...

— Ладно, теперь мы хотя бы можем быть уверены, что она в Сартосе, — утешил капитана ванир. — Продолжай, Грув.

Про фокусы, что вытворял толстяк, северяне слушали, не перебивая. Да и в дальнейший рассказ сильно не вмешивались. Конан только поинтересовался именами тех моряков, что предлагали идола продать. Грув сказал, что не запомнил. Киммериец ответил, что всё равно рано или поздно узнает.

За поход к Хозяевам помощнику боцмана хорошо досталось и от Конана, и от Сигурда. Северяне в один голос дивились глупости матроса. Как можно было понадеяться, что стигийские маги сподобятся Зелтрану помочь?!

— У-уу! Набрал команду идиотов! — сетовал Конан. — Как нам теперь боцмана вызволять?

— Я не думал...

— А надо было! — рявкнул с кровати Сигурд. — Если б не Зелтран, они бы и тебя с собой прихватили! Бестолочь!

Еще какое-то время капитан и его помощник крыли Грува по матери и прочей родне. Седой

матрос стоически терпел. Свою вину признавал. Нельзя было Зелтрана к магам вести.

— Ладно, капитан, хватит, — сказал в конце концов Сигурд. — Другие на его месте еще бы больше дров наломали. Мы тоже хороши. Поехали бы через Бирафир, застали бы Зелтрана еще в нормальном виде.

— Ты не беспокойся, Сигурд, — утешил первого помощника Конан. — У меня и для нас с тобой пара ласковых найдется.

— Давай теперь волосы на голове рвать! — зло сказал Сигурд. — Или что там у вас в Киммерии в таких случаях делать положено?!

— Рыжеволосых псов на копыя сажать! — также очень «по-доброму» отозвался Конан.

Сигурд громко расхохотался и с силой хлопнул капитана по плечу. Конан не замедлил присоединиться к его веселью. Грув смотрел на них как-то странно. По лицу помощника боцмана было видно, что сурового варварского юмора он не оценил.

— Дальше-то что делать будем? — спросил Конан, отсмеявшись.

— Вызволять боцмана надо, — сказал Грув.

Конан и Сигурд молча переглянулись. Решали, стоит ли еще раз пройти по умственным способностям моряка. Решили, что не стоит.

— Надо, — сказал ванир. — Весь вопрос — как.

— Есть у меня одна идея, — проговорил Конан. — А что если нам его выкрасть? Просто так нам Зелтрана не вернут ни в каком виде.

— Думаешь, возможно? — с сомнением в голо-

се спросил Сигурд. — Решать тебе. У тебя опыт в этом деле большой.

— Попытаться можно, — сказал киммериец. — Ловушек в их поместье видимо-невидимо, зато бдительность они явно поутратили. К ним в здравом уме никто не сунется. Так ведь?

— Ну, нас с тобой, капитан, — сказал Сигурд, — в склонности к принятию разумных решений ни один судия не обвинит.

— Точно! — согласился киммериец. — Но и совать голову в пасть тигру тоже не стоит. Надо раздобыть планы этого самого поместья и желательно с указанием всех ловушек. И я знаю место, где такая вещь может и сыскаться.

— Подвальчик? — спросил Сигурд.

— Подвальчик, — ответил капитан. — Сейчас пообедаю и направлю туда свои стопы.

— Меня, значит, с собой не берешь?

— Нет. Для тебя другое задание имеется, — сказал Конан. — Грув, что ты можешь нам поведать о лавочке, где за человека сто золотых платят.

— Странное заведение, — неуверенно произнес Грув. — Вроде как ищут каких-то четверых незнакомцев. Многие моряки на это дело подвизались. Но нашим я запретил нос с корабля совать. И так неприятностей выше крыши.

— Вот это правильно, — похвалил моряка Конан. — Понял, Сигурд, что надо делать?

— Думаешь лавочка как-то с магами и борделем связана? — спросил ванир.

— Подозреваю, — ответил киммериец. — Си-

туация у нас препаршивая, так что нам сейчас любая мелочь важна. Ты там сильно не рискуй. Если раскопаешь что-то интересное, немедля мне доложишь.

— Всё сделаю, капитан.

Глава 3

О трудностях и невзгодах

Вхламиде и сандалиях, Бирес валялся в своей постели. По правую руку от него стояла чуть початая бутылка вина. Где-то в ногах находилась клетка с мертвой сойкой внутри. Мага одолевала тоска. Беспросветная. Жить не хотелось. Мысль о том, что он попал под контроль непонятного существа, завладевшего телом молодого стражника, сжигала Биреса изнутри.

Маг чувствовал, как постепенно разумная его часть отмирает, уходит в небытие. Раздражение, переполнявшее стигийца, выливалось в приступы гнева. Потом наступала апатия. Бирес точно знал, что именно так и сходят с ума. Утешало лишь, что скоро Ксартти осознает его ничтожность и не преминет избавиться от бесполезного слуги. Смерти маг не боялся. К чему такая жизнь?

Он кинул взгляд на клетку с сойкой. Расстроился. Пнул клетку ногой. Она упала с кровати и закувыркалась по полу. Труп сойки внутри тоже выделял замысловатые пируэты. Маг вовсе не желал убивать эту девчонку. Ему с ней было хорошо, он даже сумел на время забыть о Ксартти. Зачем она только полезла со своими расспросами? Он и сам не знал, что это вызовет очередной приступ. Бирес был настолько зол в тот момент, что даже сейчас не мог припомнить, как именно он убил девчонку. Было ли ей больно?

— Проклятье! — маг схватил бутылку за горлышко и метнул её в стену. Сосуд разбился. Вниз по стене потекли тонкие струйки красного вина. Они напомнили Биресу кровь. Стало еще погаче...

«Почему этот ублюдок не прикончит меня?! — размышлял маг. — Я ведь совершенно никчемная ищейка. А еще схожу с ума и потому становлюсь опасным. Ну же, Ксартти, где ты?»

Ответа не было.

— Сет с тобой, — махнул рукой маг и сотворил себе еще одну бутылку вина. Уже четвертую. Бирес всё-таки освоил то заклятье. Правда, вино получалось препоганое. Кислятина еще та.

Стигиец сделал несколько глотков, отставил бутылку в сторону и встал с кровати. По ходу бросил заклинание, приводившее одежду в порядок. Подошел к окну, посмотрел на город. Огня из пророчества пока видно не было. Это утешало. Вообще, приятное зрелище. Смотришь вот так, и кажется, что ничего не произошло. Только маги

третьего круга, копошащиеся вокруг поместья, тоску наводят.

— Убил бы, — зло сказал Бирес.

Впрочем, повод для столь благожелательного отношения к собратьям по ремеслу у него имелся.

Позавчера днем шестеро каких-то болванов притащили ему мирно дрыхнувшего пса. Беспородного. Одна радость, что хоть не блохастого. Заявили, что это заколдованный человек, и смылись.

Бирес злился на самого себя, что поленился тогда их хорошенько запомнить. Теперь придется искать. Пес и в самом деле оказался человеком. В заклятье, которое на него наложили, Бирес так толком разобраться и не смог. Потому и следовало отловить младших магов и выяснить у них обстоятельства превращения. Вот только он не сомневался, что никому из этой шестерки они не ведомы, иначе бы сразу выложили. Но всё равно проверить стоило.

Вообще с псом дела обстояли, откровенно говоря, погано. Во-первых, он спал. Разбудить его никакой возможности не имелось. Заклятье превращения было каким-то... кривоватым что ли. Бирес очень сомневался, что сможет прервать собачьи грезы без нанесения существенного вреда объекту. Оставалось ждать, пока закончится срок сонного заклинания. По прикидкам мага это должно было произойти через два-три колокола. Нечего сказать, удружили новички. Такими заклятьями слонов надо усыплять, а не собак.

Существовала ли вторая проблема, вопрос

еще стоял. Но скорее всего существовала. Маги, доставившие Биресу собаку, сказали, что животное вело себя чрезвычайно необычно. Очень сильно не желало идти в поместье.

— Умная тварь, — высказался тогда Бирес.

Теперь предстояло выяснить, вернутся ли к псу его прежние страхи после пробуждения. Бирес почти не сомневался, что вернутся. Придется как-нибудь его умирять, а значит, нужно тревожить изначальное заклятье, а этого делать ой как не хотелось.

Можно, конечно, было отнести пса к Ксартти или к Слепцу. Но первый, полагал Бирес, инициативы бы не одобрил, сочтя повод чересчур незначительным. Второй же просто вел себя как-то странно. Карун-Ра уже второй день просто слонялся по поместью злой, замкнутый. Среди младших кругов даже стали поговаривать, что глава Хозяев гибель свою предчувствует. Бирес этим слухам не верил, но к Карун-Ра всё равно идти не хотел.

Стигиец отошел от окна и задернул штору. Начинался пик периода апатии. Даже солнечный свет стал не в радость. Он предназначался другим, а не ему, Биресу. Вновь на глаза попала клетка с сойкой. На глаза мага навернулись слезы, и он отвернулся в сторону, чтобы не видеть птицу. Какое-то время Бирес бесцельно блуждал по комнате, потом снова завалился на кровать и сотворил очередную бутылку вина.

Попробовал. Не поверил своим ощущениям. Сделал еще несколько глотков. Поверил. Нако-

нец получилось что-то пристойное. Даже очень. Чтобы отметить это радостное событие, Бирес, хорошенько размахнувшись, метнул бутылку в стену.

— Всё бессмысленно.

Бирес откинулся на подушку и закрыл глаза.

«Поскорее бы конец», — подумал он.

Поиски продолжались уже три дня. Если этот бред, конечно, можно назвать поисками. Маги, будучи по определению людьми неглупыми, быстро смекнули, с кем имеют дело. Если один дух легким движением мизинца в состоянии отправить вас на Серые Равнины, то и остальные, следует думать, обладают не меньшими способностями. Вот и получилось то, что получилось.

Маги шастали вокруг поместья, проявляя самое истовое рвение, и при этом, словно кролики, дрожали при мысли, что они и вправду найдут одного из братьев. Больше всего Биреса бесило то, что сам он вел себя точно так же. Слепец говорил, что человек цивилизованный слишком ценит свою шкуру, и в этом его слабость. Чем больше ты знаешь о жизни, тем сильнее боишься смерти.

Бирес всё больше и больше склонялся к крамольной мысли, что Ксартти выбрал себе неправильных союзников. Конечно, подобное тянется к подобному, но всё-таки... Если кто и разыщет братьев, то это «лиловые». Они ведь понятия не имеют, на кого работают. Им приказы отдает Карфот. Распорядился искать трех странных людей, значит будем искать трех странных людей.

— Ублюдок ты, Ксартти! Ублюдок и трус.

Снова ничего.

А ведь про труса чистая правда. Вчера в городе пара каких-то молодчиков открыла лавочку с красноречивым названием «Сто золотых за человека». Бирес не сомневался, что это дело рук того брата, что вознамерился стать богом. Карфот ходил к Ксартти с докладом по этому поводу. Так, мол, и так, предлагается провести проверку, а потом спалить домик, чтоб даже памяти об нем не осталось. Можно и два соседних для надежности. Что тут началось! Дух рвал и метал. К лавчонке близко подходить запретил. Сказал, что если его братец прознает, где он прячется, то он лично всех Хозяев на Серые Равнины самым извращенным образом отправит. Ни времени, ни сил не пожалеет.

Похоже, конечно, на ловушку, но проверить-то можно было. Не обязательно туда людей в лиловом посылать. Если надо, от традиций можно на время и отступить. Ксартти же вообще до них, в принципе, дела никакого не было. Испугался он и всё тут.

Внезапно сквозь затуманенный недоброкачественным вином разум пробилась одна светлая мысль. Ксартти двигал отнюдь не страх. Он тянул время. Готовился к чему-то. Не зря же он из закликательной залы носа не кажет. Дух не сильно надеялся, что Хозяева обнаружат его братьев. Он выбирал союзников не для охоты, а для какого-то своего будущего предприятия.

— Ксартти, слышишь меня? — крикнул в пус-

тоту Бирес. — Я раскусил тебя. Теперь я опасен. Можешь меня убить.

Маг замер в ожидании.

Ксартти не спешил расправляться с подчиненным.

— Бирес, выпусти меня, — вдруг в полной тишине раздался тонкий голосок. Исходил он из клетки. Сойка ожила.

Всё. Крыша съехала.

Пытаясь побороть собственное безумие, Бирес накрыл клетку покрывалом.

Но голос не унимался. Сойка настойчиво требовала даровать ей свободу. Маг слез с кровати и маленькими шажками стал приближаться к клетке. Ошибки быть не могло — совсем недавно птица была мертвее мертвого. К тому же, он никогда не надеялся свои игрушки речевыми способностями.

— Выпусти меня, — повторил в очередной раз голосок.

Бирес приподнял покрывало. Сойка вспорхнула с жердочки, словно желала продемонстрировать, что она живее всех живых. Тогда Бирес решил сходить с ума и дальше и распахнул дверцу клетки. Птица тут же вырвалась на свободу. Покружила по комнате и села на ручку кровати.

— Идем, Бирес, — сказала сойка. Клюв её при этом открывался так, словно она была человеком. Стигиец даже кинул на всякий случай соответствующее заклятье. Но нет. Птица как птица, только говорящая. — Открой мне дверь.

Маг послушался.

Сойка вылетела в коридор и закружила под потолком, ожидая, когда Бирес соизволит к ней присоединиться. Маг некоторое время колебался, решая, стоит ли брать защитные амулеты, потом махнул рукой и пошел просто так. Даже дверь забыл закрыть.

Так они и двигались по бесконечным коридорам поместья. Сойка чуть впереди, маг сзади. Бирес даже не пытался разобрать дорогу. Какое это имеет значение, если он уже сошел с ума. Куда-нибудь он да придет.

Внезапно сойка прервала свой полет. Вернее не совсем. Она просто зависла в воздухе, даже крыльями перестала шевелить. Бирес тоже остановился. Огляделся по сторонам. Место было ему незнакомым. Бред. Такого просто не могло быть.

Вдруг раздался страшный хохот.

«Женский», — совершенно не к месту подумал Бирес.

И тут сойка начала увеличиваться в размерах. Вот она уже со здоровую курицу. Вот с индюшку. А теперь и самого Биреса. Хохот же становился всё громче и громче.

Биресу стало по-настоящему страшно. Он почувствовал, что теряет сознание. Дальше была темнота.

Пробуждение вышло болезненным. Ломило всё тело. В голове стоял какой-то неприятный звон.

Открыть глаза никак не получалось. Встать тоже.

— Успокойся. Всё хорошо.

Карун-Ра. Бирес узнал голос Слепца.

— Подожди немного, — сказал маг-альбинос. — Сейчас я сниму заклятья. Только немного отдохну.

Выбора у Биреса не было. Он даже говорить не мог. Похоже, спеленали его основательно.

Маг попытался припомнить, что с ним произошло. Пять бутылок вина, собака, говорящая сойка. Чушь какая-то!

— Кажется, я готов, — сказал Карун-Ра и щелкнул пальцами.

Путы опали. Бирес обрел способность видеть, говорить и передвигаться. А также, как выяснилось, и удивляться. Он сидел на деревянной кушетке в совершенно незнакомой ему комнате. Помещение было очень маленьким. Пять шагов в длину и три шага в ширину. Окон не имелось. Стены были окрашены в белый цвет. Рядом с Биресом на стуле сидел Карун-Ра. Под глазами у альбиноса синели огромные круги, из носа вытекала тонкая струйка крови. Но при всем при этом вид у Слепца был торжествующий.

— Что произошло? — поинтересовался Бирес у первого мага Сартоса.

— Я освободил тебя, — довольно улыбнулся Карун-Ра. — Теперь Ксартти не может читать твои мысли.

— Ты не шутишь? — Бирес и так до конца в себя не пришел, а тут такая новость.

— Нет. Я перехитрил его, — сказал альбинос. — Тогда в заклинательной зале я смог скрыть свои мысли. Он не сумел их прочесть.

Точнее, он увидел лишь то, что я ему позволил. Но скольких усилий мне тогда это стоило?!

— И он ни о чем не догадался? — удивился Бирес. Ему до последнего момента силы Ксартти казались беспредельными. Даже сейчас он до конца не верил в слова Слепца.

— Не потрудился догадаться, — зло бросил Карун-Ра. — Наш гость слишком презирает людей, а людей-магов в особенности. К тому же ему сейчас не до нас. Он готовит нечто грандиозное. Я пытался вызнать, что именно, но у меня ничего не получилось.

— Думаю, измышляет оружие против братьев, — сказал Бирес. — И я готов поклясться, что нам в предстоящем представлении отведена не последняя роль.

— Bravo! — Карун-Ра захлопал в ладоши. — Не зря я вытащил тебя из небытия. Ты не до конца растерял мыслительные способности.

— Я так и не понял, — сказал Бирес, — как ты сумел провести этого духа? Неужели он не заметил того, что двое магов ускользнули из его цепких лап?

— Астральные двойники. Слышал о таких? Их еще называют мнимыми. Ловушка для магов. Копии людей, что существует лишь в магических полях.

— Но они слишком просты, чтобы обмануть существо вроде нашего Ксартти.

— Это смотря, как над ними поработать, — без ложной скромности произнес Слепец. — Наши двойники превосходны. Они обладают пол-

ной свободы воли. Могут ходить, куда пожелают. В пределах Сартоса, разумеется. И Сет с ним, что у них нет физической оболочки! Ксарти всё равно не пойдет проверять.

Бирес слушал, открыв рот, словно мальчишка. Он не мог поверить в то, что вновь стал свободным. Жизнь обретала смысл. Такое дело стоило отметить. Бирес наколдовал себе кувшин вина и жадно начал пить.

— Мне тоже дай, — сказал Карун-Ра. — Я заслужил.

Бирес передал ему сосуд. Слепец глотнул вина и тут же его выплюнул.

— Пойло! Не умеешь — не берись!

— Отдай назад, — потребовал Бирес. В нынешнем состоянии он вкуса вина не различал.

— Лакай, — сказал альбинос и вернул кувшин владельцу. Себе он сотворил новый.

Разговор ненадолго прервался. Бирес старался потихоньку осмыслить произошедшее, аккуратно раскладывая события по полочкам своего сознания. Карун-Ра просто отдыхал. По всему было видно, что освобождение Биреса далось ему нелегко.

— Фокус с сойкой ты провернул, — внезапно догадался Бирес.

— Правда, красиво вышло? — самодовольно поинтересовался Слепец. — Надо было как-то завлечь тебя в эту комнату, чтобы Ксарти ни о чем не догадался. Сквозь эти стены не пробьется ни одно заклинание. Будь он трижды сильнее-шим магом, почуять ту волшбу, что творится в этой комнатенке, он не в силах.

— Ты никогда не говорил об этом месте.

— А зачем вам знать? — делано невинно произнес Карун-Ра.

— Ну, и сволочь же ты! — сказал Бирес.

— Оценил всю мощь задумки? У Ксарти не было ни единого шанса. Ты находился на грани безумия, и дух наверняка это чувствовал. Этим нельзя было не воспользоваться. Зная твою страсть к «птичкам», я решил, что если оживлю одну из них, то ты не преминешь предположить, что это лишь болезненный бред. Важно было, чтобы Ксарти ощутил эту твою мысль. Подлинность сойки он всё равно проверить бы не смог. Дальше проще. Я провел тебя к дверям моего скромного укрытия и самым банальным образом оглушил, сопроводив это нехитрой иллюзией. И что увидел наш наблюдатель? Чокнутый маг пошел блуждать по поместью, ведомый одной из своих мертвых подружек.

Карун-Ра рассмеялся, довольный своей изобретательностью.

Биресу было немного противно, но он был готов потерпеть. Главное, что он вырвался из-под власти Ксарты. Только сейчас он понял, как сильно ненавидит это существо, духа Камня, пришедшего из глубин времен. За одно короткое мгновение Ксарты разрушил всю его жизнь, превратил некогда могучего мага в жалкую тень, способную лишь бросаться бутылками в стену.

Внезапно он дал себе глупое обещание, когда всё закончится сходить на базар, выкупить всех рабов и отпустить их на все четыре стороны.

Пусть кому-то повезет так же, как повезло ему. Плевать на методы Карун-Ра! Главное, что альбинос освободил его. Теперь можно начинать вернуться.

— Не будем засиживаться, — сказал Слепец. — Ни к чему терять время. У нас и так его очень мало.

— У тебя есть идеи, что делать дальше? — Бирес знал, что что-то да есть. Карун-Ра просто так не стал бы его спасать. Он был нужен ему для воплощения какого-нибудь замысла.

— Для начала покинем это место и направим наши стопы в твою опочивальню. Очень мне хочется взглянуть на твоё новое домашнее животное...

— Постой, — осадил альбиноса Бирес. — Сначала приведи себя в порядок. На тебя страшно смотреть.

— Серьезно? — спросил Карун-Ра и сотворил себе зеркало.

Вопрос, похоже, был риторическим, и Бирес отвечать не стал. Просто наблюдал, как Слепец ваяет себе лицо.

— Так лучше? — поинтересовался альбинос, отложив зеркало в сторону.

— Угу.

— Тогда пошли.

Карун-Ра встал, взмахнул рукой, и дверь в коридор отворилась. Бирес молча покинул бело-снежную комнату. Слепец вышел вслед за ним. Дверь закрылась и тут же слилась со стеной.

— Запоминай путь, — строго наказал альбинос.

Бирес аж скривился. Он понял, что имеет в виду Слепец. Белая комната находилась в искаженном пространстве. В реальности её не существовало. Она была подобна тем путям, что прокладывал Карун-Ра при перемещении из одной точки поместья в другую.

Карун-Ра колдовал неспешно, открывая Биресу все тонкости творимой волшбы. Последний даже не старался вникнуть в суть заклятья, просто запоминал. Если ему удастся просто повторить его, это можно будет считать чудом.

— Справишься сам? — спросил Карун-Ра, когда маги вернулись в привычное пространство.

— Не знаю, — честно ответил Бирес.

— Главное, сохрани небольшой запас сил для выхода, иначе сердце не выдержит.

Бирес кивнул.

Только сейчас он ощутил, что главные сложности еще впереди.

По дороге к покоям Биреса магам дважды встречались представители младших кругов. Выглядели они затравлено, даже на Биреса с Карун-Ра как-то подозрительно поглядывали.

Внутри комнаты Биреса всё было по-прежнему. Разобранная кровать, осколки на полу и следы вина на стенах. Из-под покрывала выглядывала пустая клетка с открытой дверцей. А на коврике у окна мирно дремал черно-белый вислосухий пес.

Слепец немедленно опустился перед животным на колени и начал изучать нагруженные на его заклятья. Судя по выражению лица, они привели

светловолосого мага в некоторое замешательство. Бирес не вмешивался. Он уже успел повозиться с этой псиной. Ему хватило. Слепец же наоборот, похоже, вошел в азарт и сдаваться не собирался. Бирес различал вспышки пробных заклятий. Карун-Ра испытывал на прочность сонную волшбу.

— Бирес, поддержи-ка эту тварь. Сейчас мы его разбудим.

— Он будет кусаться.

— Потому его и надо держать.

Логика альбиноса была безукоризненной. Бирес подчинился.

— Готов? — спросил Карун-Ра.

Бирес кивнул. Слепец начал читать заклятье, вернее некую странную смесь из нескольких заклятий. Волшба по своей структуре напоминала ту, которую применили для изменения облика.

Когда Карун-Ра закончил, — ничего не произошло.

— Ну, и? — спросил Бирес.

Слепец лишь пожал плечами.

В этот момент пес ожил и начал что есть сил вырываться.

— Держи крепче! — крикнул Биресу Карун-Ра. — Сейчас мы из него все страхи вычистим. Это несложно.

Может и несложно, зато долго. Когда пес наконец успокоился, у Биреса уже руки отваливались от усталости. Кто бы мог подумать, что в этой собаке столько сил?

— Сиди теперь смирно, — сказал псу Карун-Ра.

Пес подчинился и с любопытством стал наблюдать за тем, как Слепец подбирает заклятья.

Помощь Биреса больше не требовалась, и пока Слепец ставил эксперименты, он самым наглым образом валялся на постели, вкушая плоды безделья.

— Ладно, пес, — сказал Слепец. — В человека мы тебя превращать пока не будем.

Пес гавкнул. Вроде бы, неодобрительно.

Бирес поднялся и подошел к Слепцу. Альбинос выглядел расстроено.

— Это временно, — утешил собаку Карун-Ра. — Потом я разберусь с твоим заклятьем. Поверь, мне и самому интересно, как этот узел развязать можно. Но сейчас нам надо с тобой поговорить. Я ненадолго смогу наделить тебя речью. Заклятье сложное, так что очень прошу: не трати время. От этого всем будет только лучше.

Пес пролаял что-то. Общий тон был положительным.

— Вот и замечательно, — сказал Карун-Ра и начал колдовать.

Волшба оказалось не простой. На лбу мага появились бисеринки пота.

— Чувствуешь изменения? — спросил он пса по окончании колдовства.

— Да, — сказал пес вполне человеческим голосом.

— Хорошо, — кивнул Слепец. — Расскажи нам, кто ты такой и как тебя угораздило превратиться в собаку.

Примерно с полколокола двое магов мучили

каверзными вопросами бедного пса. Особенно их заинтересовала сцена беседы девицы и седовласого. Слепец даже извлек зрительные образы обоих из памяти животного, при этом чуть не потеряв сознание от перенапряжения.

Собаке тоже разговор давался с большим трудом. Ближе к концу человеческая речь начала перемежаться с лаем. Бирес на всякий случай на протяжении всей беседы поддерживал в силе закливание «истинного слова». Как выяснялось, напрасно. Пес не пытался юлить, говорил всё, как было.

— Хватит! Не могу больше, — произнес вконец измотавшийся Карун-Ра. — Бирес, наложи на него сонное до завтрашнего полдня. Раньше он нам точно не понадобится.

Пес агрессии не проявил. Просто выжидающе смотрел на Биреса, пока тот подбирал нужную формулу.

Карун-Ра еле держался на ногах.

— Вина хочешь? — участливо поинтересовался у него Бирес.

— К Негралу твоё вино! Воды наколдуй. Холодной.

Бирес исполнил. Перед Карун-Ра возникло маленькое железное ведро, полное свежей родниковой воды. Слепец напился. Осмотрел ведро.

— Из Бритунии вытащил?

— Угу.

— Далековато, — философски заметил Карун-Ра. — Как тебе повесть собачья? Два братца в одном месте.

— Не повезло моряку, — посочувствовал Бирес. — Надо было в «Змея» идти.

— Зато нам с ним подфартило, — Слепец по-немногу оживал. Для Биреса оставалось загадкой, откуда он черпает силы. — Мы теперь точно знаем, в каких телах находятся «любовник» и «безумец».

— Милые прозвища.

— Какие есть. «Безумца», я думаю, трогать резона никакого нет. Он нам без пользы, к тому же, по словам Ксарты, силен он не в меру. «Любовник» — вот наша первая цель.

— А он нам зачем? Из него союзник никудышный.

— Мы и не будем с ним договариваться. Мы его убьем. Надо посмотреть, как эти духи в мир иной отходят. А лучшего объекта для тренировки и не сыскать. Если «любовник» нам не по зубам, с остальными точно не справимся.

— Может попытаться его пленить?

— Бирес, давай без сложностей. Ты знаешь, как поймать духа, способного менять тела по своему усмотрению? Лично я ни малейшего понятия не имею.

— Ты прав.

— Я всегда прав! Ближе к вечеру я зайду. Мне нужно подготовиться.

Карун-Ра вышел.

Бирес присел на краешек кровати, обозрел свою комнату. Сразу стало стыдно, захотелось прибраться.

Но тут он осекся.

Ни к чему. Пусть будет, как есть. Астральный двойник сейчас, наверняка, пребывает в самом угнетенном настроении, а потому неплохо бы ему подыграть.

Маг забрался с ногами на постель, сотворил бутыль вина и с размаху швырнул её в стену.

Глава 4

О тех, кому не повезло

Уногда Монтейро чувствовал, что сходит с ума. Ничего необычного в этом не было. Настоятель рассказывал ему, что все молодые аколиты, очутившиеся на Побережье, непременно ощущали нечто подобное. Потом часть возвращалось к нормальному состоянию. Те же, кому не повезло, отправлялись на паперть. Им уже ничто не могло помочь.

Старшие жрецы настоятельно рекомендовали истово молиться все два заветных месяца. Говорили, что Митра всенепременно защитит своих слуг. Монтейро в это не верил. На его глазах трое жизнерадостных молодых парней превратились в идиотов, и никакие молитвы им не помогли. Лучезарный давным-давно махнул на Сартос рукой. Здесь правит магия Змея.

— Митра Пресветлый! — раздался крик за дверью кельи. — Карло! Карло!

Монтейро поднялся с кровати, затянул потуже пояс и вышел в коридор узнать, что случилось. Почти у самой его двери на холодном каменном полу сидел молодой монах, причитал и перебирал четки. Монтейро тряхнул его за плечо.

— Что случилось? — спросил он.

— Карло, Карло... — монах, похоже, потерял способность к нормальному общению.

Монтейро оставил несчастного в покое и двинулся по коридору в направлении кельи Карло, еще одного новичка на Побережье. Карло сослали сюда всего две седмицы назад. Монтейро не успел ни сдружиться с ним, ни выяснить, за что его сюда отправили.

Дверь в келью Карло была слегка приоткрыта. Монтейро заглянул внутрь. Под потолком в петле раскачивалось тело молодого монаха. Карло был мертв. Монтейро поскорее отвернулся. Выглядел повешенный преотвратно. Один только высунутый язык чего стоил. Монаха ему было не жаль. Митра самоубийц не привлекает.

Монтейро уселся на пол напротив двери в келью несчастного и стал вспоминать свою жизнь.

Родился он двадцать три года назад в пригороде Кордавы. Его семья занималась разведением овец. Дело хоть и трудоемкое, зато прибыльное. И суждено было бы Монтейро стать знатным овцеводом, если бы не клятва, что дал его отец. Монтейро его не винил. Откуда он мог знать, что всё так сложится?

Однажды случилось будущей матери Монтейро сильно захворать. Привозил к ней муж и ма-

гов, и знахарей, но те в один голос говорили, что болезнь лечению не поддается. Оставалось только ждать. По словам лекарей примерно один из двадцати переносил хворь и выздоравливал. Остальные умирали. Тогда отец поклялся, что если жена его останется в живых, то он посвятит своего первенца Митре.

Мать выжила, а Монтейро отдали монахам. Жизнь в обители казалось ему скучной и однообразной.

Конечно, Монтейро верил в благодатную силу Митры, но в том, что богу от его послушания польза какая-то есть, сильно сомневался. Вслух он ничего такого не говорил. Понимал, что такую епитимью наложат, что мало не покажется.

Юноша с нетерпением ожидал момента своего двадцатилетия. В этом возрасте воспитанников ставили перед выбором: принести обеты и постричься в монахи или уйти из монастыря. В обычной ситуации Монтейро без колебаний выбрал бы второе, но жизнь сыграла с ним злую шутку. За день до заветного срока в монастырь принесли тяжелораненую девушку. На неё и её спутника напали четверо разбойников. Парня убили, а девицу насильничали и избили. Выглядела она плохо. Монтейро уже немного разбирался в строении человеческого тела и понимал, что девушка не жилец. Но в последний день своего пребывания в монастыре он решил сделать доброе дело. Всю ночь он истово молился Митре. К утру он еле держался на ногах и с трудом мог говорить, но девушка выжила. Монтейро просто не

мог поверить в случившееся. Вот так на радостях он и принял постриг. Впоследствии он не раскостерил себя последними словами за это спонтанное решение.

Первый год своего послушания Монтейро честно пытался вжиться в образ примерного монаха. Вином не злоупотреблял, на девушек не заглядывался, все свободное время посвящал молитвам. Но чудес более при нем не совершалось, и молодой митрианец стал все больше и больше разочаровываться в своем выборе.

Его очень сильно угнетало отсутствие смысла в жизни. Он ничем не помогал другим и в свое удовольствие пожить тоже не мог. Если бы в один прекрасный момент его не стало, никто ничего бы и не заметил. Монтейро решил, что надо что-то менять. И он начал обучаться лекарскому мастерству. Зингарец прилежно осваивал науку, но монастырские книги были устаревшими. Больных, на которых можно было попрактиковаться, не хватало просто страшно. А становиться профессиональным целителем несварений желудка у Монтейро не было никакого желания.

Так науки отошли на второй план. Раз нельзя жить для других, можно немного пожить для себя. Неподалеку от монастыря имелись две небольшие деревушки. К местным девушкам Монтейро и повадился нахаживать. Лицом он был красив. Прямой нос, волевой подбородок, глубоко посаженные глаза. Успехом он пользовался немалым. Вот только не учел монах одну деталь. Тут сказалось отсутствие опыта мирской жизни.

Парням сельским его бравые похождения пришлось не по душе. Монаха пытались бить, но он стоически терпел и снова лазил к девкам. Не понимал, что однажды просто прибьют и всё. Но деревенские греха решили не творить. Просто взяли да пожаловались отцу-настоятелю на чересчур бойкого монаха.

Монтейро выдержал тяжелый разговор. Настоятель очень доходчиво указал молодому зингарцу на всю глубину его заблуждений. После этого монаха заперли в келье и держали там два месяца на хлебе и воде. Монтейро сильно исхудал, осунулся. С лица исчез румянец. Знал бы он, что ждет его дальше, дням проведенным в заточении радовался бы, как последним.

Так получилось, что почти одновременно с Монтейро в немилость угодил и один из верховных жрецов Митры в Зингаре. Погорел он, кстати, на том же, на чем и молодой монах. Над жрецом устроили показательный процесс, по результатам которого его сослали на Побережье Стигии. Разумеется, одним ссыльным решили не ограничиваться. По стране развернули борьбу за чистоту морального облика слуг Пресветлого. Отец-настоятель долго спорил, не хотел отдавать Монтейро, говорил, что тот лишь глупый мальчишка, но в итоге был вынужден сдаться.

Так зингарец и очутился в этом чудесном прибрежном городе, где каждый второй митрианец неизменно сходит с ума и превращается в посмешище для заезжих пиратов. Монтейро был уверен, что если бы в Аквилонии захотели изме-

нить сложившийся порядок, они бы изыскали средства. Но похоже, храму Митры это было не надо. Зачем лишать себя такого замечательного места для ссылки неугодных?

— Что здесь произошло, сын мой?

Монтейро и не заметил, как к нему подошел монах лет шестидесяти, одетый в белую рясу. Отец-настоятель обители Митры в Сартосе.

— Карло повесился, — спокойно ответил зингарец.

— Несчастный, — сказал старый монах и заглянул в комнату.

Как и Монтейро, пробыл он там не долго. Тем временем коридор начал заполняться людьми. Весть «о Карло» распространилась быстро. Монтейро внезапно почувствовал раздражение. Он ценил людское общество, но сейчас эти обезопасившие себя от безумия монахи вызывали в нем лишь злобу. Он встал и направился к своей келье.

— Постой, сын мой, — окликнул его отец-настоятель.

Монтейро ничего не ответил, но подчинился. А старик взял его под руку и повел прочь от толпы.

— Тебе сейчас тяжело, я знаю, — сказал он, когда поблизости не осталось чужих ушей. — Но не надо озлобляться и отчаиваться. Слова о пользе молитвы — не пустой звук. Обязательно надо во что-то верить, иначе с тобой произойдет то же, что и с Карло.

— Митре нет дела до Сартоса, — сухо сказал Монтейро.

— Может быть — нет, а может быть — есть. Ты что же, думаешь, что с тобой поступили несправедливо?

— Нельзя посылать людей на Побережье.

— Когда-то и я так считал. Сейчас мне кажется, что всё так, как и должно быть. Каждый, очутившийся здесь, рождается заново. И этот новый человек может избрать праведный путь. У него появляется шанс искупить свои старые грехи. Поверь, вскоре ты поймешь, о чем я говорю.

— Если не сойду с ума, — коротко отрезал Монтейро.

— Митра заботится и об этих несчастных, — сказал старик. — После смерти они обретут покой. Очисти своё сердце от страха и злобы.

— Это непросто, — тяжело проговорил зингарец.

— Я верю, ты сумеешь, — сказал отец-настоятель, отпустил локоть молодого монаха и поплыл по коридору в известном лишь ему одному направлении.

Монтейро размышлял над словами старика. В них имелось рациональное зерно. Искупление греха через блаженную жизнь или перерождение. Лучше всё-таки второе. Монтейро неспешно пошел в сторону молельни. И впрямь надо бы чем-нибудь себя занять. До окончания срока оставалось еще три дня.

На полпути зингарец почувствовал головную боль. Сначала он не обратил на неё внимания, решил, что от излишнего волнения. Но боль всё нарастала и нарастала. Вскоре Монтейро уже

орал в полный голос, мир поплыл перед глазами. Он упал на пол и забился в судороге.

И вдруг взор зингарца вновь обрел ясность.

Он был не в монастыре. Монтейро огляделся. Он стоял посреди комнаты в незнакомом ему доме. Обстановка здесь была бедная. Несколько стульев, стол, глиняная посуда на нем. Окон не было. Зингарец пожал плечами и уже собрался покинуть помещение, как заметил сидящего в углу ребенка. Маленькую девочку.

— Как тебя зовут? — спросил он, опустившись перед ней на колени.

Девочка молчала, смотрела как-то странно, сквозь него.

— Где мы? — спросил её монах. — Что это за место?

Внезапно девочка заплакала.

— Что с тобой? — произнес зингарец и попытался обнять ребенка.

Его руки прошли сквозь девочку. Он потерял равновесие и упал. Когда он начал подниматься, то заметил, что в комнате начался пожар. Монтейро бросился к двери, собираясь выбить её ударом ноги. Но тут язычок пламени коснулся его правой руки.

Вновь всё поплыло перед глазами. Вернулась боль.

Монах лежал на полу обители и кричал дурным голосом. Вокруг него уже собралось десятка два человек. Они просто стояли и смотрели, боясь притронуться к Монтейро.

Боль постепенно начала стихать. Монтейро с

трудом поднялся на ноги. Окружающие отшатнулись от него.

— Всё в порядке, — сказал монах. — Со мной всё нормально. Мне просто надо подышать воздухом.

Опираясь на стены, Монтейро добрался до выхода из обители. Удивительно, но стоило первым лучам солнца коснуться монаха, как его оставили и боль, и слабость. Провожаемый тревожными взглядами монашеской братии, Монтейро шел прочь.

Он долго слонялся по городу без какой-либо цели. Монтейро, как никогда, ощущал близость безумия. Начало положено. Через три дня он лишится остатков разума. Надежды не оставалось. Перерождение ему не грозит.

Тут его внимание привлекли крики «пожар», доносившиеся с одной из улиц. Монтейро отправился посмотреть, что происходит. Возможно, понадобятся его услуги, как жреца Митры.

Горело маленькое одноэтажное здание. Вокруг него уже собралась приличная толпа. Никто и не пытался потушить пожар. Пламя полыхало во всю мощь. В этот миг в голове монаха словно переклинило что-то. Расталкивая людей, он бросился к домику.

— Стой, дурак! — кричали ему вслед. — Никого там нет!

Есть. Монтейро точно знал, что есть. Маленькая девочка, которая сидит и ждет, что он её спасет.

Зингарец мощным ударом ноги высадил дверь.

Он еле успел уклониться от вспышки пламени. Изнутри валил густой дым.

Монтейро прикрыл рукавом лицо и вошел внутрь. Ничего не было видно. Жара стояла невыносимая. Дышать было не чем, легкие забивал дым. Зингарец понял, что у него в запасе лишь несколько мгновений. Если девочка сидит всё в том же углу, они успеют выбраться. Если нет, погибнут оба.

Монтейро вслепую шарил руками, разыскивая ребенка. Закралась предательская мысль, что видение может повториться во всех деталях, и он просто пройдет сквозь девочку. Но нет. Вот оно, маленькое детское тельце, сжавшееся в комочек. Монтейро схватил ребенка и выбежал наружу. Сделал несколько шагов от горящего дома и упал. Прямо на девочку.

Ребенка извлекли из-под монаха и куда-то унесли. Самого Монтейро перевернули на спину. Над ним склонился незнакомый ему человек с густой бородой и плеснул монаху в рот какой-то жидкости. Горькой. Монтейро закашлялся.

— Сейчас тебе будет лучше, — сказал незнакомец.

— Как девочка? — спросил зингарец.

— Пока мертва, но, думаю, её вернут к жизни, — сказал бородач и добавил. — Ты не бойся, это не некромантия.

— Я разбираюсь во врачевании, — ответил Монтейро, вставая на ноги. Действительно стало лучше.

— Откуда ты знал, что внутри кто-то есть? —

спросил бородач. Только сейчас зингарец различил, что он был одет в лиловую рубашу.

— Просто знал и всё, — отрезал Монтейро и пошел прочь от вежливого прихвостня Хозяев.

Над девочкой трудился маг в одежде цветов содружества Равновесия. Монтейро не уходил до тех пор, пока не убедился, что с ребенком всё будет в порядке. Потом побрел обратно в обитель Митры.

Надо было осмыслить произошедшее в тишине и покое. А потом помолиться. Обязательно.

Внутри обители было тихо. О происшествии в коридоре успели забыть, а вести о пожаре пока попросту не дошли. Это хорошо. Если бы кто-то сейчас полез с разговорами, Монтейро послал бы его куда подальше. Может еще и пинок бы присовокупил.

Монтейро распахнул дверь в свою келью, вошел и закрыл засов. Не до гостей. Зингарец подошел к столу, взял с него кувшин с холодной водой. Сделал три глубоких глотка и на этом успокоился. В келье было душно, но окошко Монтейро решил не открывать. Вместе со свежим воздухом внутрь ворвался бы и уличный шум. А хотелось тишины.

Зингарец лёг на кровать и закрыл глаза. Мысли текли медленно-медленно. Постепенно Монтейро погружался в сон.

Проснулся монах за два колокола до заката. Встал. Тут же ощутил, насколько сильно он изматался за сегодня. Короткий сон только усугубил и без того неважное самочувствие. Монтейро

тряхнул головой, допил оставшуюся воду и пошел в умывальню. Зингарец чувствовал острую необходимость освежиться. Духота сводила с ума не хуже пресловутого стигийского проклятья.

В умывальной зале никого не оказалось. Монтейро подошел к чану с водой, зачерпнул немного и вылил себе на голову. Процедуру эту он повторил трижды. Полегчало. Тогда зингарец взял с полки начищенное до блеска блюдо, служившее монахам вместо зеркала. Посмотрел на себя и ужаснулся.

В блюде отражалось не его лицо. Вернее, не совсем его. Зеркальный человек был более смуглым, глаза стали темнее, скулы немного опустились. Зингарец поставил блюдо назад и уселся на пол. Обнял ноги руками и принялся медленно раскачиваться взад-вперед.

— Я схожу с ума, я схожу с ума, — бездумно повторял он.

Сначала видение. Теперь лицо. Точнее с лицом-то, наверное, всё в порядке. Это только ему, Монтейро, кажется, что оно изменилось. Именно так всё и должно происходить. А что дальше? В какой момент он потеряет способность мыслить?

На миг Монтейро стало любопытно, что он почувствует, когда всё закончится. Наверняка, что-то необычное. В конце концов, это немного лучше того, что являлось ему в кошмарах. Благодаря своему безумию, он спас сегодня девочку. А что, если это просто новая форма существования? Нечто, неподвластное человеческому разуму. Сотни сумасшедших митриан, что денно и

ночно трудятся на благо всей Хайбории. А руководит ими некое высшее существо. Сам Митра или один из его слуг. Они направляют этих несчастных в те места, где нужна их помощь.

Вот муж, спешащий домой, спотыкается об одного из этих несчастных и останавливается, чтобы хорошенько растолковать митрианцу, что он о нем думает. Жена же тем временем успевает мирно выпроводить любовника. И никто никого не убивает.

Стоп! Неправильный пример.

Хотя какая-разница? Суть-то не меняется. Сотни невидимых помощников. Монтейро прикинул, хочет ли быть одним из них. Понял, что нет. Расплакался.

В умывальню вошел толстый монах средних лет. Увидел Монтейро, подошел к нему, потрепал по голове.

— Всё будет нормально, брат. Успокойся.

Монтейро встал, вытер слезы, кивнул толстяку в знак благодарности и отправился молиться.

Настоятель был прав. Нужно во что-то верить. Если есть еще хоть какая-то надежда, он сделает всё от него зависящее.

Молельня была заполнена под завязку. Монахи возносили вечернее благодарение Пресветлому. Монтейро пролез в угол и присоединил свой голос к общему хору. Сразу же ощутил благотворное влияние. Намного легче чувствовать себя частью чего-то большого. Когда столько людей собирается вместе, ничего страшного с ними случиться не может. Кошмарам здесь не место.

Когда традиционная вечерняя молитва подошла к концу, митриане один за другим стали покидать залу.

Вскоре внутри остались только Монтейро и трое седовласых жрецов. Они с упоением что-то вымаливали у Митры.

Зингарцу было противно на них смотреть. В его стране стяжательство среди братьев почиталось среди первейших из грехов. Эти явно придерживались иного мнения.

Монтейро не захотелось оставаться в их обществе. Помолиться можно и в келье.

Он неспешно побрел к себе. На полдороге произошло событие, утвердившее его в мысли о безумии. В совершенно пустом коридоре он услышал голоса.

— Завтра надо непременно навеститься на базар. Я слышал, что из Кеми привезут интересный груз.

— Мне кажется, что стигийцы что-то подозревают. Может, хватит? Мы и так достаточно заработали.

— Это же золотое дно! Хотя бы еще два дня!

— Если вас поймут, мы будем всё отрицать.

Кому принадлежал первый голос, Монтейро не знал. Второй был отца-настоятеля. У зингарца не было никакого желания вникать в суть разговора, вернее собственного бреда. Он желал только того, чтобы это всё поскорее закончилось.

И оно закончилось. Голоса смолкли.

Как он добрался до своей кельи, Монтейро не помнил. Просто внезапно понял, что сидит на

своей кровати и поет какую-то заунывную песню на невесть каком языке.

— Всё. Спать! А то это уже никуда не годится, — сказал он себе.

Но сон всё не шел и не шел. В голову лезли детские воспоминания, медицинские трактаты и собственные рассуждения о вероятном будущем. Примерно с колокол он вертелся с боку на бок не в силах уснуть. Потом догадался открыть окно. В келье стало намного свежее. И вскоре он провалился в глубины сна.

Вокруг было темно. Очень. Но почему-то Монтейро сразу понял, что он уже не в обители. Монах попытался пошевелиться. Руки и ноги двигались, но опоры не находили. Страшно не было. Зингарец попытался перекувырнуться в воздухе, одновременно дивясь собственной несерьезности. Сальто вышло паршивым. Но благо темно, и никто не видит.

— Иди ко мне.

Монтейро не разобрал, откуда исходил этот голос. В этой темноте отсутствовали направления. Зингарец попытался ответить голос. Но его слова сразу же растворились в пространстве. Даже до его собственных ушей донесся лишь шепот. Это место очень сильно отличалось от привычного мира.

— Иди ко мне, — повторил голос. — Я здесь. Я жду тебя.

Зингарец отчаянно завертел головой. Он почему-то был уверен, что этот человек хочет ему помочь. Слова незнакомца вселяли уверенность.

— Найди меня, — попросил голос.

Тут Монтейро различил маленький голубой огонек, возникший где-то вдали по правую руку от него. Зингарец устремился к нему. Он отталкивался руками и ногами так, словно темнота была подобна воде. Ему показалось, что огонек становится ближе.

И тогда он проснулся.

Глава 5

О тех, кто ищет и находит

В «Сто золотых за человека» Сигурд отправился не сразу. Первый помощник капитана здраво рассудил, что сначала надо поесть и сменить одежду. Оставив Конана выпытывать у Грува последние непосредственно корабельные новости, ванир отправился в свою каюту.

Там он снял свой запыхавшийся офицерский наряд и переоделся в более простой и удобный костюм. Теперь ему было не нужно производить на кого-то впечатление. Наоборот, простой моряк вызовет меньше подозрений, чем первый помощник капитана корабля. Для пущего эффекта Сигурд вставил себе в ухо массивную золотую серьгу. Ванир страшно не любил такие украшения, почитая их бабскими, но без этого образа не был полным.

Теперь Сигурд выглядел, как заправский мор-

ской разбойник, мастер абордажа. Дополняла картину широченная сабля, заменившая на поясе любимый сигурдов меч.

— Ужасно, — сказал ванир, глядя на свое отражение в зеркале. При этом он довольно улыбался.

Большинство людей, близко не знакомых с первым помощником капитана «Вестрела», считали рыжеволосого моряка человеком грубым и недалеким. Сигурд старался со всей тщательностью поддерживать этот образ. Если к тебе относятся с небрежением, то этим просто грех не воспользоваться.

Отобедать ванир решил вместе со всей командой. Соскучился он за седмицу по этим раздолбам. Моряки встретили появление ванира дружными криками. Он в ответ гаркнул на них, обозвал сборищем тупых идиотов. Но по-доброму так. Команда поняла. Хорошие парни подобрались на «Вестреле».

Кормили сегодня неплохо. Похлебка из чечевицы с мясом и вареная кукуруза. Сигурд уплетал за обе щеки и слушал, о чем болтает команда. К концу трапезы он знал почти обо всем, что случилось за время их с капитаном отсутствия.

Отпускать ванира моряки не хотели. Предлагали выпить с ними, рассказать о поездке. Говорили, что нехорошо получается: только приехал и снова в путь. Сигурд еле-еле сумел от них отвязаться.

Уже спускаясь по трапу, ванир вспомнил, что толком и не узнал, где именно лавочка находит-

ся. Возвращаться не хотелось. Капитану не понравится, если он разболтает команде, куда его послали. Место вроде бы приметное. Можно и на улицах поспрашивать.

Как выяснялось, предположение было абсолютно верным. Первый же встречный прохожий подробно рассказал, как пройти в «Сто золотых за человека». Еще добавил, что его сын туда сегодня утром ходил, и всё как положено, дали обещанную предоплату. Сигурд пожелал прохожему удачи и пошел по указанному маршруту.

Дом, в котором лавочка располагалась, Сигурду приглянулся. Красивое двухэтажное строение, никаких архитектурных излишеств, приятные прямые линии, несколько узоров в виде переплетающихся лиан. Несколько портила впечатление намалеванная от руки вывеска. Надпись была на стигийском. «Сто золотых за человека».

— Хороший дом, хорошее название, — себе под нос пробормотал ванир. — Посмотрим, что там внутри.

Ванир подошел к двери. Постучал. Никакой реакции. Тогда он просто распахнул дверь и вошел. Отметил про себя, что зря стучался. Простой моряк бы этого делать не стал.

Сигурд оказался в небольшом помещении, внутри которого царил приятная прохлада. Вдоль стен стояли стулья. На трех из них сидели типы самой бандитской наружности. Сигурд с гордостью отметил, что сам, наверное, выглядит не лучше.

— Присаживайся, парень, — сказал один из типов и хлопнул рукой по соседнему стулу.

Сигурд сел, но на другой. Вести беседы с этой троицей у первого помощника желания не было. Бестолковое занятие. У самого таких полный корабль. Моряки перебросились парой шуток по поводу неразговорчивого рыжего здоровяка. Но подколки были беззлобными. Видать, типы его всё-таки побаивались.

За время ожидания в «Сто золотых» ввалились один за другим еще четверо пиратов. «Не стучались», — отметил про себя Сигурд. Никого из этой четверки он не знал, да и им он знаком, похоже, не был. Мелочь, а приятно. Первому помощнику не хотелось афишировать свой визит в эту лавочку, хоть Конан его секретничать-то и не просил.

Наконец из двери в дальней части комнаты вышел последний из трех типов. Рожа его так и светилась от счастья. Ванир не сомневался, что направится морячок не на поиски пока неизвестных Сигурду личностей, а прямоком в «Морского Змея».

Комната, в которой принимали посетителей, производила приятное впечатление. Белый мрамор, которого здесь было в изобилии, очень удачно сочетался с деревом светлых пород, которого тоже было приличное количество.

Предметов обстановки было немного, но будучи правильно расположены, они придавали комнате некую строгость.

— Проходите, — сказал застрявавшему в дверях Сигурду молодой паренек, восседавший за большим рабочим столом.

Сигурд поприветствовал хозяина коротким кивком головы, промямлил что-то невнятное и присел на стул, на который ему указал.

— Моё имя — Черс, — представился юноша. — Вам известно, чем занимается наша контора?

— Да, — пробасил Сигурд. — Раздаете деньги.

— В точку! — сказал парень. — Вы же ищете для нас тех людей, о которых я вам сейчас поведаю. В случае удачи получите сотню полновесных золотых стигийской чеканки.

— Я что-то слышал о предоплате, — вроде как ни к кому не обращаясь, сказал Сигурд.

— Всё верно, — сказал Черс, выдвинул один из ящиков своего стола, достал оттуда две золотые монеты и протянул их Сигурду. — Примите в знак наших добрых намерений.

— Можно идти? — поинтересовался Сигурд, вставая.

— Подождите еще немного, — на лице парня не отразилось никаких эмоций. Похоже, он подобного уже насмотрелся. Еще один любитель получить пару монет за так. Что тут необычного? — Я не успел вам дать описания тех людей, поисками которых вы будете заниматься.

— Это обязательно? — спросил Сигурд, демонстрируя, как он жаждет поскорее пропить свежесобранное золото.

— Боюсь, что да, — сказал Черс. — Без этого вам будет затруднительно определить, тот это человек, что нам нужен или нет.

— Это ты верно подметил, — сказал ванир и добродушно усмехнулся. — Давай, рассказывай.

— Вы понимаете, что сто золотых за просто так не дают, — начал свою речь парень. — Те люди, которых мы ищем, необычны. Они обладают способностью менять свою внешность, потому в ваших поисках вам следует отталкиваться прежде всего от их привычек. Сейчас я расскажу вам о каждом из них. Первая ваша цель очень властолюбива. Этот человек постарается подчинить себе всё и вся, продвигаясь вперед гигантскими шагами.

— Таких тут целый город, — сказал Сигурд.

— Вы узнаете его, когда встретите, — уверено сказал Черс. — Поверьте, не ошибетесь. Следующего человека из нашего списка отличает страсть к постельным утехам. Его прежде всего привлекает разнообразие. Дети, старики, животные. Он сможет измыслить, что угодно. Третий увлекается магией. Его тяжело будет отыскать. Он очень скрытен, но, возможно, благодаря именно этому качеству вы его и обнаружите. Четвертый просто-напросто безумен. Соображает он неплохо, но действия его совершенно нелогичны. Он тоже очень сильный маг, но колдует нечасто.

Сигурд был поражен в самое сердце. Помощник капитана не сомневался, что «второй» человек — это седой хозяин борделя, о котором рассказывал Грув. Вполне возможно, что толстяк, превративший беднягу Зелтрана в вислоухого кобеля, это «четвертый». Сигурд лихорадочно соображал, что делать. Можно вернуться на «Вестрел» и рассказать обо всем Конану. Но это значит потерять время. Если кто-то другой также обна-

ружит этих двоих, у Сигурда не будет теперешнего преимущества.

— Это не всё, — прервал Черс ход мыслей Сигурда. — Сейчас я покажу вам портреты людей, в обличье которых могут пребывать интересующие нас люди.

Паренек полез теперь в другой ящик и извлек оттуда небольшую стопку рисунков.

— Посмотрите прямо сейчас, — предложил он. — Может, кого-нибудь узнаете...

Сигурд подвинул к себе портреты и начал внимательно их рассматривать. Первое, что ему бросилось в глаза, это головные уборы, украшения и татуировки. Все эти люди были моряками. Никаких сомнений. Тем более среди портретов не было ни одного женского.

Одна картинка заставила первого помощника напрячь память. С портрета него смотрело лицо молодого человека с совершенно седыми волосами. Сигурд постарался вспомнить, как Грув описывал хозяина борделя. Вроде бы похоже.

Изображения остальных моряков никаких ассоциаций у Сигурда не вызвали.

— Если вы увидите кого-нибудь, подходящего под описание или похожего на одного из этих людей, немедленно сообщите мне. Мы проверим, тот ли это человек, и в случае удачи выплатим вам обещанное вознаграждение. Но даже если вы и ошибетесь, то всё равно получите еще две монеты за проявленное усердие. Только не дергайте попусту. Вам всё понятно?

Надо было решать немедленно.

— Мне знакомы те люди, о которых вы говорите, — сказал ванир.

Паренек встрепенулся.

— Кто именно? Где вы их видели?

— Сам я их не видел, — честно признался Сигурд.

— Я же просил не морочить мне голову, — яростно сказал Черс. — Вы получили задаток. Если хотите еще, то ищите, а не вешайте мне лапшу на уши.

— Я думаю, мой рассказ вас заинтересует, — совершенно спокойно произнес Сигурд. Ваниру хотелось позлить паренька. Он надеялся, что тот может сболтнуть что-нибудь полезное.

— Я слушаю, — парень был зол, но немногословен.

— Сначала ответь на один вопрос, — сказал Сигурд, переходя на «ты». — Зачем тебе понадобились эти люди?

— Какая разница? Я плачу за них золотом.

— Этого мало, — улыбнулся ванир. Дурачка он уже перестал разыгрывать. — Ответь. И тогда я расскажу тебе кое-что интересное.

— Ты блефуешь! — Черс тоже позабыл об этикете.

— Хорошо, я уйду, — сказал Сигурд, поднялся и очень медленно пошел к выходу.

— Постой! — окликнули его.

Голос принадлежал не Черсу. Сигурд обернулся посмотреть, кто возжелал его общества. За спиной Черса стоял красивый молодой человек, одетый в шитую золотом белую рубаху. Черные

вьющиеся волосы и темные глаза выдавали в нем зингарца.

— Я хочу послушать твой рассказ, — сказал зингарец. — Я вижу, ты говоришь правду. У тебя и впрямь имеется в запасе нечто, что ты считаешь важным и значимым.

— Вопрос, — напомнил ванир. К своему стулу он вернулся, но садиться не стал. Первому помощнику не нравилось, когда над ним кто-то нависал.

— Я желаю их смерти, — ответил человек в белой рубахе.

— Боюсь, что тогда я не смогу вам помочь, — пожал плечами Сигурд. — Мне они нужны живыми.

— Не торопитесь, — сказал зингарец. — Вы всё равно не знаете, где их искать. Иначе бы здесь не торчали. Расскажите мне свою историю. Может быть мы найдем точки соприкосновения.

— Значит, главный здесь вы? — то ли утвердительно, то ли вопросительно произнес Сигурд. — Представились бы что ли для начала. Хочется знать, с кем имеешь дело.

— Вы своего имени тоже не назвали, Сигурд, — с ехидной улыбкой сказал темноволосый. — Меня же зовут Коратцо. Пройдемте лучше в другую комнату. Там есть, где присесть, и найдется, что выпить.

Сигурда зингарец заинтересовал. Выходило, что он тоже маг. Имя его он, во всяком случае, узнал ловко. И эффект сумел соблюсти. Сигурд признал, что Коратцо был прав, и он ничего не

потеряет, рассказав, что случилось с Зелтраном и остальными. И ванир последовал за зингарцем и его молодым подручным.

Коратцо выбрал для беседы небольшую комнату со множеством мягких диванов и кресел. В оформлении её преобладали светло-зеленые тона. Посередине помещения стоял столик с парой бутылок вина и пятью хрустальными бокалами. Зингарец налил себе и Черсу, вопросительно посмотрел на ванира. Тот кивнул.

Первый помощник отдавал себе отчет в том, что Конан будет рвать и метать, когда узнает, в какую авантюру впутался ванир.

Коратцо поднес Сигурду бокал и развалился в шикарном, обитом бархатом кресле. Сигурд присел на диван, облокотившись на одну из подушек, попробовал вино. Напиток оказался приятным, но не более того.

Черс сидел немного в стороне. Становилось понятно, что паренек собирается слушать, а не говорить.

— Итак, Сигурд, — обратился к ваниру Коратцо. — Мы готовы вас выслушать.

— Я надеюсь кое-что получить взамен, — сказал Сигурд.

— Я так понимаю, что речь идет не о деньгах?

— Верно. Я расскажу вам всё, что знаю. После этого вы мне объясните, что это за люди такие.

— Хорошо, — согласился Коратцо. — Но с условием, что это останется между нами. Я возьму с вас клятву.

— Как вам будет угодно, — вот и не придется

отвечать перед Конаном. Зато теперь и за помощью к нему не обратишься. — Три дня назад пятеро матросов с моего корабля отправились в одно увеселительное заведение...

Коратцо внимательно слушал Сигурда, не перебивал. Время от времени кивал головой и улыбался каким-то своим мыслям. Вообще историю зингарец воспринял, как нечто само собой разумеющееся. Ни разу на его лице не отобразилось удивление.

— ...а Зелтран оказался в цитадели Хозяев, — завершил свой рассказ ванир.

Зингарец встал со своего места, взял бутылку вина и наполнил опустевший бокал Сигурда. Ванир внимательно следил за ним, ожидая реакции на свой рассказ. Коратцо же неспешно прогуливался по комнате. То ли думал, то ли выдерживал паузу.

— Мне жаль, Сигурд, — сказал он наконец, — но вашему другу я помочь не смогу. Тот, кто его заколдовал, намного сильнее меня. Но вы совершенно напрасно печетесь о жизни этого человека. Расколдовывать беднягу он точно не станет. Не в его стиле. Разве что превратит в что-нибудь совершенно непотребное.

— Исполните свою часть договора, — предложил Сигурд. — Тогда нам будет легче общаться, и мне не придется ничего домысливать.

— Поклонитесь.

— Клянусь Имиром, что услышанные мной слова за пределы этой комнаты не выйдут.

— Слушайте, — сказал Коратцо, присев на

край стола. — Эти четверо, они не люди, они духи. Если хотите, можете именовать их полубогами. Черс рассказал вам о них не всю правду. Облик они менять не способны. Всё куда страшнее. Они перемещаются из одного человеческого тела в другое. Мертвое или живое, значения не имеет.

— Что происходит с тем, чьим телом они овладевают? — спросил ванир.

— Всё зависит от воли духа, — задумчиво произнес зингарец. — Два сознания могут сосуществовать в одном теле. Если дух того пожелает, то плененный человек сохранит полную самостоятельность. К счастью, тела они меняют редко. Это плохо сказывается на восприятии ими окружающего мира. Они становятся куда более уязвимыми.

— Вы много знаете об этих духах, — улыбнулся Сигурд.

— Еще бы, ведь я охочусь на них, — и не думал возражать Коратцо. — Теперь вы понимаете, почему я не могу сохранить им жизнь? Их нельзя пленить. Они тут же сбегут. Даже просто убить одного из них невероятно сложно. Надо нанести быстрый и точный удар, так, чтобы жертва не успела понять, что происходит.

Сигурду сразу пришел на ум арбалетный болт, пробивающий висок духа. Нет. Слишком просто.

— Оружие должно нести в себе магию? — спросил он.

— Да, чтобы достичь необходимого эффекта, нужно наложить на оружие определенные закла-

тья. Убить простой стрелой или мечом духа нельзя. Вы только уничтожите оболочку. В принципе, можно использовать ментальную магию. Но тогда заклинание должно быть очень мощным.

— Занимательно, — сказал Сигурд. — Жаль, что для меня совершенно бесполезно. Если позволите, я вернусь к себе на корабль.

— Не торопитесь, — остановил его Коратцо. — Когда я разделаюсь со всеми четырьмя моими подопечными, Сигурд, у меня появится масса свободного времени. Я мог бы потратить его на изыскание способа возвращения вашему другу более привычного для него облика. Думаю, рано или поздно у меня получится. Вот только сейчас я помочь ему не смогу. Охота занимает меня куда больше. Так что вам остается только поверить мне на слово.

— И что вы хотите взамен?

— Вашу посильную помощь в поисках.

— Зачем я вам? Я уже рассказал всё, что знал.

— Положим, не всё, — улыбнулся Коратцо. — Но речь не о том. Втроем охотиться будет сподручнее. Скажем, я оценил ваши способности. Меч вы, похоже, тоже держать умеете.

Сигурд недолго колебался: Этот странный тип и в самом деле мог помочь Зелтрану. В этом он ему верил. Что-то Коратцо, конечно, не договаривал, но с этим можно разобраться и потом.

— Вы не оставляете мне выбора, — улыбнулся Сигурд.

— Отлично. Когда всё закончится, я займусь вашим другом. Золотом тоже не обделю. А те-

перь расскажите нам с Черсом окончание вашей истории. Не могу поверить, что вы не оставили пару карт в рукаве. И раз мы с вами теперь по одну сторону, нет смысла их скрывать.

— Я знаю, в чьем теле тот дух, что затеял представление в борделе, — признался Сигурд. — Сегодня утром мы с капитаном встретили ту девушку в кольчужке, о которой я вам рассказывал. Кто она, мы не знали.

— Где вы её видели? — оживился Коратцо. Черс тоже соскочил с насиженного места.

— На «Хлебной», возле тентов торговцев вином.

— Черс! — обратился к подручному Коратцо. — Закрывай лавочку! Выдай всем, кто там сейчас сидит, по золотому и скажи, чтобы приходили завтра. Не мне тебя учить.

— Все сделаю, — подмигнул зингарцу паренек и рысью покинул комнату.

— Пошли через черный ход, — сказал Коратцо Сигурду. — Неохота лишнее внимание привлекать.

Сигурд согласился. Они миновали две комнаты, вышли в кухню и через мгновение очутились на заднем дворе. Вскоре к их обществу присоединился Черс. Паренек доложил о проделанной работе, и вся троица, не теряя времени, отправилась на базар.

На «Хлебной» охотники потратили впустую почти целый колокол. Ходили от одного торговца к другому и расспрашивали тех о девушке. Особенно усердствовали Сигурд с Черсом. Они

не жалели на взятки серебра, щедро выданного Коратцо. Но купцы лишь мотали головами, либо говорили, что видели такую, но куда она направилась, не знают. С горем пополам установили хотя бы то, в каком направлении двигалась девушка по имени Тара.

Сигурдом к тому времени уже полностью завладел азарт. Он искренне желал как можно быстрее найти девчонку. Пришлось признать, что Коратцо не ошибся в выборе. Ванир оказался для него полезен.

И тут Сигурда осенило. Даже стало обидно, как он сразу не догадался.

— Черс, — окликнул он помощника Коратцо, — пройди по местным попрошайкам. Эти всё замечают.

— А сам? — из чистого любопытства переспросил паренек.

— Ты торговаться лучше умеешь, — объяснил Сигурд. — Я им слишком мало или слишком много предложу, и ничего хорошего не выйдет.

— Ладно, понял, — сказал Черс и отправился выполнять задание.

Сигурд же пошел искать Коратцо. Тот вроде бы пытался с помощью магии напасть на след. Похоже, безрезультатно. Обнаружился зингарец довольно быстро — он выделялся своей неподвижностью. Стоял, как столб, посреди суетящегося народа.

— Что это с вами? — поинтересовался Сигурд, хлопая зингарца по плечу.

Коратцо аж подпрыгнул. Овернулся, посмотрел

рел на Сигурда дикими глазами. Ванир никак не реагировал, ждал.

— Увлёкся, — пристыжено произнес зингарец.

— Не надо так, — посоветовал Сигурд. — Будь хоть трижды маг, а обдерут, как липку. Кошель на месте?

Коротцо хлопнул рукой по поясу. Нащупал мешочек с деньгами, облегченно вздохнул.

— Здесь, — довольным тоном сообщил он Сигурду.

— Повезло, — резюмировал ванир. — Сейчас придет Черс и приведет с собой тех, кто нам поможет.

Слова Сигурда оказались пророческими. Буквально через несколько мгновений из толпы вынырнул Черс. Вместе с ним объявился грязный мальчуган лет тринадцати. Ванир подивился тому, насколько небрежлив помощник Коротцо. Сам бы он такого за тридцать шагов обошел. Вшей потом не вывести.

Но мальчишка, несмотря на непрезентабельный вид, оказался довольно смысленным. Он рассказал, что видел, куда направилась девица после беседы с пиратами.

Вид у неё был тогда очень уж потерянный, вот он и увязался следом. Думал, может представится случай кошель стащить. Но вокруг болталось многовато «лиловых», и на кражу он не решился. Проводил до «Разбойной» и всё.

— Пошли, покажешь, где видел её в последний раз, — сказал мальчугану Сигурд. — Заодно проверим, не врешь ли.

Оборванец честно провел их по следам девушки. Черс на всякий случай отлучался и выспрашивал у торговцев, помнят ли те девицу. Говорили, что вроде бы да, проходила здесь такая.

На саму «Разбойную» мальчишка идти отказался. Там, по его словам, не его территория. Побить могут, если не хуже.

Сигурд пытался убедить оборванца, что они троим сумеют его защитить. Но мальчишка ни в какую не соглашался.

— Сет с ним! — сказал Коротцо. — Сами справимся.

И действительно дела пошли споро. Девицу по имени Тара на «Разбойной» видели не раз. Она заходила сюда подновлять свое вооружение. Купцы втихую над ней посмеивались. Сегодня днем она тоже здесь появлялась. И в самом деле была очень странная, сама на себя не похожа.

Всё купцы говорили, кроме того, где её искать.

Сигурд был очень зол. Он единственный из троих четко понимал, кто торгошники просто не желают кого-то выдавать.

На лицах было написано, что знают, а не говорят. И ведь Коротцо с Черсом им верили. Что бы они без него только делали?

У ванира имелась одна идея, как проникнуть сквозь эту завесу молчания. Обязательно должен сыскаться такой человек, которому девушка эта чем-то пришлась не по нраву. Сигурд решил мыслить логически. Из оружия у Тары было два кинжала и бесполезный меч. Этим не

повоюешь. Значит, где-то у неё был припрятан набор метательных ножей. Для девушки-убийцы оружие идеальное. И к выбору его она должна была отнестись с особой тщательностью.

Сигурд принялся расспрашивать торговцев с «Разбойной», где девица себе вооружение выбирала. Те отвечали с неохотой, подозревали подвох, но звонкая монета хорошо помогала развязывать языки.

Так Сигурд узнал, какого оружейных дел мастера посещала девица. Теперь дело было за малым: найти его конкурента.

Коратцо и Черс с восхищением наблюдали за действиями ванира.

Хозяином нужной Сигурду оружейной лавки оказался сухопарый стигиец. На незнакомцев он поглядывал с неприязнью. Ванир для виду поинтересовался товаром. Хозяин ответил. Без особой задоринки в голосе, чувствовал, что покупать не будут.

— Есть у меня тут одно дельце, — заговорщицким шепотом сказал Сигурд, когда осмотр представленного к продаже оружия был окончен. — Девица меня одна интересует. Разряженная, как дура последняя. Тут время от времени ошивается. Знаешь такую?

— Если и знаю, тебе-то какое дело?

Сигурд достал из кошель серебряную монетку и подкинул её в воздух перед самым носом торговца.

— Она у моего друга, — при этих словах ванир указал стоящего поодаль на Коратцо, — ук-

рала одну безделушку. Он попросил меня найти её и наказать.

— Встречал я её, — сказал торговец.

Ванир перестал играть с монетой и положил её на стол с боевым топорами, давая понять, что больше на неё не претендует. Тут же достал из кармана следующую.

— Знаешь кого-нибудь, кто на её след навести может?

— Я знаю нечто более ценное, — акцент купец сделал на два последних слова.

Намек Сигурд понял. Серебряную монету вернул в кошель, достав вместо неё золотую.

— Она у Бродо-аргосца ошивается. Он тут не подалеку тоже оружейную лавку держит.

Сигурд положил на стол золотой. Вынул следующий.

— Где он живет, знаешь?

— Нет, господин хороший.

«Врет, — подумал Сигурд. — Настолько не любит он этого Бродо, что золотого не пожалел, лишь бы мы его конкурента лично навестили. Ладно, нам не жалко».

Сигурд попрощался с оружейником и подошел к ожидавшим его Коратцо и Черсу.

— Узнал? — спросил зингарец.

— Да. Она живет у одного оружейника. Дождемся вечера и проследим за ним.

Коратцо поморщился.

— Может, лучше сейчас начнем действовать? — спросил он у Сигурда. — Мне бы хотелось иметь время на подготовку.

— Нам с ним не договориться, — ответил Сигурд. — Только спугнем.

— А если его очень вежливо попросить? — сказал Черс и выразительно посмотрел на свой нож.

— Сумеешь по-тихому? — на всякий случай поинтересовался ванир.

— Спрашиваешь! — усмехнулся кудрявый паренек.

Сигурд объяснил Черсу, где находится лавка, с владельцем которой ему предстоит побеседовать. Парень выслушал, кивнул и пошел делать дело. Сигурд и Коратцо держались за ним в некотором отдалении. Ближе к лавке они подходить не стали, чтобы не вызывать лишних подозрений. Наблюдали за всем издали.

Черс сначала просто ходил по оружейной и осматривал товар. Изредка чем-то интересовался у хозяина. Потом на время застыл у прилавка с арбалетами. Долго вертел в руках один из них, разглядывал какие-то детали. Хозяин, заметив, что покупатель созрел, устремился к нему и принялся возносить деферамбы данному образчику стрелкового оружия. Черс только кивал головой и постепенно перемещался в ту часть лавки, которая плохо просматривалась с улицы. Наконец и хозяин, и потенциальный покупатель исчезли из поля зрения Коратцо и Сигурда.

Началось напряженное ожидание. Черс всё не показывался и не показывался. Сигурд уже решил, что пора идти выручать паренька, когда из лавки сначала вышел хозяин, а вслед за ним

юный помощник Коратцо. Держались они близко друг к другу. Ванир не сомневался, что к спине оружейника приставлен нож.

— Прошу любить и жаловать, — сказал довольный Черс, представляя хозяина Сигурду и Коратцо. — Бродо, торговец оружием. По происхождению аргосец. Он любезно согласился проводить нас до своего дома.

— Молодец, — похвалил парня Коратцо. Сигурд просто подмигнул Черсу.

Жил Бродо на самой окраине Сартоса. Это более чем устраивало троицу отважных охотников за духами. Чем тише место, тем лучше. Соседи могли заметить подозрительных личностей, решивших погостить у Бродо. И если в центральной части города по этому поводу немедленно поползли бы пересуды, то люди с окраин предпочитали держать рот на замке.

По дороге Сигурд внимательно следил за оружейником, чтобы тот не оставил своей подружке какой-нибудь условный знак, предупреждающей об опасности. Сейчас дух обладал всеми навыками и способностями Тары, а это означало, что ни одна мелочь не ускользнет от его внимания.

Несколько раз Бродо пытался вызнать, что им всем надо от Тары. Похоже, что он был влюблен в эту девицу. Сигурд соврал, что она убила их товарища, и они желают выяснить имя заказчика, а к самой девушке претензий не имеют. Коратцо незаметно кивнул Сигурду, давая понять, что он правильно поступил, не сказав правды. В неё бы оружейник точно не поверил.

Дом у Бродо был одним из самых больших в районе. Двухэтажное здание с небольшим балкончиком, явно самодельным. По прибытию Бродо немедля связали и допросили. По окончании сей процедуры заткнули рот кляпом и отправили отдыхать в подвал. По словам оружейника, Тара должна была появиться на седьмой-восьмой послеполуночный колокол. Коратцо этим фактом остался доволен. Можно было не спеша заняться подготовкой к схватке. Зингарец потребовал у Сигурда и Черса все их оружие. Около колокола он трудился над заговорами. Моряки тем временем на всякий случай изучали расположение комнат в доме. Мало ли во что выльется схватка. Потом все втроем соорудили над дверью ловушку. Закрепили один из кинжалов на веревке, перебросили её через рычаг и вручили конец в руки Черсу. Тот должен был отпустить его сразу же, как увидит Тару. Кинжал был достаточно тяжелым. Взятую для опытов тыкву пробивал без труда. Затем долго решали, куда собственно усадить Черса, чтобы дух его не увидел первым, но кое-как нашли место. Еще больше времени потратили, выбирая удобную позицию для Сигурда. В итоге остановились на банальном «прямо за дверью». Коратцо, на долю которого выпала магическая поддержка в случае неприятностей, засел в соседней комнатенке.

До предполагаемого времени визита Тары оставалось еще два колокола. Ждали молча, каждый думал о своем. Напряжение, висевшее в доме, было чуть ли не осязаемым.

— Коратцо, давай Черса на балкон отправим, — внезапно предложил Сигурд. — Пусть девицу высматривает. Он у нас незаметный. А то мы себя так этим ожиданием измотаем, что сделать потом ничего не сможем.

— Я готов, — тут же вызвался паренек. — Как увижу, что идет, сразу вниз к веревке. Я успею.

— Согласен, — отозвался Коратцо. — Пусть следит. На всякий случай надо.

Глава 6

О ворах

Воги сами несли Конана к логову воров Сартоса. Киммериец, несмотря ни на что, при мысли о предстоящем деле испытывал лишь радостное возбуждение. Он уже очень давно не лазил по чужим домам с целью изъятия у спящих хозяев пары дорогих безделушек, нажитых непосильным трудом. Теперь он был капитаном пиратского корабля, а это немалая ответственность. Приходилось беспокоиться о сохранности не только своей шкуры, но и обо всей команде. Конечно, он по-прежнему влезал в безумные авантюры, но зачастую не по своей воле. Да и по правде говоря, всё-таки не было в них той шадизарской бесшабашности. А Конану её порой не доставало.

Даже сейчас на дело он шел не ради неведомых сокровищ Хозяев Побережья, а исключительно ради спасения друга. Но тем не менее это

была еще та авантюра, и потому с лица капитана вот уже полколокола как не слезала дурацкая мальчишечья улыбка.

Его нынешняя задумка непременно бы пришлась по нутру шадизарской шайке. Конечно, поворчали ли бы для виду, но за идею ухватились бы всеми руками и ногами. Такой шанс щелкнуть по носу зарвавшимся колдунам, они бы не упустили.

Конан жалел, что его старинных товарищей сейчас здесь нет. Но что поделать? Придется действовать в одиночку.

Но всё-таки время от времени в сознании киммерийца Конан-ответственный вытеснял Конан-романтичного. Побитый жизнью капитан «Вестрела» доказывал этому юноше с горящими глазами, что лезть в поместье Хозяев имеет смысл, только если у них будут надежные планы помещения с описанием ловушек. Попадаться в руки колдунам было никак нельзя. Стигийцы люди практичные. Они не станут дожидаться того момента, когда команда «Вестрела» решит отомстить за капитана и боцмана. Они нанесут удар первыми.

Основной своей проблемой киммериец полагал то, как убедить местных воров поделиться с ним сведениями о поместье. Деньги предлагать смысла не имело. Достаточной для серьезного разговора суммы у него не было. Обижать людей мелочью ему и вовсе не хотелось. Оставалось полагаться лишь на смекалку и умение импровизировать. Наверняка ворам что-то надо от Хозяев.

Сами они, конечно, ничего не скажут, но если их умело к этому подвести, то всё возможно.

После этих измышлений настроение у Конана ухудшилось, улыбка исчезла. Он рассуждал, как капитан корабля. Лет десять назад он даже не подумал бы о том, чтобы упражняться в красноречии. Схватил бы за грудки, приставил нож к горлу и потребовал выложить на стол карты поместья.

Киммериец представил эту картину и ему стало еще хуже. Как он с такими привычками еще в ранней юности на Серые Равнины гулять не отправился?

Конан-ответственный одержал окончательную победу на Конаном-романтичным.

Киммериец начал вспоминать всё, что знал о ворах вообще и сартосских, в частности.

Воровские сообщества по большей части были очень похожи друг на друга. Любое мало-мальски крупное человеческое поселение делилось «хозяевами ночных улиц» на районы. Размеры их могли разниться в зависимости от местных традиций: от нескольких кварталов до доброй половины города.

В каждом таком районе обязательно имелся свой заправила. Без его ведома не происходило ни одного дела. Каждый месяц он собирал оброк со всех «трудящихся» на его территории. Если же кому-то удавалось повернуть нечто крупное, то за данью могли придти и вне очереди. Одним словом, должность почетная. Но и хлопотная. Десятки юных и не очень молодчиков спят и видят

себя на месте заправила. Иногда строят планы по его замещению, иногда их осуществляют. Чтобы охладить пыл таких горячих голов, заправила приходится держать при себе постоянную охрану. Она, кстати, по совместительству и занимается ежемесячными сборами оброка.

Но ни один даже самый умелый мечник не защитит вас от точно пущенного арбалетного болта. Такие вещи надо не пресекать, а упреждать. Для этого у заправил имеются «глаза» и «уши». Это такие незаметные люди, которые всегда всё слышат, а потому всё обо всех знают. Работают они чаще не «за совесть», а «за страх», ведь часто бывает так, что для спасения заправила требуется пожертвовать парочкой друзей.

Но не только оброком и собственной безопасностью обеспокоены «властители районов». Им для нормального существования потребна еще и власть. И чем больше, тем лучше. Плох тот районный заправила, который не желает стать городским.

Да, бывает и такое. Иногда находится такой умелец, что подминает под себя все районы. С такими людьми дело иметь опасно. Они очень хитры: без этого подобного положения не достигнуть.

Они очень жестоки: без этого не закрепиться на завоеванных высотах. Они очень осторожны: без этого легко упасть. Нередко районные заправила устраивают заговор против городского. И тогда не спасут ни «глаза», ни «уши», ни охрана. Наверное, лишь короли да королевы способны

понять тонкую душу городского заправила. Интересы и среда обитания у них схожие.

По своему внутреннему и внешнему содержанию воровские районы разнятся очень сильно. Так кто-то зарабатывает себе на жизнь в бедняцких кварталах, кто-то держит под контролем аристократию.

Последняя когорта «ночных воротил» Конану не нравилась совершенно. Подлецы, торгующие чужими тайнами и затуманивающими разум зельями. Они зарабатывали побольше других, были вхожи на королевские приемы, с их мнением считались сыскные управы. Но людьми они были мерзкими, а для киммерийца это очень многое значило.

Ему был больше по душе средний класс. Небольшие шайки, промышлявшие тем, что проникали в чужие дома и немного уменьшали благосостояние их хозяев. Жертвами их обычно становились купцы и мелкие дворяне. Таких грабить не жалко.

Иногда районы формировались выходцами из какого-нибудь одного государства. Особо показателен в этом смысле Хоршемиш. Там деление происходит исключительно по признаку принадлежности к той или иной национальности. Есть кварталы, которые контролируют иранистанцы. Там процветает торговля лотосом и другими зельями.

В стигийских районах можно запросто найти запрещенные магические трактаты. Аквилонцы контролируют полуночную окраину города, и,

как легко догадаться, все контрабандные поставки проходят через них. Объединившиеся коринфийцы и заморийцы обосновались в купеческих кварталах. Занимаются там воровством. Торговцы, кстати, не сильно возражают против их общества. Если в дом залезут, то вынесут не всё, а только самое ценное, да и на убийство практически никогда не идут. Немедийцы подмяли под себя «веселые улочки». Даже наладили систему завоза в Хоршемиш девиц из соседней с их страной Бритунии. Разумеется, между всеми этими шайками то и дело возникают конфликты, но ни во что большее ни один из них не перерос по причине того, что городского заправила здесь нет, быть не может, и никто на его роль не претендует.

Оставалось определить, к какому типу городов относится Сартос. Сразу напрашивался вариант с национальным делением на районы. Все города Побережья отвечали главному условию для такого распределения. В них жили выходцы со всех уголков Хайбории.

Только эту версию Конан всё-таки отверг. В отличие от того же Хоршемиша уроженцев иных земель в Сартосе не воспринимали, как чужаков. Прожив здесь какое-то время, они и вовсе становились «своими».

Сартосский зингарец непременно вступится за соседа аргосца, если того начнут задевать приезжие моряки. Непонятным образом на Побережье сформировался некий многонациональный тип местного жителя.

Получалось, что Сартос, скорее всего, поделили по местам денежного интереса. Конан прикинул, что в городе есть ценного? Во-первых, порт. Где море, там и деньги. Правило это работало всегда и везде. Исключений не имелось.

Во-вторых, базар. Наверняка «лиловые» пытались сами устанавливать там порядки. Но людей у них всё-таки недостаточно. Значит, дань с торгашей лихие ребята тоже собирают. Больше ничего интересного Конан припомнить не мог. Возможно, купеческий квартал, но навряд ли. Торгаши, скорее всего, входят в сферу интересов ребят с базара.

Счастливи́чик без сомнения относился именно к последним. А это означало, что с ними-то Конан и идет на контакт. Конечно, можно было попросить навести его на «портовых», но киммерийцу казалось, что там рыбка не клюнет. Интересы Хозяев и воров из порта не пересекались. Последние работают там с местным населением, а маги с пиратами. На базаре же противоречия между воровским сообществом и властями должны были возникнуть всенепременно.

«На это и надо давить», — решил для себя киммериец.

Дорогу к «святая святых», как называл Счастливи́чик мастерскую по изготовлению подделок, Конан помнил хорошо. За долгие годы странствий и путешествий у него выработалась полезная привычка схватывать всё с первого раза. Даже хитросплетения переулков в нищенских кварталах не могли сбить его с верного пути. В принци-

пе, вполне можно было ориентироваться на степень неустроенности окружающих строений.

Там, где на них уже смотреть станет страшно, и найдется заветная мастерская, по совместительству место отправления культа Золотого Павлина Саббатей.

Как и в прошлый раз в округе вертелось множество бродячих собак и безумных митрианцев. И если псы вели себя вполне нормально, то с блаженными происходило что-то не то. Они ходили группами по три человека, не больше не меньше, осматривали здания, совещались о чем-то. Конана до глубины души проняла системность их действий. Митриане четко распределили между собой участки, определили общее направление движения. Становилось понятно, что ни один дом не останется неоцененным по некоей неведомой шкале. Пугало выражение их лиц. Все они были до невозможности серьезны, ни тени улыбки. Но печать безумия с них никуда не делась.

Конану доводилось встречать людей с подобным поведением. Замкнутые на какой-то одной идее, жестокие, вспыльчивые. Знакомый лекарь рассказывал киммерийцу, что всё это следствие сложной неизлечимой болезни.

Только с митрианами дело обстояло иначе. Конан просто чувствовал это. Причиной их основного недуга была магия Хозяев Побережья. Вероятно, и то, что происходит с ними сейчас, как-то связано с колдовством. Киммериец пожалел, что сейчас рядом нет ни Сигурда, ни Счаст-

ливчика. Те в истории несчастных митриан хорошо разбирались: Может быть, у них просто время от времени наступает период такой нездоровой серьезности?

Митриане обратили внимание на замершего посреди улицы киммерийца. Сначала к нему устремились взгляды одной троицы, потом еще одной и еще, еще.

Три с лишним десятка безумцев неотрывно следили за каждым действием киммерийца. Конану стало не по себе. Будь они простыми горожанами, киммериец бы, наверное, одержал верх в схватке, если таковой суждено было случиться. Но эти были ненормальными. Их мечом не испугаешь. Они давным-давно позабыли, что такое страх смерти.

Вот только Конан почему-то был уверен, что они не нападут. Ему казалось, что митриане сейчас окружают его и начнут пристально оглядывать, словно он один из домов. А когда они закончат, то случится нечто ужасное.

Конан сделал осторожный шаг вперед, желая посмотреть на реакцию митриан. Она превзошла все его ожидания. Безумцы вмиг забыли о его существовании и вернулись к своим драгоценным домам.

Киммериец поспешил поскорее убраться подальше. Больше он уже не останавливался, встречая по дороге сумасшедших жрецов Митры.

Когда до мастерской оставалось пройти чуть больше квартала, если можно применить это слово к свалке домов среди узких петляющих пере-

улков, Конан почувствовал, что что-то здесь не так. Чего-то не хватало. Киммериец напрягал память, но никак не мог найти какие-либо отличия. Всё было так же, как и в прошлый раз. Дома-близнецы, тишина, полное отсутствие собак и безумных жрецов...

Шаг за шагом киммериец приближался к цели своего путешествия. Он вдруг понял, что если не поймет, в чем его ошибка, то на удачный разговор шансов не останется. Конан глубоко вздохнул, попытался сосредоточиться... и догадался. Воздух был свежим. В их предыдущий визит в мастерскую, здесь стоял запах жареного мяса. Человеческого. Саббатеицы, жившие над мастерской, обеспечивали «базарным» ворами надежное прикрытие.

Открытие киммерийца не порадовало. К культу Золотого Павлина он относился крайне отрицательно, но ведь важно не его мнение, а то, что местные вьоры без саббатеицев жизни не представляли. Если что-то случилось с культом, то неприятности наверняка коснулись и воровского сообщества, что очень некстати.

Киммерийцу уже случалось сталкиваться на своем пути с поклонниками Золотого Павлина и некоторые из их обычаев он успел изучить. В храме неизменно должно готовиться мясо. Саббатеицы считали, что так они поддерживают связь между всеми жертвами. Когда прихожане поедали человечину, то они получали доступ к духовным силам не только самой жертвы, но и всех несчастных, погибших в этом храме. Но стоило

исчезнуть из огня последнему кусочку мяса, как цепь рвалась, и все души обретали свободу.

Саббатеицы с великим почтением относились к отправлению культа в храмах. Ведь в домашних условиях можно было получить силу лишь одной жертвы. В храмах же зловещие цепочки порой насчитывали десятки и сотни отнятых человеческих жизней.

Значит, если огонь погас, случилось нечто очень серьезное. Возможно, нападение конкурентов. Может, «лиловым» надоело терпеть на своих землях воров. Не исключал киммериец и того, что напали не на «хозяев ночных переулков», а на любителей человечины.

На всякий случай киммериец проверил, легко ли выходит из ножен меч.

«Третий дом после сарая с дырой в стене», — напомнил сам себе киммериец. В этом закутке дома идеально походили друг на друга. Точно так же, как походили друг на друга двое хромоногих дурно пахнущих нищих, по уши вымазанных в грязи. Разница может и есть, но глаз за неё не цепляется.

Конан не торопясь приблизился к двери воровского дома. Счастливчик в прошлый раз не просто стучался. Он выбивал нужный ритм. Память у Конана была хорошей, но вот музыкальный слух отсутствовал напрочь.

Киммериец решил не экспериментировать. Если не знаешь пароля, то и нечего строить из себя умника. Можно и по-простецки кулаком по двери стукнуть. Это Конан и сделал.

Внутри раздались какие-то звуки, вроде бы человек к двери подходил, только как-то странно. Послышался скрежет отпираемого замка. Дверь распахнулась. На пороге стоял одноногий старик. В руках он держал арбалет. В принципе, Конан стоял достаточно близко, чтобы одним быстрым движением разоружить деда.

— Не делай этого, сынок, — посоветовал старик. — Лучше обернись.

Это мог быть и трюк. Но Конан деду поверил. Он и сам чувствовал, что стоит не только под стариковским прицелом.

Конан оглянулся. За его спиной, шагах в пяти, стояло трое молодчиков. Все с арбалетами. Киммериец это одобрил. Надежно действуют. Будь у них мечи или, скажем, копья, он бы просто ради принципа вступил в драку. Чтобы не наставляли оружие на незнакомцев. Но с арбалетом не поспоришь.

— Зачем пришел? — спросил один из молодчиков.

Это уже хорошо. Если разговаривают, значит сразу стрелять не будут.

— Мне с вашим главным поговорить надо, — произнес Конан и почувствовал, как медленно проваливается в сон. — У меня к нему...

Ноги в миг стали ватными. Киммериец стал оседать. Взгляд его скользнул по старику. Дед как-то нехорошо улыбался. В одной руке у него по-прежнему был арбалет, а в другой появилась длинная тонкая игла.

— Свяжите его, — это были последние слова,

которые услышал Конан перед тем, как пасть в небытие.

Привели Конана в сознание вполне традиционным методом. Вылили на голову ушат холодной воды и отвесили пару пощечин.

Киммериец осторожно приоткрыл глаза, опасаясь яркого света. Напрасно. Он находился в той самой мастерской, куда их с Сигурдом приводил Счастливчик. Точнее это комната была той же, обстановка претерпела разительные изменения.

Куда-то исчезли десятки деловито суесящихся мошенников. Большая часть их работ по-прежнему стояла, лежала или висела в покинутой мастерской. Но вместе с творцами исчезло и их волшебство. Теперь все эти подделки произведений искусства выглядели жалкими, если не сказать убогими. При взгляде на самопальные артефакты сразу становилось понятно, что они годны лишь на то, чтобы ими псов или митриан отгонять. Вещи ничто без людей.

Еще в комнатке заметно поубавилось света. Теперь здесь царил таинственный полумрак. Видимо, такая обстановка более всего устраивала человека, сидевшего напротив Конана. Это был стигиец. Как и положено, смуглый, худощавый и коротко стриженный. На вид ему было чуть больше сорока, но виски уже начали покрываться сединой. За спиной стигийца стояли одноногий старик и один из пленивших Конана молодчиков. Охрана или советники. Скорее второе. Охранять было не от кого. Киммерийца связали

вполне надежно. Конан уже успел опробовать веревки. Ножи же стула, на котором он сидел, были накрепко приделаны к полу. Тоже никак не оторвать.

— Был здесь раньше? — сухо спросил стигиец. От него не ускользнуло то, с каким любопытством Конан осматривал мастерскую.

— Однажды, — ответил киммериец. — Меня сюда приводил один из ваших.

— Кто? — без тени заинтересованности произнес стигиец.

Киммериец про себя усмехнулся.

Этот тип наверняка знал, и кто он такой, и сколько раз он здесь бывал, и при каких обстоятельствах. Внешность киммериец имел весьма приметную...

Конан просто не мог поверить, что человек такого полета, как этот сухопарый, не выяснил бы до разговора с пленным всё, что только возможно.

— Зингарец по прозвищу «Счастливчик».

— Зачем ты сегодня пришел к нам? Ты был один.

— Мне нужна помощь.

— У нас тут не храм Митры Всеблагого. Ты это прекрасно знаешь.

— Я полагал, что мы сумеем договориться.

Стигиец надолго замолчал. Старик и молодчик стояли, слово статуи.

— Капитан, — сказал стигиец после раздумий, — будь на вашем месте кто-то другой, я бы его уже убил. Вы приходили сюда с одним из на-

ших. Потом вместе покинули Сартос. Счастливчик из этого путешествия не вернулся... Ладно, мало ли что там у вас произошло. Но вы не успокоились на достигнутом и решили нанести очередной визит в наше скромное убежище. Как я должен расценивать подобное поведение?

— Я мог вернуться рассказать вам о вашем человеке, — Конан с трудом подавил в себе гнев. Этот проклятый стигиец обвинял его в смерти Счастливчика!

— И я, конечно, обязан выслушать вашу душещипательную историю? Увольте! Не в такое время.

— Что же здесь произошло?

— Я задаю вопросы. Вы отвечаете, — голос стигийца стал еще суше, если подобное только было возможно. — Понятно?

— Да, — сказал киммериец.

Конан не к месту подумал, что разговор ведет сейчас капитан корабля. Юноша с горящими глазами исчез без следа.

— Что ты хотел у нас попросить?

— Планы поместья Хозяев с указанием всех ловушек.

Киммериец получил истинное удовольствие, произнося эти слова. Наглость то была редкостная.

— Пытаешься оправдать славу убийцы магов, Конан?

Стигиец удивленным не казался.

— Нет. Хочу спасти друга.

— У тебя очень хорошая репутация, капитан.

Для пирата ты удивительно честен. Может по этой причине тебе и сопутствует удача. Но вокруг тебя всё время гибнут люди. Это мне не нравится. Я не хочу, чтобы ты навлек на нас несчастье.

— У вас и без меня дела идут не очень, — заметил Конан, демонстративно обведя мастерскую глазами.

— Еще одна причина, по которой ты жив, — согласился стигиец.

— Не понял, — честно признался Конан.

— И не мог.

— Хотите, чтобы я помог вам разобраться с вашими несчастьями?

— Не гадай. Я расскажу, и ты всё поймешь, — сказал стигиец и обратился к деду и молодчику. — Развяжите его, принесите бутылку вина, два бокала и оставьте нас.

Подручные принялись молча исполнять приказ. Дед ушел добывать напиток. Молодчик тем времен освобождал Конана от пут. Киммериец терпеливо ждал.

Наконец приготовления к беседе были окончены. Конан был свободен, вино разлито по бокалам, а дед и молодчик исчезли из мастерской.

— Капитан, — сказал стигиец. Даже сейчас он не утратил сухости тона, — надеюсь, вы понимаете, для чего мне понадобилось это маленькое представление? Я желал сразу расставить акценты в нашем разговоре. Здесь не будет равных сторон. Вы мой пленник, и я диктую условия.

Конан не стал спорить. По шадизарскому

опыту он знал, что для заправил подобное поведение типично. Они не могут постоянно не демонстрировать своё превосходство. И это, пожалуй, правильно. Так больше шансов усидеть наверху. Конан был уверен, что на условия предстоящего договора этот высокопарный треп не повлияет.

— Я не буду вилять, — продолжил стигиец, — и прямо скажу, что у меня есть то, что вам нужно. Вы получите планы, если выполните два моих условия... Хотя нет! Три. И одно немедленно. Я желаю знать, что произошло с Счастливымчиком.

— Он погиб, — с неподдельной грустью произнес Конан. — Мы отправились за сокровищами, следуя по одной из его карт. Мой товарищ придумал, как можно провести Счастливого в пещеры. Он сам желал этого. К сожалению, вернуться назад ему было не суждено. Он принял смерть, чтобы спасти нас.

— Что-то подобное я и ожидал услышать, — произнес стигиец. — Он страстно мечтал попасть в те пещеры или лабиринт, не помню точно, как он называл это место. Вы помогли разрешить ему эту задачу. Ничего удивительно для человека с вашими наклонностями. Если скажете, что и мага какого-нибудь по пути убили, поверю.

Конан промолчал.

— Простите, если задел ваши чувства, капитан. Вы считали его другом? Тогда сочувствую вашему горю. Так или иначе одно из условий выполнено. Переходим к следующему. Вы должны найти для меня саббатеицев.

Киммериец предполагал нечто подобное. Не в плане поисков Золотого Павлина. Нет. Просто некое задание в интересах организации. Что ж, павлин так павлин. Могло быть и хуже.

— Может, тогда расскажете, что с ними случилось? — поинтересовался он у стигийца.

— Я же уже обещал это сделать, — с раздражением сказал заправила. — Слушай. История, собственно говоря, коротенькая. Четыре дня назад храм наверху исчез. Его просто не стало. Один из наших мастеров собрался на улицу и увидел совершенно пустую комнату. Ничего, что напоминало бы о саббатеицах. Сразу же пошли разговоры о магии и прочих чудесах. С трудом удалось это пресечь. Просто почитатели Павлина умеют улавливать настроение. Ты еще застал тот обряд, которому они подвергали всех наших гостей. Вот они и выждали момент, когда ни у кого из наших не было желания наверх лезть, собрали по быстрому всё своё добро и ушли в неизвестном направлении. Мне надо выяснить, почему они так поступили. Я подозреваю, что саббатеицы чего-то опасались. Потому-то мы и перевели мастерскую в другое место. Но кто знает, безопасно ли оно?

— Вы сами пробовали их искать?

— Конечно! Что нам, твоего прихода ожидать прикажешь?! Ничего наши поиски не дали. У «морских» мы тоже ненавязчиво поинтересовались, не знают ли они чего? Не знают.

Конан мысленно похвалил себя. Он правильно рассчитал, что в Сартосе всего две воровские об-

щины. Даже почти с названием одной из них угадал. Интересно, как себя называют «базарные»?

— Почему вы думаете, что у меня получится отыскать ваших беглецов? — спросил Конан.

— Мне рассказывали, — начало прозвучало непривычно напыщенно, — что их главный почему-то сильно вам симпатизировал, капитан. Возможно, они не станут сторониться вашего общества. Я сразу хочу пояснить, что я не требую от вас результата. Мне важно, чтобы вы просто занялись поисками саббатеяцев. Если вас постигнет неудача, значит такова воля Сета. Условие я сочту выполненным. И еще! К поискам можете приступить и после спасения вашего друга.

— Я согласен, — Конан и не подумал торговаться. Стигиец ведь не требовал ничего невозможного.

— Тогда последнее и самое главное, — сказал стигиец. — Попав в поместье, ты первым делом должен будешь проникнуть в хранилище артефактов и похитить оттуда небольшую деревянную чашу. Я дам тебе её подробное описание.

— Расскажешь, что она делает? — на всякий случай спросил Конан, хоть ответ и был очевиден.

— Нет. Но она очень важна для меня.

— Откуда ты знаешь об этом артефакте? — еще один безнадежный вопрос.

— Я «лиловый».

Вот теперь Конан удивился. По-настоящему. Всего ожидал, но не такого.

— Ты бы всё равно догадался, — привычным

спокойным голосом произнес стигиец. — Ни к чему тратить твои способности на разрешение загадок моей личности. «Лиловым» я стал еще до того, как меня провозгласили здесь главарем. Я в равной степени ценю оба своих обличья. Мне нравится быть «лиловым», — однако и от воровской деятельности я получаю не меньшее удовольствие.

— Я ведь до сих пор не знаю твоего имени, — напомнил Конан.

— К чему оно тебе? — спросил стигиец.

Конан лишь пожал плечами.

— Ты согласен на последнее условие? Или будут еще вопросы?

— Требование. Одно.

— Я слушаю.

— Ты должен предоставить мне весомые доказательства того, что после похищения твоей чаши у меня еще останется время на спасение Зелтрана.

— Это само собой разумеющееся, — согласился с Конаном «лиловый» вор. — Я сам хорошенько изучу планы и к завтрашнему полдню составлю приблизительный план действий. Ты получишь копии карт. Сможешь посидеть над ними. Может и сам придумаешь что-нибудь толковое.

— Ловушки, — напомнил киммериец.

— С этим немного сложнее, — признался стигиец. Впервые за время разговора в его голосе мелькнуло смущение. — Планы поместья не являются такой уж большой тайной. У многих «лиловых» есть к ним допуск. Но установкой лову-

шек занимаются исключительно Хозяева. У меня есть записи, где перечисляются все известные автору западни и способы пройти сквозь них. Вот только, мне кажется, что к старым капканам добавились и новые. Тем более, что Хозяева сами не свои в последнее время. Ищут по всему городу неизвестно чего и нас заставляют искать.

После этих слов стигиец протянул руку, взял с соседнего стола стопку бумаг и протянул её Конану.

— Здесь всё, — сказал он.

Киммериец развернул перед собой общий план поместья. Описание ловушек и более мелкие чертежи можно будет изучить на «Вестреле».

— Где держат Зелтрана?

— В комнате Биреса, капитан, — ответил «лиловый». — Кстати, думаю вам будет полезно послушать о трех Хозяевах первого круга приближения.

— Этот Бирес, он один из них?

— Да.

— Расскажи мне о нем, — сказал Конан. — Впрочем, и об остальных давай тоже. Самые опасные люди в поместье?

— Так точно, — ответил «лиловый». — Самого могущественного из этой троицы зовут Карун-Ра. Его также называют Слепцом. С ним надо быть осторожнее всего. Карун-Ра не просто умен, он настоящий гений. Слепец пользуется неизменным уважением и среди трех кругов приближения, и среди «лиловых». Это очень жестокий человек, который всегда блюдет свои интересы. И

еще. Он невероятно сильный маг. Многие из младших кругов верят, что для него нет ничего невозможного. И отнюдь не факт, что они ошибаются.

— Не нравится мне, когда про магов говорят подобное, — сказал Конан. — За безграничные возможности приходится платить дорогую цену.

— Это мнение тоже распространено среди части Хозяев. Но мне оно представляется неверным. Слепец не стремится обрести могущество в одночасье. Он продвигается к нему постепенно, шаг за шагом. Ему отлично известны пределы собственных сил. Я не слышал о том, чтобы он провалил какой-нибудь опыт или заклятье.

— Будущий Тот-Амон?

— Вполне возможно. Я могу без труда представить Слепца главой Черного Круга.

— Что же он делает в таком захолустье?

— Встретишь — спроси. Это многих интересует. Но боюсь нам не по силам будет даже просто понять его ответ. Он — гений.

— Ладно, — махнул рукой Конан. — С этим более менее разобрались. Рассказывай о следующем.

— Второй по силе это и есть Бирес. Идеальный образчик стигийского мага. Разумеется, не такого, которым детей в Аквилонии пугают. Понимая, о чем я? Бирес в одинаковой степени и политик, и маг. Он достаточно умен и талантлив, но не настолько, чтобы претендовать на одну из главенствующих ролей в Черном Круге. Имеется у Биреса одна страсть, которую принято вели-

чать тайной. Он любит маленьких девочек. Любит-любит, а потом превращает в птичек и рассказывает по клеткам. Что он дальше с ними делает, неизвестно. Может убивает, а может и отпускает. Нрав у Биреса горячий. Легко раздражается, переходит на крик, иногда даже заклятьями начинает кидаться.

— И правда, типичный маг, — улыбнулся Конан. — С Зелтраном он, надеюсь, ничего плохого не сотворит.

— Не должен. Бирес человек осторожный. Твой друг для них, видимо, ценная находка. Я уже говорил, что Хозяева третий день необычности в городе ищут. Заколдованный пес какая-никакая, а диковинка.

— А я ведь тебе ничего про собаку не говорил! — вдруг вспомнил Конан. «Лиловый» уже несколько раз поминал пса и друга.

— Ты меня дураком считаешь? — обиделся стигиец. — Думаешь, я два и два сложить не смогу?

— Извини, — буркнул Конан. Капитана «Вестрела» раздражала чрезмерная осведомленность «лилового».

— И еще о Биресе, — продолжил свой рассказ стигиец. — Именно с его покаями возникнут самые большие проблемы. Он большой традиционалист. У него на каждом замочке по двадцать охранных заклинаний стоит. Это Карун-Ра о подобном не беспокоится: в его записях всё равно никто не разберется, а с его амулетами никто не совладает.

— Может, задействовать какой-нибудь арте-

факт из сокровищницы, раз уж её навещать придется?

— Скорее всего так и придется поступить. Я придумаю хороший план, не беспокойся.

— Больше о Биресе добавить нечего?

— Что-нибудь да есть, но я этого не знаю. Слушай о последнем. Зовут этого громилу Арзарес. Комплекцией он тебе не уступит. Всего несколько лет назад он был простым стражником. Кто-то из Черного Круга разглядел в нем талант и отправил парня учиться магическому искусству. Но прошлое на него до сих пор видать давит. Он по характеру скорее солдат, чем колдун. Арзарес человек простой, прямолинейный. Его за это многие недолюбливают. Тяжело по-хорошему относится к тому, кто тебя полным идиотом при всех выставляет. Причем не со зла, а по зову душевному. Еще многим не нравится то, как он стремительно вверх взлетел. Таланту в нем много, а вот знаний ему пока не хватает. Также известно о нем, что друзей у него нет. Даже приятелей. Ярко выраженный одиночка.

«Лиловый» окончил свой рассказ и замолчал. Сидел, пил вино и терпеливо ждал, что Конан надумает.

— А во втором и третьем круге, — спросил киммериец, — есть те, на кого стоит обратить внимание?

— Нет, — покачал головой стигиец. — Если тебя вдруг поймают, в любом случае сразу отправят к Слепцу, Биресу или, в крайнем случае, Арзаресу. У Хозяев права каждого из кругов четко

обозначены. Третий и второй круги тебя никак не коснутся.

— Хоть одна приятная новость.

— Ты, правда, так считаешь?

Конан не стал отвечать на дурацкий вопрос.

— Завтра ты меня разыщешь или снова встретимся в этом месте?

— Здесь встретимся, — ответил стигиец. — Тут хорошо, спокойно.

— Тогда до завтра.

Киммериец одним глотком допил своё вино, встал, взял бумаги и направился к выходу. Уже у самой лестницы он обернулся, чтобы еще раз взглянуть на мастерскую. Всё-таки здесь очень не хватало людей.

Глава 7

О воительницах со светлыми волосами

Разумеется, Бирес полагал, что Карун-Ра и на этот раз выкинет какой-нибудь фокус. Говорящий туман, призрак покойного дядюшки или иное какое непотребство, говорящее человеческим голосом и требующее от Биреса явиться туда то и туда то. Уже не ради конспирации, а просто для пущего эффекта. Любил Слепец подобные бессмысленные красоты.

В ожидании визита Карун-Ра маг прикидывал, а не уехать ли ему куда подальше. Сделать волшебником-одиночкой. Разумеется, придется полностью изменить внешность, и не посредством иллюзий. Про имя и направление магической практики даже говорить не приходится.

«Всё равно найдут, — горько подумал Бирес. — Черный Круг заботится о сохранности своих тайн. От Тот-Амона не скраться ни в Ванахей-

ме, ни в Кхитае. И про Ксарту забывать не следует. Как только он со своими братьями расправится, так сразу им, Биресом, и займется».

Выходило так, что сбегать из Сартоса смысла никакого не было. Конец везде один.

Но здесь еще можно было подергаться. Если Карун-Ра вытащил его из-под заклинания Ксарты, значит есть что-то, с чем Слепец в одиночку не справится.

Бирес свои возможности оценивал вполне реально и понимал, что лучшего помощника альбинос в Сартосе не сыщет.

Оставался, конечно, талантливый, но необученный Арзарес. Однако для подобных дел бывший страж слишком простоват.

Посодействовать Карун-Ра следовало в обязательном порядке. Только на Слепца и была надежда. Без него всех этих духов не одолеть.

В дверь постучали

— Ты один? — спросил Карун-Ра.

— Не совсем, — честно ответил Бирес.

— Собаки не в счет, — уточнил Слепец.

— Тогда один. Заходи, — сказал Бирес и снял с двери защитное заклинание.

Карун-Ра вошел, огляделся по сторонам. Царившую в комнате обстановку не одобрил. Стены в красных пятнах, на коврах битое стекло, в воздухе стойкий запах дешевого вина.

— Прибрался бы, — посетовал альбинос.

— Я образу соответствовать пытался, — объяснился Бирес.

— Ну-ну, — улыбнулся Карун-Ра. — Пошли ко

мне. Только там подобного безобразия изволь не устраивать.

Бирес слез с кровати и стал осторожно продвигаться к выходу. Ковры в комнате были достаточно пушистыми, чтобы надежно скрыть осколки от винных бутылок.

— А ты чего так заурядно появился? — спросил Бирес и тут же ойкнул. Стекло пробило подошву правой сандалии и поцарапало ступню.

— Силы берегу, — признался Карун-Ра. — И на собачку еще взглянуть хотел. Только я к ней пробираться через весь этот ужас не стану. Лучше дождусь следующего раза.

Бирес, добравшись до безопасного участка комнаты, разул раненую ногу. Аккуратно извлек из сандалии осколок и с помощью магии остановил кровь. Закончив процедуру, маг зло посмотрел на ковер, словно именно изделие туранских мастеров было виновато во всех его несчастьях.

— Спали его, — зло посоветовал Слепец, угдавший мысли Биреса.

— Не буду.

— Как знаешь. Идем.

В покои главы Хозяев добирались пешим ходом. Слепец повторил аргумент об экономии магической энергии. Неизвестно, с какими силами им придется столкнуться. Бирес только кивал в ответ. Но радости на его лице было не видно. Карун-Ра жил и работал в противоположном крыле поместья. Вдобавок ко всему разболелась раненая нога. Бирес ругал самого себя за то, что не воспользовался более серьезным заклятьем. Ос-

танавливаться и долечиваться тоже не хотелось. Слепец засмеет. Оставалось только терпеть.

Магов в поместье стало еще меньше, чем днем. Они предпочитали ошиваться где-нибудь на улице, но неподалеку. Так, чтобы и не у Ксарты под носом, и вне опасной близости от возможных мест появления трех оставшихся духов. Если подобная тенденция продолжится, то скоро поместье совсем опустеет.

Еще Биресу страшно хотелось расспросить Слепца о его планах. Но всегда был шанс наткнуться на кого-нибудь из младших кругов. Понять-то этот встречный маг может ничего и не поймет, но мысли его Ксарты услышит. Так что со столь важным разговором лучше обождать.

— У меня сейчас тоже обстановка несколько необычная, — предупредил Карун-Ра, когда маги достигли дверей его кабинета. На дороге они потратили не много не мало треть колокола.

— Угу, — коротко ответил Бирес. Позлорадствовать можно будет и внутри, когда необычности откроются во всей своей красе.

Альбинос огляделся по сторонам, проверяя, нет ли поблизости кого из младших магов. Убедился, что все в порядке, и быстро заскочил в кабинет. Бирес последовал за ним, проявив при этом не меньшую ловкость.

Открывшееся зрелище внушало уважение. В центре комнаты, там, где раньше стоял стол, висели на железных цепях три обнаженные девушки. Все блондинки, коротко стриженные, небольшого роста, стройные, жилистые. Черты лица их

немного разнились, но ко всем трем определение «красивая» можно было применить без колебаний.

Бирес так и стоял с открытым ртом, пока Карун-Ра тихонечко не кашлянул, привлекая его внимание.

— Это еще не всё, — сказал он и указал на груды оружия у одной из стен. Чего здесь только не было! Топоры, копья, булавы, самострелы, но больше всего одноручных мечей и кинжалов. Рядом, собранные в аккуратную стопочку, лежали кольчуги. На всё это с выражением величайшего неодобрения взирала голова демона, под которой и устроили этот склад.

— Где ты это взял? — удивился Бирес.

— Там же, где и девиц, — ответил Слепец, наслаждавшийся произведенным впечатлением. Это вам не стекло по ковру разбрасывать! — На базаре. Я еще у работорговца скидку потребовал, сказал, что раньше у него девочек малолетних покупал.

Бирес внимательно посмотрел на альбиноса, сясь понять, шутит тот или нет.

— Шучу, — признался альбинос. — Про девочек.

— За один раз управился? — спросил Бирес. Оружия было ну очень много. А еще ведь имелись и три рабыни.

— За два, — ответил Слепец. — Сначала девицы, потом железо. Наложил иллюзию, уменьшил размеры и вес. Ксарты наших магов так застрашал, что они теперь нутром любую волшеббу чуют

и обходят её за три квартала. Я даже удивился, как легко повернуть всё удалось. Если бы меня с девицами обнаружили, я оружие не решился бы сюда пронести. Пришлось бы в городе колдовать. Но там условий подходящих нет.

— Не боишься, что Ксарты волшбу учует?

— Нет. Я после того, как с твоим заклинанием разобрался, своим кабинетом занялся. Конечно, не та белая комнатка, но всё равно защита вышла крепкая. И думается мне, что дух наш сейчас за городом пристальней, чем за помещьем наблюдает. Опасность-то она где-то там, в Сартосе.

— От него чего угодно можно ожидать, — не согласился Бирес. — Он же существо иного порядка и мыслит, не как человек.

— Придется рискнуть.

Бирес подошел к висящим на цепях девицам. Прислушался, дышат ли? Дыхание было, пусть слабое, зато равномерное.

— Почему три? — спросил Бирес. Он уже понял, что задумал Карун-Ра, и пытался прояснить для себя некоторые детали.

— Пес не дал нам достаточно точного описания, — с радостью отозвался альбинос. От разговоров о магии он получал истинное удовольствие. — Известно было лишь, что нам нужна стройная дева-воительница со светлыми волосами. И ни слова о чертах лица! Только аморфное заявление о красоте. Кстати, на твой вкус, соответствуют?

— Вполне, — явил своё мнение Бирес.

— Девушки мне попались подходящие, — продолжил повествование Карун-Ра. — Цвет глаз у всех разный. Нос, рот и форма лица, правда, несколько схожие. Но они характерны для женщин с примесью полуночной крови. Значит, беспокоиться по этому поводу не стоит. К тому же они теперь не помешают нам в наших поисках.

— С оружием тоже решил перестраховаться?

— Кто ж эту девицу знает? — глубокомысленно произнес Карун-Ра. — Сегодня меч с собой таскает, а завтра булаву возьмет. Мы только в кинжалах и можем быть уверены.

Бирес ухмыльнулся, соглашаясь с логикой мага-альбиноса.

— Раз ты всё уже просчитал, — сказал он, — давай начинать.

— Я один справлюсь, — ответил Слепец. — Не обижайся. Здесь не заклинательная зала. При нашем объединении часть сил уйдет в никуда. Лучше побереги их для сегодняшней схватки.

— Ладно.

Бирес понимал, что Карун-Ра прав, но всё равно было немного обидно. Для Слепца предстоящая трата сил значит куда меньше, чем для Биреса. Его бы заклятье подобной сложности, проводи он его в одиночку, истощило бы до предела. Любая магия, связанная с человеческими жертвами, требует от мага огромных энергетических затрат. Это жрецам просто, им боги помогают. А здесь только ты и всё.

Карун-Ра достал из мешочка на поясе заранее заготовленный мелок и начертил на полу круг, в

центре которого находились девушки. Затем взял со стола флакон с ярко синей жидкостью и окропил ею тела жертв. После этого он начал петь заклинание. Бирес узнавал отдельные слова на старостигийском. Чаще всего упоминалась «тьма», «души», «жизнь» и «смерть». Это была всё еще подготовительная часть заклинания. Маг только призывал высшие силы обратить взоры на его деяние. От того, насколько удачным окажется этот призыв, зависит окончательный итог заклинания.

После того, как Слепец закончил свою песнь, он достал из ножен ритуальный кинжал. Самый обыкновенный, такими пользуются все маги Черного Круга. Подойдя к одной из девушек, Карун-Ра выкрикнул несколько слов на староаквилонском. К жертве принято обращаться на языке её предков, так легче всего добиться отклика. Девушка открыла глаза, увидела стигийца с кинжалом в руке и попыталась закричать. Разумеется, у неё ничего не вышло. Слепец предусмотрительно лишил всех троих дара речи. Важно ведь то, что жертва чувствует, а не как она комментирует свои ощущения. Слепец погладил девушку по голове. Бирес неодобрительно поморщился. Показуха чистой воды.

В течение следующей четверти колокола Карун-Ра истязал жертву, как только мог, используя и кинжал, и соответствующие заклятья. Время от времени открывал дверь тем силам, которые ему удалось привлечь, чтобы те насладились болью девушки. Так он приманивал их, демонст-

рировал вкус её души, набивал цену. Когда жертва была уже на волосок от гибели, маг достал амулет. Бирес аккуратно проверил его. Пустой. На последнем этапе волшбы Карун-Ра пользовался уже современным стигийским. Кое в чем маги Черного Круга превзошли кхарийцев, а Слепец никогда не отвергал полезные новации.

Перед тем, как отправиться в лапы, или какие другие конечности призванных Слепцом сил, девушка засветилась ярко синим цветом, а амулет в руках альбиноса стал красным. Биресу это зрелище понравилось. Он счел его красивым.

Затем Карун-Ра повторил все те же действия с двумя оставшимися девушками. Амулет использовал один и тот же.

— Отдохнешь? — поинтересовался у альбиноса Бирес.

— Немного, — сказал Карун-Ра, вытирая платком пот с лица. — Хорошо получилось?

— Я бы так не сумел, — признался Бирес.

— Это не показатель, — отмахнулся Слепец.

Карун-Ра явно ожидал, что его собеседник обидится. Бирес из принципа не стал этого делать. Наколдовал стакан воды и отнес его альбиносу.

— Убери тела, — попросил его Слепец, принимая стакан. И тут же поправился. — В смысле уничтожь. Перенос Ксарты может и учуять.

Бирес взял с пола отброшенный Слепцом платок и стер им меловой круг. Больше он не понадобится, а творить волшбу в присутствии тех сил, что забрали души девушек, стигиец не же-

лал. Вмешаться они, конечно, не могли. Но без них как-то спокойней.

С телами Бирес обошел незамысловато. Создал немного магического пламени и уничтожил в нем останки всех трех девиц. С последним трупом возникли непонятные затруднения. Девушка хоть и сгорала, как положено, зато почему-то при этом искрилась.

— Осторожнее! — крикнул Карун-Ра. — Кабинет спалишь.

— Это ты с ней что-то не то сделал, — оправдался Бирес. — Заклинание самое обыкновенное.

Карун-Ра ничего не ответил. Бирес бросил на пол тряпку и вернулся в кресло, из которого и наблюдал за творимой волшбой.

Некоторое время маги молчали. Слепец отдыхал. Бирес ждал.

— Ты в оружии разбираешься? — неожиданно спросил Карун-Ра.

— Нет, — ответил Бирес.

— Я тоже, — сказал Слепец. — Иди, выбери в этой куче нам чего-нибудь ценное. Надо же чем-то «духа-любовника» убивать.

Бирес нехотя поплелся к оружию. На булавы, молоты и топоры он даже не смотрел. То, чем собираешься воевать, надо хотя бы быть в силах поднять. Покопавшись немного, Бирес извлек на свет шесть приличных на вид кинжалов. Количество объяснялось тем, что Слепец наверняка будет накладывать на них одноразовые заклятья. Один клинок — один удар. Так что, три на человека — это самое оно.

В последний момент маг решил прихватить и два небольших арбалета. Долго искал болты к ним. Когда уже решил, что Слепец их покупкой не озаботился, натолкнулся на небольшой колчан.

Собрав всё отобранное вооружение в охапку, Бирес отнес его к стоявшему возле аквариума небольшому столику. Слепец его использовал для наговоров. Во-первых, удобный. Во-вторых, на нем руны специальные вырезаны.

— Ты шутишь? — удивился Карун-Ра. — Он же развалится. На заклинания подобной силы эта штука не рассчитана.

— Сразу сказать не мог?! — разозлился Бирес.

Слепец только усмехнулся.

Оставшееся оружие он передвинул в центр комнаты самостоятельно. Бирес не без удовольствия наблюдал за этим процессом. Круг Карун-Ра на этот раз обводил другим мелком.

Заклинание, произносимое альбиносом, было похоже на предыдущее. Большинство слов повторялось. Только теперь скармливались не души жертв, а оружие. То молот, то секира, то кинжал исчезали в оранжевом пламени.

Каждый раз, когда подобное происходило, амулет на мгновение вспыхивал желтым цветом. Бирес, глядя на происходящее, начал позевывать. Очень однообразное действо.

Утешало только то, что Слепцу еще хуже приходится. Опасности лично для него никакой не было, но приходилось следить за тем, чтобы силы не сожрали за раз несколько предметов. Тогда

эффекта никакого не будет. Вернее вред будет, вместо пользы.

Бирес с трудом дождался того момента, когда последний клинок сгинул в пламени.

— Вот ведь мерзость! — выругался Слепец.

— Не говори! — согласился Бирес.

— Давай хоть посмотрим, что получилось, — сказал Карун-Ра, поднимая с пола амулет.

Бирес в одно мгновение очутился рядом с ним. Магу не терпелось увидеть, как работает та штука, на создание которой ушло столько времени и сил.

— Шегел, — сказал Карун-Ра, глядя на маленький кругляш амулета.

Бирес вспомнил, что на кхарийском это означает «оживи».

Амулет засветился, и над ним возникли три стрелки. Самые обыкновенные стрелки. Красные. Две указывали примерно в одном направлении, третья смотрела перпендикулярно им.

— Плохо, — выдал своё заключение Карун-Ра. По голосу становилось понятно, что сожаление искреннее.

— Могло быть и больше, — сказал Бирес.

— Я надеялся, что в Сартосе не так много блондинок, обряженных в кольчуги.

Бирес понял, что возразить ему нечего.

— Хорошо, хоть кинжалов ты достаточно набрал, — сказал Слепец и отправился к столику с оружием. — Будет, чем всех их убивать.

Наговоры маг-альбинос накладывал прямо на полу. Обводил круг, клал в него кинжал, читал

заклинание. Бирес только диву давался, какую мощь вкладывал Карун-Ра в клинки. Если бы выброс магии при ударе был не точечным, а предназначенным, скажем, для преобразования в огненную стихию, то силы, заложенной в клинке, хватило бы на то, чтобы спалить весь Сартос до основания. Тут же не к месту вспомнился пророк с его пожарами. Бирес решительно прогнал из головы сию вредоносную мысль.

На колчан с арбалетными болтами Карун-Ра посмотрел, как на кровного врага. Закладывать все тридцать стрелок по отдельности Слепцу было явно лень. В итоге он махнул рукой и положил колчан на столик. Заклинание сработало на все болты, а вот столик, как и предсказывалось, развалился. Не в прямом смысле, конечно. Просто окончательно утратил все свои магические свойства.

— Жаль, — прокомментировал случившееся Бирес.

— Сет с ним! — ответил Карун-Ра и протянул Биресу его три кинжала и арбалет.

С болтами вышло сложнее. Колчан имелся только один, а нужно было непременно два. Долго ломали голову, что делать. Потом Карун-Ра вспомнил, что у него имелся кусок человеческой кожи, специально для экспериментов заготовленный. Совместными усилиями соорудили из него колчан и загрузили в него пятнадцать болтов.

— Теперь наша очередь, — сказал альбинос. — Я придумал один маленький трюк, который не позволит духу воспользоваться нашими телами.

Это что-то вроде барьера в сознании. Иллюзия по большей части. Реального натиска ему не выдержать. Но скорее всего дух просто ткнется, увидит преграду и отправится искать более легкую жертву.

— Лучше, чем ничего, — обрадовался Бирес. Его сильно смущала перспектива попасть под контроль одного из братьев Ксарты. А так хоть какая-то защита будет.

Над созданием барьера Карун-Ра трудился почти полколокола. Он то и дело перескакивал с одного языка на другой, чередовал древние заклинания с новейшими. Бирес тоже не остался пассивным участником действия. Время от времени Карун-Ра просил его продолжить ту или иную нить заклатья.

Когда все закончилось, Бирес почувствовал, что в его голове образовался какой-то комок непонятого происхождения. Особо сильно он не мешал, но было как-то непривычно.

— Идем охотиться! — воскликнул Слепец.

— Идем! — согласился Бирес. Страх перед предстоящим делом не мог затмить радости от окончания приготовлений к нему.

По дороге к выходу из поместья им вновь никого не встретилось. Биресу даже стало обидно, что его замечательное заклинание «невидимости», которое он наложил на оружие, пропало втуне.

— Забыл спросить, — сказал Бирес, когда маги уже вышагивали по улице. — Как там твои рыбки? Жив синий?

— Нет. Вчера вечером его сожрали.

В голое Слепца слышались и радость, и разочарование.

Амулет маги решились достать только тогда, когда отошли от поместья три квартала. Предварительно убедились, что поблизости не болтаются никто из младших кругов.

— Шегел, — сказал Карун-Ра.

Положение стрелок изменилось не сильно. Две направлены в одну сторону. Оставшаяся немного сместилась в противоположную от них. Посоветовавшись, маги решили следовать указанию именно третьей стрелки. Первые две девицы вполне могли оказаться сестрами или матерью с дочкой, а это с рассказом собаки согласовывалось слабо.

Двигаться по стрелке оказалось чрезвычайно неудобно. Магия амулета отказывалась принимать в расчет возведенные человеком сооружения. Куда приятнее было, если бы стрелка указывала улицы и повороты. Прохожие то и дело косились на парочку странных магов. Знали бы эти люди, кто перед ними...

Следуя указаниям амулета, Бирес и Карун-Ра с горем пополам добрались до купеческого района Сартоса. Здесь улицы не петляли столь безобразным образом, как в остальных частях города. Теперь маги могли сосредоточиться на поисках девицы, а не на том, «как бы обойти это нагромождение лачуг».

— Здесь, — уверенно сказал Карун-Ра, указывая на аккуратненький двухэтажный дом.

Стрелка теперь очень чутко реагировала на изменение парой магов своего месторасположения.

Бирес почувствовал, как внутри него что-то холодеет. Вполне возможно, что сейчас им предстоит вступить в схватку с существом, в десятки раз превосходящим их в силе. Придется действовать очень быстро. Если дух почувствует опасность, он попытается улизнуть. Для него это проблем не составит. Что будет после, лучше не думать. В лучшем случае «любовник» просто убьет обоих.

— Достаточно одной царапины, и он труп, — то ли для себя, то ли для Биреса сказал Карун-Ра.

Дверь в дом пришлось отпирать с помощью магии. Бирес чувствовал, сколь аккуратно пытается действовать Карун-Ра. Еще по дороге они договорились обходиться по возможности без колдовства. Это по меркам Ксарты его братья в волшебстве ничего не смыслят. Но с человеческой точки зрения маги они, скорее всего, не самые слабые.

На первом этаже оказалось достаточно темно. Очертания предметов были видны, но не более того. Откуда-то сверху доносились голоса. Мужской и женский. Языка, на котором они говорили, Бирес не знал. Что-то полуночное. Нордхеймский или киммерийский.

Маги немного постояли внизу, ожидая, когда глаза привыкнут к царившему внутри полумраку, затем стали неспешно пробираться наверх. К

счастью, все доски в доме были достаточно крепкими. Ни одна не выдала магов предательским скрипом. Даже лестницу миновали в полной тишине. Ну, если не считать голосов.

На втором этаже имелось две комнаты. Разговаривали явно в той, что находилась по правую руку от магов. Карун-Ра достал амулет и застыл, ожидая реакции Биреса. Она последовала немедленно. Маг отчаянно замотал головой. Колдовать в такой близости от духа слишком опасно. И так очевидно, в какой из комнат враг.

Маги приблизились к двери. Прислушались. Бирес жестами поинтересовался у Слепца, знает ли тот язык. Карун-Ра в ответ развел руками.

Лучшим оружием в данной ситуации представлялся арбалет. Бирес и Карун-Ра вложили в свои самострелы по болту и заняли позиции. Слепец сделал отмашку левой рукой. Бирес принялся считать до десяти. К счастью, об условных знаках маги успели договориться по дороге, предполагая, что придется действовать в полной тишине.

На счет десять двери не стало. Карун-Ра не стал её выбивать, а просто уничтожил, притом беззвучно. В комнате было двое людей. Мужчина и женщина. Оба мага выстрелили в девушку. Болт Биреса пробил насквозь голову жертвы, Карун-Ра попал в живот. Мужчина еще не успел осознать, что произошло, как подскочивший Бирес дважды ударил его кинжалом в грудь.

— Пусто! — зло выкрикнул Карун-Ра. — Ни малейшего всплеска энергии!

Бирес только сейчас получил возможность рассмотреть, кого же они убили. Девушка действительно была блондинкой. Насколько красивой, судить сложно. Вместо лица у неё теперь было кровавое месиво. Из одежды на ней была только кольчуга, и та бутафорская. Неподалеку валялся меч. Вроде бы она его держала в руке, когда маги ворвались в комнату.

Мужчина же был одет, как трелль, нордхеймский раб. В отличие от девушки он был уже не молод. Его светлые волосы уже начали понемногу седеть, на лбу вырисовывались морщины. Телосложением на раба он нисколько не походил. Не мог простой трелль отъесть такое брюшко.

Перед глазами Биреса уже четко обрисовалась картина того, что здесь происходило до их с Карун-Ра прихода.

— Мерзость какая, — сказал он.

— Я его знаю, — Слепец подошел поближе к трупам мужчины. — Именно у него сегодня я все это железо скупил.

— Поделом ему, — сказал Бирес.

Маг никак не мог понять, как человек мог опуститься до того, чтобы изображать из себя раба. Бабу еще в доспехи обрядил.

— Может, ему в жизни чего не доставало? — попытался защитить мертвеца Слепец. — Вот и развлекался, как умел.

— Пошли отсюда поскорее, — попросил Бирес.

Карун-Ра согласился. Больше здесь делать было нечего.

На улице маги вновь достали амулет. Одной

стрелки не стало. Бирес не преминул заметить, что хоть время не зря потеряли, доброе дело сделали. Две оставшиеся стрелки немного разошлись.

Выбрать какую-нибудь одну стрелку ни Карун-Ра, ни Бирес не решились. Просто пошли в общем для обеих направлении. Когда они окончательно разойдутся между собой, тогда можно будет определиться в зависимости от обстоятельств.

На этот раз путь магов пролегал через базар. К счастью, солнце уже приближалось к линии горизонта, а потому большой толкотни не наблюдалось. Бирес, бывший частым ходоком на базар, особых неудобств не испытывал, а вот Карун-Ра, несмотря на относительную немногочисленность, то и дело морщился. Вышли из торжища они на «Хлебной».

Тут стрелки начали расходиться. Одна указывала на бедняцкие кварталы, другая на полуночную оконечность Сартоса, где обычно селились ремесленники.

— Куда пойдем? — поинтересовался Карун-Ра.

— Давай в ремесленные, — предложил Бирес. — Нищий район это как-то слишком очевидно. Там легко спрятаться, но и искать там будут в первую очередь. Не думаю, что дух туда ползет.

— Не забывай, — напомнил товарищу Слепец. — Наша жертва охоча до телесных утех. А у ремесленников однообразие одно. Чего он там забыл? Вот среди бедняков как раз извращенцев хватает.

— Тоже верно, — согласился Бирес. — Тогда на восход, к нищим.

— Нет. На полдень к ремесленникам. Раз решились, так решили.

Бирес согласился. Он был не прочь еще немного оттянуть решающий момент. Сначала можно проверить ремесленный район, убедиться, что там духа нет, и только потом отправляться к бедноте. Маг очень сильно подозревал, что и Слепцом движут те же самые мотивы.

На амулет маги поглядывали довольно часто. Стрелка взяла за привычку то и дело менять своё направление. Это означало, что жертва двигалась. Биресу это не нравилось. Он бы предпочел еще раз залезть в дом. На улице будет сложно приблизиться к девице, а полагаться на арбалет ему не хотелось. Маг не надеялся, что следующий выстрел окажется столь же удачным, как предыдущий.

— Вот она! — толкнул локтем Биреса Слепец.

Действительно, в конце улицы, на которую они только свернули, виднелась фигурка девушки в кольчуге.

Маги ускорили шаг, но на бег решили не переходить. Это могло привлечь ненужное внимание. Народу вокруг было немного, и следить за девушкой большого труда не составляло.

Расстояние между преследователями и жертвой постепенно сокращалось. Шестьдесят шагов, сорок, тридцать. Бирес положил руку на арбалет, готовясь в случае чего быстро вложить в него болт и выстрелить.

Неожиданно для магов девушка свернула на соседнюю улицу. Бирес почти сорвался на бег. Лишь крепкая рука Слепца, схватившая его за плечо, удержала мага от столь безрассудного шага.

На той улице, куда повернула девушка, прохожих было побольше.

— Подойдем поближе, — твердо сказал Карун-Ра. — Она нас не учует.

Маги быстро сократили увеличившееся было расстояние. Когда до девушки оставалось чуть больше десяти шагов, Слепец выдвинулся немного вперед, закрывая Биреса от любопытных взглядов. Маг уже снял с пояса арбалет и зарядил его. Карун-Ра сделал отмашку рукой и на десятый счет сместился вправо.

Девушка шла спокойным шагом, не замечая тех приготовлений, что происходили за её спиной.

Дистанция между ним и жертвой казалась Биресу детской. Не попасть было невозможно. Он поднял арбалет, прицелился...

— Бор! Держите вора!

Мимо Биреса пронесся взлохмаченный мальчишка с зажатым в руке огромным красным яблоком.

Девушка обернулась на крик, увидела мага с арбалетом. В глазах её отразилось понимание.

Бирес отпустил спусковой крючок.

Болт устремился к девушке.

Биресу показалось, что ему в голову влетело копьё. Ноги у мага подкосились, и он осел на землю.

Карун-Ра держал в руке амулет и кричал что-то на древнестигийском.

Девушка, которую ранило болтом в живот, плакала, причитала и призывала на помощь Дэркету.

— Вставай! — рывкнул Карун-Ра и протянул Биресу руку. Маг не стал спорить и поднялся на ноги. Слабость уже прошла.

Взгляд Биреса упал на амулет. Над ним осталась только одна стрелка. Синяя.

— Скорее! — потянул мага за собой Карун-Ра. — Уйдет же!

— Я не понимаю, — сказал Бирес, но всё-таки побежал за Слепцом, в указанном стрелкой направлении.

— Это был наш дух, — пояснил Карун-Ра, по ходу бросая заклинание «увеличения физической силы». Прятаться больше смысла не имело, а вот бежать нужно было быстро. — Я уловил его суть, когда он пытался овладеть твоим телом. Постарался составить устный портрет и совместить его с тем, что уже имелся в амулете. Похоже, получилось.

— А ты не боишься того, что он расправится с нами?

— Он убегает, Бирес. Он испугался. Это наш шанс. Вот когда он придет в себя, тогда станет по-настоящему опасен. Нельзя позволить ему это сделать.

Карун-Ра неотрывно следил за амулетом. Духavorачивал то на одну, то на другую улицу.

Бирес наложил на оружие простенькое закли-

нание «невидимости». Очень уж нехорошо на них люди стали поглядывать.

— Мы приближаемся, — уверенно заявил Карун-Ра.

Стрелка вновь стала очень чувствительной.

Тут Бирес наконец понял, куда они бегут. Через квартал будет вход на «Хлебную». Мага охватили какие-то нехорошие предчувствия. Что именно ему не нравится, объяснить бы он не смог, но соваться на базар не хотелось.

Но времени возражать уже не осталось. Расстояние до «Хлебной» маги преодолели за мгновение. «Увеличенные физические силы» давали о себе знать.

Конечно, завтра всё тело ломить будет, и никакой магией это не исправишь, но сейчас самое главное — прикончить духа.

Впереди мелькнула лохматая голова мальчишки-вора. Вот какое тело избрал дух!

Бирес вставил болт в арбалет и выстрелил.

Снаряд попал мальчишке в шею.

Маги, не сговариваясь, посмотрели на амулет. Синяя стрелка никуда не исчезла. Сейчас она указывала направо.

Бирес и Карун-Ра продолжили погоню. Стрелка плавно смещалась то туда, то сюда. Рывков не происходило. Значит, дух тела пока не сменил.

Внезапно Слепец остановился, зарядил арбалет и направил его в спину удаляющемуся старику. Болт полетел мимо. Бирес успел заклинанием подкорректировать его направление. Старик упал замертво.

Стрелка сначала исчезла, но потом вновь появилась.

— Он уходит к винным рядам, — сориентировался Бирес.

— Знаешь короткую дорогу?

Бирес кивнул.

— Веди!

Маги бежали так быстро, как только могли. Карун-Ра отбрасывал несильными заклинаниями с их пути неудачливых прохожих. Амулет альбинос всё еще держал перед собой.

— Проклятье!

У любимого места отдыха честных жителей Сартоса кипела потасовка. Моряки, получившие достаточно денег от шемитов и хозяев лавки «Сто золотых за человека», наплевали на запрет Хозяев и отправились бить морды реакционерам.

Маги беспомощно смотрели на это безобразие. Дух, если верить стрелке амулета, скрывался где-то среди этой буйствующей толпы.

— Сможешь поточнее настроить заклинание? — спросил Бирес.

— Постараюсь, — альбинос склонился над амулетом и принялся что-то шептать.

Бирес вглядывался в лица дерущихся, надеясь отыскать среди них «любовника». Должно же что-то отличать высшее существо от пьяной морской братии.

Его внимание привлекла черноволосая девушка. Она стояла позади дерущихся и странно озиралась, будто кого-то высматривала. Бирес быст-

ро сообразил, кого именно она искала. Так скоро, как только мог, он устремился к ней, пробираясь сквозь буйствующих матросов. Карун-Ра устремился следом за ним.

Магов и моряки, и горожане уважали очень сильно, а потому Бирес и Карун-Ра довольно спокойно миновали половину дерущейся толпы, отделяясь лишь случайными затрещинами.

И тут на печень Биреса обрушился сильнейший удар. Судорога прошла по всему телу. Кулак следующего моряка был нацелен магу в голову. Кто-то сильно ударил под коленные чашечки.

— Получай, дурак! — сказал один из матросов.

— Будешь знать, на кого руку поднимать! — сказал другой.

— Человечишки! — произнес третий.

— Думали, умнее меня! — добавил четвертый.

Было еще много и ударов, и слов. Перед тем как отключиться, Бирес увидел, как молодой смуглый моряк вынимает из бесчувственной руки Слепца амулет.

Глава 8

О почившем в веках полубоге

ы, Ясуд, в магии согласишься побольше нашего.

— Волшебство — это одно, а обряд — совсем другое.

— Дамар, он прав. Давай, лучше я займусь обрядом. Или ты. Нужен человек опытный, а Ясуд только из первого поколения.

Себер упорно не желал видеть того, что иранистанец и туранец спор затеяли исключительно шутки ради. Не имело абсолютно никакого значения, кто именно будет проводить обряд.

Преписительство это длилось, кстати говоря, уже почти полколокола. Трое совершенно непохожих друг на друга людей шли вдоль берега моря, выискивали подходящее место для предстоящего действия и выбирали его основного участника.

Разговор возник просто из того, что Дамару с

Ясудом было нечем себя занять. Для обряда надлежало найти безлюдное место на морском берегу. Степень безлюдности решено было определять, ориентируясь на расстояние от Сартоса. Себер ко всему прочему еще внимательно высматривал на песке человеческие следы.

— Остановимся? — поинтересовался у товарищей иранистанец.

— По-моему, достаточно далеко, — согласился Дамар.

— Я бы еще немного прошел, — выразил свое мнение немедиец, но, подумав, добавил: — Хотя здесь тоже ничего.

В Сартос вся эта троица прибыла вчерашним вечером. В городах Побережья до этого никто из них еще не бывал, а потому впечатлений им хватило. Основной контингент постоянного двора «Морской Змей», в котором остановились путешественники, составляли моряки. И не просто какие-нибудь там матросы, а самые настоящие пираты. Одна рожа страшнее другой.

Сам постоялый двор тоже очень много стоил. Он был переполнен магией. Все, начиная от света и заканчивая музыкой, являлось иллюзорным. Дамару особенно понравилась одна из двух сцен «Морского Змея». Не та, где полуобнаженные девушки в процессе танца превращались в полностью обнаженных. Другая. На ней фантомные изображения героев саг различных хайборийских народов разыгрывали представления. Фигуры «актеров», конечно, были немного туманными, но это лишь придавало колорит.

Комнату решили снять одну на троих. Цены в «Морском Змее» кусались, но за рамки приличий всё-таки не выходили. Лестница, ведущая на второй этаж, утопала в белоснежных облаках. Пьяный матрос, сидевший на одной из ступенек, пытался ухватить для себя кусочек этого магического тумана. Разумеется, у него ничего не получалось, но он не расстраивался и совершал попытку за попыткой.

Непосредственно на самом втором этаже магии уже было поменьше. Полы простые деревянные, а не агатовые, как внизу, музыка не играет, светильники самые обыкновенные, масляные. Но какое-то присутствие волшебства всё-таки ощущалось. Ясуд авторитетно заявил, что это, скорее всего, защита от пожара.

Комната, которую им сдал хозяин «Морского Змея», оказалась чистой и просторной. Кроватей было три, как и просили. Белье на них свежестиранное. Под каждой стоял медный тазик для справления ночной нужды.

Себер сказал, что очень устал в дороге, и лег спать. Ясуд с Дамаром пошли вниз, дегустировать местные напитки.

Свободных столов почти не осталось. Кажется, пираты задались целью забить собой «Морского Змея» до отказа.

К радости Дамара именно в тот момент, когда они с Ясудом спустились вниз, трое жителей Сартоса, занимавших места как раз перед магической сценой, решили, что они засиделись и пора идти домой. Иранистанец и туранец быстренько

переместились за их стол, не дожидаясь, пока это сделают моряки.

Большой гулянки путешественники решили не устраивать. Завтра предстояли важные дела. Туранец просто смотрел и наслаждался иллюзорным представлением. Когда началась какая-то сага из его родного эпоса, он принялся время от времени дергать Ясуда, акцентируя его внимание на отдельных моментах действия.

Иранистанец же сначала долго выпрашивал подошедшую к их столу девушку о тех винах, что подают в «Морском Змее», затем никак не решился выбрать, попробовать ли один неизвестный ему сорт красного зингарского или предпочесть проверенное розовое офирское.

В конце концов, девушка порекомендовала ему ознакомиться со вкусовыми качествами зингарского. Это и склонило выбор в его пользу, хоть иранистанец и подозревал, что служанка сказала наугад с тем, чтобы от неё поскорее отстали.

Зингарское красное оказалось настолько приятным, что Ясуд пришел просто в замечательное расположение духа и позволял Дамару безнаказанно отвлекать себя на глупое туманное представление.

Ближе к ночи жизнь на постоялом дворе оживилась. В «Морского Змея» ввалилась компания из трех десятков моряков. У всех на лицах красовались синяки и кровоподтеки. От одежды большинства остались жалкие лохмотья. Одним словом, было видно, что пираты только что поучаст-

вовали в какой-то крупной потасовке и, судя по довольным ромам, вышли из неё победителями.

Мест к тому времени не хватало уже катастрофически. Потому трое из заявившихся в «Морского Змея» пиратов уселись за стол к Ясуду и Дамару.

По широте своей морской души они тут же заказали на всех мяса и какого-то отвратительно кислого пойла. Зингарское у Ясуда уже подошло к концу, так что он махнул рукой и согласился на угощение.

Дамару же, кроме его саг, ничего другого было не надо. Моряки, к слову, удивительно быстро это поняли и туранца не донимали.

Вскоре перед Ясудом, как на ладони, лежала картина разыгравшейся баталии. Пираты активно доносили до иранистанца все её подробности, постоянно перебивая друг друга.

Получилось так, что по неведомым причинам жители Сартоса затаили злобу на славных морских волков Закатного Океана. И при этом, несмотря на значительное численное превосходство, на открытое противостояние местные не решались. Они устраивали свои собрания у винных рядов, что на базаре, и строили там коварные планы по умышленному поджогу пиратских кораблей. Способствовали им в этом деле и местные Хозяева. Они строго настрого запретили морякам показываться на рынке под угрозой наложения продуктовых санкций на провинившиеся экипажи. Но от судьбы, как говорится, не уйдешь. Несколько дней назад спятившая группа

шемитов расплатилась золотом за поставку зерна в Аквилонию. А еще теперь в городе завсегда можно просто так два золотых получить в специальной лавочке. Вот сегодня моряки это дело обмозговали и решили пойти бить местных. Славная драка вышла. Местные, хоть и подлецы, а кулаками махать умеют. Хорошо душу отвели. Вот только под конец двое магов в потасовку влезло. А их какие-то идиоты до полусмерти избили. Ну, ясное дело, что надо было сваливать с базара поскорее. На корабль возвращаться не хотелось, и решили в «Змее» сей славный день отметить.

Потом Ясуд немного поболтал с моряками о разных городах и странах, в которых им довелось побывать. Пираты рассказывали обо всем с удовольствием, только иногда сбивались на истории о захвате купеческих судов.

Иранистанец еще немного посидел бы и попьянствовал с пиратами, но время было уже позднее. Дамар засобирався и уволок за собой Ясуда. Тот только и успел, что поставить морякам хорошего вина на прощанье.

Рано утром трое путешественников отправились на полдень от города. Верблюда Ясуда и лошадей Дамара и Себера они оставили на постоялом дворе. Погода стояла ясная, солнечная. Ничто не напоминало о шторме, разыгравшемся несколько седмиц назад. Но в том, что он был, ни один из путников не сомневался. Из-за него-то они и очутились на Побережье.

Сколько лет тому назад было создано Общест-

во, не помнил никто. Даже Себер, столь кичившийся своей родословной. Но одно было известно точно. Основателем его считается некий полубог, покоривший множество земель и обретший истинное величие.

Однажды открылось полубогу, что судьбой ему уготовано оставить на время этот мир. Тогда и озаботился он созданием Общества. Он избрал из покоренных народов трех достойнейших их представителей и обязал нести сквозь века память о нем. Люди пали ниц перед ним, узнав о постигшей их чести, но полубог велел им подняться, сказав, что не может обучать тех, кто его даже не видит. Эти трое жили с ним все оставшиеся ему на земле годы. Когда полубог почувствовал приближение смерти, он отослал своих учеников, велел им бережно хранить знания.

Но память людская коротка. Полубог, имени его не сохранилось, отлично это понимал. Он не мог положиться лишь на слова, что передавали бы избранные из уст в уста, от отца к сыну. Полубог дал своим ученикам три кольца. В них сохранялось всё увиденное и услышанное прежними владельцами. Вернее, всё важное для дел Общества. Так называли своё братство трое учеников. Но кольца были не только вместительным хранилищем знаний, они еще служили для того, чтобы члены Общества могли узнать друг друга. При произнесении правильных слов, камни в кольцах меняли свой цвет. Таков первый знак Общества.

Второй — это татуировка на груди. Она несёт в себе двойной смысл. Как и камни, она способна

изменяться, когда говорят заветные слова. Но не только. Татуировка — это путь для полубога в тело избранного. Когда он снова явит себя миру, тот из учеников, что останется в живых, предоставит воскресшему свою плоть, слившись с ним в единое существо.

Третий знак таится внутри. Избранный посредством известного лишь членам Общества заклинания может превратиться в не-человека. В этой ипостаси он намного быстрее и опаснее. Пробыть его плоть не сможет ни сталь, ни серебро. В ночи он будет видеть не хуже кошки. Когти на его руках в считанные мгновенья разорвут врага на клочки. Но есть два недостатка. Не-человек выглядит не очень приятно. Сероватая кожа, заостренные уши, красные глаза, когти опять же. Во-вторых, в этом состоянии ученик пробыть может не более колокола.

— Тогда я начинаю, — сказал Дамар и стащил с себя рубаху.

Если когда-то туранец и был крепким парнем, то эти времена остались в далеком прошлом. На боках у Дамара красовались такие пласты жира, что редкий хряк бы ему не позавидовал. Но при проведении обряда внешние данные в расчет не брались.

Знания об обряде были одними из основополагающих. Кольца неведомым образом отбраковывали житейский мусор предков. Владелец кольца знал в подробностях лишь о жизни своих современников. От предков оставалось только то, что было важно для дел Общества. Многие тако-

му свойству колец не доверяли, а потому, подобно семейству Себера, передавали знания и простым немагическим путем. Правда, толку от этого было мало. Подобное поведение являлось скорее данью традиции. Настоящей династии так и не пошло ни от одного из учеников. Рано или поздно кольца переходили к людям, никак не связанным с ними кровным родством. Ясуд был тому живым примером.

Обряд был второй стадией возвращения полубога. Первая называлась «призыв». Заключался он в том, что во сне все три нынешних ученика узрели Сартос. Сначала город предстал всего лишь маленькой светящейся точкой на карте Хайбории, потом он становился всё больше и больше. Полубог очень внимательно подошел к моменту своего возрождения. Сон был очень конкретным и никаких неверных толкований вызвать не мог. Ученикам приказано было явиться на Побережье.

Это уже потом Ясуд проявил инициативу и отправил Себеру и Дамару магическое послание с предложением встретиться в Бильнасе, обозначив день, когда он будет их там ждать. В маленьком поместье потеряться куда сложнее, чем в портовом городе.

Дамар присел на корточки и начал пальцем чертить на песке странные знаки.

— Держи, так удобнее, — сказал Себер, протягивая туранцу палку, которую невеста где откопал.

— Спасибо, — Дамар был, как всегда, исключительно вежлив.

Рисовал туранец долго, постоянно внося новые штрихи в уже очерченные знаки. Иногда останавливался. Осматривал своё творение, находил какой-то недостаток и с пылом бросался его устранять.

Ясуд и Себер молча за ним наблюдали. С советами не лезли, помощь не предлагали.

Наконец туранец, обзрев свою работу, понял, что она идеальна.

Встав лицом к морю, Дамар начал петь. Звук, что он извлекал из себя, не походили ни на один из ныне существующих языков. Мелодичность, пронизывавшая каждое слово, заставляла слушателей замирать в восхищении.

Следуя звуку голоса туранца, начал изменяться рунический рисунок на песке. Знаки ожили. Они меняли свои очертания, перескакивали с одного края полотна на другой. Чем дольше пел Дамар, тем быстрее они двигались. Вскоре уже нельзя было различить отдельные символы. Осталось лишь бесконечное мельтешение линий.

Дамар замолчал.

Хаос на песке и не думал замирать.

Туранец повернулся к рисунку и произнес три слова на том же самом мелодичном языке. Тон его был повелительным, не приемлющим возражений.

Изображение подчинилось.

Из линий сформировалось лицо человека. Он был молод, хорош собой. Черты лица у него были стигийские. Вскоре взорам Общества открылось не только лицо, но и всё тело человека. Он

сидел на полу с книгой в руках и читал. Это немного не вязалось с одеждой стражника, что была на нем. Прошло несколько мгновений, и человек исчез. На его месте возникло изображение строения — какого-то богатого поместья. Архитектура была характерной для Стигии. Еще немного, и поместья не стало. Вернее оно уменьшилось в размерах. Теперь на песке был Сартос, каким его видят птицы. Потом исчез и он. Остались только непонятные линии на песке. Таким образом, магия «обряда» указала, где искать полубога.

Дамар улыбнулся.

— Теперь осталось выяснить, — сказал он, — кто из нас отправится к полубогу. Вы готовы?

— Да, — ответил Себер, стаскивая с себя рубаху. — Я даже готов провести обряд.

Ясуд ответить не успел.

Изображение из песка вновь ожило. Линии заметались и явили взорам собравшихся новое лицо. Опять молодое, но уже не красивое. В облике этого человека читалось безумие. По отдельности все черты были нормальными, но вместе составляли ужасающую картину.

Как и прежде, линии несколько раз отодвигали ввысь взгляд наблюдателей. Вот они показали человека едущим на верблюде. Затем странную компанию, его сопровождающую. В конце предвзорами Дамара, Ясуда и Себера предстала дорога, ведущая в Сартос. Через два-три колокола человек на верблюде должен был оказаться в черте города.

— Что это значит?! — в голосе Себера слышалась злость.

— Не знаю, — покачал головой туранец.

У иранистанца просто не нашлось слов.

С застывшими лицами три ученика смотрели на песок, ожидая продолжения.

И оно последовало.

Третье лицо было совсем уж юным. Мальчик лет семи-восьми. Дамар аж присвистнул от удивления. Когда на песке выстроилась фигура мальчика в рост, к туранцу присоединились и Ясуд с Себером. Юнец вовсю развлекался с двумя красотками, проявляя и пыл, и жар, и игру воображения. Находился мальчик в небольшом, полуразрушенном доме на окраине Сартоса.

Четвертый человек оказался старше своих предшественников. Черты лица у него были острые, волевые. В компании с ним находился мальчишка и здоровенный детина. Они что-то горячо обсуждали между собой. Дом, в котором они вели сию беседу, был побольше и побогаче предыдущего. Но от центра города он находился также достаточно далеко.

Ждали Ясуд, Дамар и Себер и пятого изображения. Если чудеса случаются, то их должно быть много. Но нет. Числом четыре линии из песка решили на сегодня ограничиться.

— Себер, твои предки говорили о чем-то подобном? — спросил Ясуд, рассудив, что кольцо могло не сохранить какое-нибудь одно важное знание.

— Нет, конечно! — столь яростно возразил не-

медиец, что могло показаться, будто Ясуд нанес ему смертельное оскорбление.

Дамар в смятении чертил на песке человечков, используя для этого отброшенную ранее палку. В дискуссии участия он принимать не желал.

Говорить же исключительно со стервозным немедийцем Ясуду никак не хотелось. Он уселся на песок и стал любоваться морской далью. Подспудно пытался осознать произошедшее. Но очень аккуратно, только краешком сознания. Совершенно невозможно за один присест принять в себя мысль, что полубог не один. Их четыре.

Который же из них тогда оставил завещание? Иранистанец бросил подозрительный взгляд на Себера. Библиотекарь вполне мог знать ответ. Но делиться он им не станет. Тогда ведь заметно сократятся его шансы стать единственным.

Но всё-таки почему полубог не дал более четких указаний? Ведь кольцо в точности описывало для своего владельца все ритуалы, указывало на каждую мелочь. Даже изображение на песке показало не только кого искать, но и где искать.

— Пойдемте назад, — предложил туранец.

Ясуд и не заметил, как Дамар пришел в себя. Палка лежала в стороне, а все человечки были старательно затерты ногой.

Похоже, туранец сильно стыдился того, что проявил слабость.

Себер стоял с самым злобным выражением лица и смотрел то на Ясуда, то на Дамара.

— Согласен, — сказал Ясуд. — Здесь больше

делать нечего. Надо придти в себя и уже тогда на спокойную голову обмозговать всё случившееся.

Себер так и остался молча стоять.

Иранистанец встал, подошел к немедийцу, поднял с песка его рубаху и протянул владельцу. Себер нехотя её взял.

— Разберемся, — поспешил обнадежить немедийца Ясуд и по-дружески хлопнул его по плечу.

Дамар уже брел в сторону Сартоса. Ясуд поспешил за ним. Догнав туранца, иранистанец обернулся. Себер наконец очнулся окончательно и сейчас вышагивал вслед за ними.

Так, не проронив ни слова, трое учеников и дошли до «Морского Змея».

Сославшись на разболевшуюся голову, Дамар сразу же поднялся вверх в комнату. Себер и Ясуд немного посидели в тишине. Иранистанец заказал себе вчерашнего зингарского. Но после неудавшегося обряда оно показалось ему совершенно безвкусным. Ясуд сделал пару глотков и отодвинул от себя бокал.

Себер же тупо смотрел на туманное представление. Сейчас там разыгрывалась сцена охоты на волколака. Было заметно, что немедиец от этого действия удовольствия не получает. Похоже, как и Ясуд, он просто искал, чем себя занять.

Об обряде говорить было еще рано. Нужно хотя бы обождать до вечера, чтобы немного успокоиться.

Ясуд, не говоря ни слова, поднялся и пошел в комнату.

Дамар уже мирно посапывал. Иранистанец

ему позавидовал. Стянув с ног сандалии, он улегся на свою кровать.

Ясуд прикрыл и глаза и попытался расслабиться. Но сон никак не шел.

Примерно через четверть колокола в комнате появился Себер. Немедиец, кивнув Ясуду, полез копать в своем дорожном мешке. Извлек оттуда толстенную книгу, развалился на кровати и начал читать. Вскоре на его лице появилось блаженное выражение.

Что ж, каждый расслабляется, как может.

Вскоре глаза у Ясуда начали слипаться. Он даже толком не успел порадоваться этому, как заснул.

Пробуждение оказалось менее приятным. Слегка болела голова. Вдобавок Себер совсем безбожно пытался его растормошить.

— Чего тебе? — с ленцой произнес иранистанец.

— Дамар сбежал, — ответил Себер.

Ясуд не счел эту причину достаточной веской для того, чтобы его вот так будить. Захотелось второму помощнику лекаря побродить в одиночестве. Что в этом такого?

— Куда? — для приличия поинтересовался Ясуд.

— К полубогу, — сказал немедиец. Теперь иранистанец расслышал в его голосе нотки ужаса. Одновременно он понял всю серьезность положения.

— Объясни толком, что произошло, — потребовал он.

— Смотри, — сказал Себер и протянул иранистанцу клочок папируса. — Я нашел это на кровати Дамара.

Ясуд быстро пробежал глазами по записке.

«Друзья! Надеюсь, вы поймете это моё решение. Я просто не мог больше ждать. А ситуация такова, что нет того очевидного решения, которое бы устроило каждого из нас. Поэтому я решил действовать самостоятельно. Чтобы вы мне не помешали, я пропитал ваши подушки сонным настоем. Головная боль, которую вы сейчас испытываете, пройдет примерно через полколокола. Я в настоящий момент уже далеко. Я выбрал одного из четверых. Не зря первым на песке возникло изображения человека с книгой. Сейчас я направляюсь к нему. Если это и вправду полубог, то я вернусь в «Морского Змея», и мы сможем совершить обряд определения единственного. Если же мне не суждено вас больше увидеть, то прошу не винить меня за поспешность. Делайте следующий шаг более осторожно, чем я. Дамар».

— Давно ты это нашел? — спросил иранистанец.

— Только что, — немедиец выглядел совсем плохо. — Проснулся, смотрю эта записка лежит. Прочитал её и тут же тебя разбудил.

— Правильно, — отрезал Ясуд.

Он быстро обулся и сбежал на первый этаж. Себеру только и оставалось, что пытаться поспеть за ним.

Ясуд обшарил взглядом обеденную залу. Обнаружил хозяина и устремился к нему, не забыв

убрать с лица ту гримасу, которая появилась после прочтения записки.

— Уважаемый, — обратился иранистанец к толстяку в удивительно белом переднике, — вы не видели, как давно наш товарищ покинул «Морского Змея»?

— Три колокола назад.

— Благодарю.

Ясуд присел за свободный стол и обхватил голову руками.

— Что дальше будем делать? — оживленно спросил библиотекарь.

— Ничего, — мрачно сказал иранистанец, не поднимая головы. — Слишком много времени прошло. Он всё четко рассчитал.

— И мы позволим встретить ему полубога, не пройдя ритуала обретения единственного?

— Тебя только это волнует? — в голосе иранистанца промелькнуло презрение.

— Но он же получит всю власть! — возразил Себер.

— Он скорее всего умрет, — ответил Ясуд. — В лучшем случае у него один шанс из четырех.

— Кто знает? Человек с книгой и впрямь возник первым.

— Ты думаешь, это имеет какое-то значение? — спросил Ясуд, потом подумал и добавил. — Или знаешь?

— Что ты пристал ко мне с этими знаниями?! — рявкнул разозленный библиотекарь. — Ни о чем таком мои предки и не подозревали!

— Лучше бы ты врал, — заключил Ясуд. На

вспышки ярости немедля он уже не реагировал. Привык. — Без Дамара у нас меньше шансов обнаружить истину. Я думаю, явление четырех вместо одного это своего рода испытание. Мы должны пройти его еще до определения единственного.

— И что нам делать, если Дамар угадал?!

— Ничего. Или он сдержит обещание и вернется к нам, чтобы провести ритуал. Или он уже слился с полубогом. От нас ничего не зависит.

— То есть ты просто будешь сидеть здесь и ждать?

— Нет, я еще буду пить вино.

Библиотекарь выругался, словно последний солдафон, и пошел наверх.

Ясуд, чтобы не быть голословным, заказал себе кувшин вина. Дешевого. Пытаться насладиться вкусом и ароматом благородного напитка в подобном состоянии духа — занятие наиглупейшее.

За первым кувшином последовал и второй. Ближе к вечеру «Морской Змей» стал заполняться дружной пиратской братией. Среди гостей постоянного двора обнаружились и вчерашние собутельники Ясуда. Иранистанец немедля пригласил их за свой стол.

Пирушка длилась до глубокой ночи. Себер внизу так и не появился.

Глава 9

О любви и ее проявлениях

игурд, Коротцо, идите скорее сюда! — Черс сидел на стуле рядом с кроватью, на которой лежала Тара. Девушка открыла глаза и начала тихонечко постанывать.

Черс смочил тряпку в ведре с холодной водой и положил Таре на лоб.

— Как рана? — спросил влетевший в комнату Сигурд. Через несколько мгновений появился и Коротцо.

Черс откинул одеяло. Повязка, которую вчера наложили на Тару, выглядела нормально, никаких зловещих красных пятен.

Впрочем Коротцо и не сомневался, что кровотечения нет. Он вчера хорошо поработал над раной. Залечил все внутренние повреждения и лишь края свел с показной небрежностью. Дух Камня не желал, чтобы Сигурд догадался о его реальных возможностях.

Тара начала метаться по кровати, что-то кричать. Пыталась размахивать руками. Черс внимательно следил за тем, чтобы она себе ничего не повредила, и одновременно удерживал на лбу повязку.

Коротцо подумывал, не прибегнуть ли к помощи магии, но вскоре девушка буйствовать прекратила и успокоилась. Глаза её были открыты, в них застыл страх.

— Всё будет в порядке, — ободряюще сказал Черс.

Тара дико вытаращилась на него и отшатнулась. Неудачно, ударившись головой о стенку.

Сигурд подошел к кровати и наклонился над девушкой.

— Помните меня? — спросил он. — Мы с вами вместе пили вино на базаре.

Девушка кивнула, но как-то неуверенно, испугано.

— Вы здесь в безопасности, — продолжил ванир. — То существо вас больше не потревожит. Оно думает, что вы уже мертвы.

Коротцо про себя усмехнулся. «Тому существу» до Тары вообще дела никакого нет. Жива она или мертва, без разницы. Но Сигурд, наверное, знает, что в таких случаях надо говорить. Девушка хоть утомилась немного.

Был у духа Камня страшный соблазн проникнуть в мысли девушки, но он с ним мужественно боролся. Раз решил обходиться без вылазок в чужое сознание, так и следуй принятому решению до конца. Тем более подобный подход приносил

пока исключительно выгоду. Он же мог просто выудить из Сигурда все знания тогда в «Ста золотых за человека», но делать этого не стал и обрел очень полезного союзника. Жаль только, что братца вчера прикончить не удалось, но это не их вина. Задумано-то всё было великолепно. Если бы не те два идиота с самострелами...

Черс, свято блюдя обязанности смотрящего, весь вечер просидел на балконе. Один раз к нему поднялся Сигурд. Принес кусок мяса и бокал вина, чтобы парень не умер от голода или жажды. И когда город начал медленно погружаться в сумерки, бывший юнга разглядел вдали фигуру девы-воительницы. Он крикнул Сигурду и Коратцо, чтобы те готовились встречать дорогого гостя. Сам же остался на занимаемой позиции. Запас времени, чтобы спуститься, у него имелся предостаточный.

Коратцо уже сторал от нетерпения. Брат вот-вот должен был войти в дом оружейника Бродо. И тут он услышал, что Черс вдруг начал в голос перебирать все известные ему ругательства. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что это неспроста.

Дух Камня со всех ног рванулся наверх. В два прыжка преодолел лестницу и вылетел на балкон. Объяснений от Черса можно было и не требовать. Картина, открывшаяся взору духа, была предельно красноречива. Девушка, одержимая братом, лежала в десятке шагов от их дома в луже крови с арбалетным болтом в животе. Судя по причитаниям, воительница была всё еще жива,

но уже готовилась отдать душу Дэркету, которую активно призывала на помощь.

Неподалеку от девицы обнаружили и стрелки. Двое мужчин, одетых, как местные маги. Один типичный стигиец, высокий, худой, бритый наголо. Он и сделал сей фатальный выстрел, если судить по разряженному арбалету.

Второй маг был весьма необычной наружности. Удивительно светлая кожа и волосы, голубые глаза. Коратцо сначала принял его за выходца с полуночных земель, но потом догадался, что перед ним альбинос.

Дух немедленно обругал себя за то, что пялится на идиотов-магов вместо того, чтобы искать братца. Коратцо принялся ощупывать ауры прохожих, но всё напрасно. Духа ни в одном из тел не было. Маги тем временем рванули куда-то в сторону базара. Коратцо на всякий случай направил Черса проследить за ними.

Сам вместе с Сигурдом, который тоже успел забраться на балкон, отправился к раненой девушке. Воительница была всё еще жива, хотя одной ногой находилась уже на Серых Равнинах. Ванир немедленно настоял на том, что деву надо непременно спасти. Ей могло быть известно что-нибудь важное о сбежавшем духе. Коратцо довод принял.

У духа Камня достало бы знаний, чтобы одним заклятьем вернуть воительнице и здоровье, и сознание, но он не хотел этого делать. Во-первых, рано было обнаруживать перед Сигурдом свою истинную суть. Коратцо подозревал, что в

этом случае на прежнее дружеское отношение со стороны ванира ему рассчитывать не придется. С существом близким по силе к богу на равных общаться тяжело. Вторая причина заключалась в том, что он не хотел тревожить призрак своего отца. Тот и так в последнее время стал слишком бесконтрольным.

Так что Коротцо довольствовался тем, что остановил кровотечение и восстановил поврежденные участки внутренних органов. Тем временем вокруг них собралась приличная толпа зевак. И откуда только здесь столько народу набралось? Коротцо подозревал, что среди этих любителей остреньких зрелищ может найтись один сознательный, который побежит за «лиловыми».

Дух бросил заклятье «легкого ужаса». Зеваки тут же ощутили непреодолимое желание очутиться подальше от раненой девицы. Коротцо замер в ожидании. Но нет, всё спокойно. Отец решил на этот раз его не тревожить.

Когда дух закончил возиться с раной и с зеваками, Сигурд аккуратно взял девушку под руки, приподнял и потащил в сторону дома оружейника, следя за тем, чтобы не делать резких движений. Коротцо распахнул перед ним дверь. От того места, где лежала девица, к дому тянулись две кровавые полосы. Дух выругался и убрал их с помощью магии.

В доме девушку переодели и перевязали. Но воительнице становилось только хуже. Коротцо вторично прошелся по ране заклинанием, устраняя те мелочи, которые он упустил на улице, и

увеличил количество крови, что гнало по венам и артериям её сердце. После этого дыхание девушки стало чуть ровнее, но жар не проходил.

Тем временем из похода вернулся Черс. Доложил, что следовал за парочкой магов вплоть до самого базара. Но там они от него скрылись. Юнга еще позавидовал тому, как быстро бежали эти немолодые на вид люди. Он прошелся по всей «Хлебной» в надежде случайно встретить своих подопечных. И действительно, встретил. Избитых, валяющихся без сознания у винных палаток. Выяснялось, что это их пираты так обработали.

Сигурд тут же выразил сомнения. Даже среди необразованных моряков мало таких идиотов, что подняли бы руку на Хозяев Побережья. Черс возразил, что по пьяни можно и не такое выкинуть.

Девицу решили на ночь устроить в гостевой спальне на втором этаже. Там они днем обнаружили какие-то женские шмотки, так что вероятно именно в этой комнате Тара и гостевала у Бродо. Когда девица придет в себя, ей будет приятно очутиться в знакомой обстановке.

Помощник капитана пиратского корабля «Вестрел», ванир по имени Сигурд также изъявил желание заночевать в доме у оружейника. Это на тот случай, если Тара вдруг очнется. Его, в отличие от Черса и Коротцо, она хотя бы знала. Еще Сигурд подозревал, что «лиловые» сейчас рыщут по всему Сартосу в поисках одинокой пиратской рожи, на которой можно отыгаться за поруганную честь Хозяев.

Ночь разделили на три вахты. Сначала у кровати воительницы дежурил сам Коратцо, потом на пост заступил Сигурд. И уже под утро его сменил Черс. Вот как раз на самый конец его вахты и пришлось девичье пробуждение.

— Где я? — спросила девушка.

— Дома, — ответил Сигурд. Тара сразу встрепенулась, и ванир поспешил поправиться. — У Бродо, я имею в виду.

Девушка посмотрела на Коратцо, потом на Черса. Внимательно так. Приглядывалась.

— Почему тогда его здесь нет? — спросила она, обращаясь по-прежнему исключительно к Сигурду.

— Он в подвале, — объяснил ванир. — Мы решили не впутывать его в наши дела.

— Кто вы такие?! — завизжала Тара и попыталась вжаться в дальний от Сигурда угол кровати.

Коратцо решил, что пора это заканчивать. Он бросил короткое заклинание, и девушка погрузилась в сон.

Сигурд обернулся, вопросительно посмотрел на него. Дух Камня кивнул, давая понять, что это именно он сделал.

— Правильно, — сказал ванир. — Пусть отдохнет. Выспится, тогда и поговорим.

— Заклятье продержится до вечера, — пояснил Коратцо. — Надеюсь, этого времени хватит.

— Пошли завтракать, — вмешался в разговор Черс.

— Пошли, — согласился дух.

Ванира тоже упрашивать не пришлось.

Запас продуктов у Бродо имелся приличный. Основной его составляющей была рыба во всех её проявлениях. Черс и Сигурд в один голос высказали своё мнение о ней. Есть морепродукты на суше пираты не желали ни в какую. Коратцо было всё равно, но ради солидарности он также отказался от рыбы.

Вот большой свиной окорок пришелся по нраву всем троим. За какую-то четверть колокола от мяса остались лишь одни воспоминания. При выборе напитков решили исходить из постулата, что начинать день с вина дело самое последнее. Потому пили охлажденный апельсиновый сок.

После трапезы Сигурд отправился к себе на корабль доложить капитану. К вечеру обещал вернуться.

Черс пошел вверх компенсировать недостаток утреннего сна. Коратцо решил позволить пареньку подремать два-три колокола.

Сам дух несколько раз пробовал призвать к себе отца. Даже поколдовал немного. Но папаша появляться не желал. Коратцо расстроился. Отец вполне бы мог пролить свет на некоторые тайны дня минувшего.

Еще Коратцо корил себя за то, что послал вслед за магами Черса, а не Сигурда. Юнга паренек смывленный и резвый, но разобраться в том, что произошло на базаре, толком не сумел. Обстоятельный ванир наверняка бы нашел какую-нибудь зацепку и постепенно распутал весь клубок.

Вообще, это была очень большая удача, что

удалось привлечь на свою сторону такого человека, как Сигурд. Без ванира они с Черсом ни за что бы не вышли на духа, поселившегося в теле воительницы. Сигурд являл собой образчик того, как действуют умные люди, попав в затруднительную ситуацию. За предыдущий день Коратцо открыл для себя очень много нового. Помимо денег и любви проявилась и третья составляющая жизненных устремлений человека, дружба. Ванир согласился участвовать в поисках духа не из-за награды, а ради того шанса, который Коратцо обещал предоставить околдованному боцману «Вестрела». Где-то на границе дружбы возникало еще одно очень важное понятие. Преданность. Коратцо всерьез задумывался над тем, как её можно пробудить в человеке. Именно из-за отсутствия этого качества у своих последователей он и потерпел поражение в прошлое своё пришествие. У духа Камня имелось две теории на этот счет. По первой к преданности были способны лишь отдельные представители рода человеческого. По второй возникнуть это свойство могло у любого индивидуума, нужно лишь подобрать ключик к его душе. Коратцо решил вернуться к этому вопросу чуть позже. Надо еще поднабраться опыта.

Еще духа Камня поразило, как Сигурд руководил поисками. Он опирался не на знания, а на предположения. И это дало результат! Коратцо видел корни этого явления в том, что люди испытывают вполне естественный страх, когда кто-то умудряется прочесть их мысли. Они считают,

что внутренний мир предназначен исключительно для личного пользования. Если кто-то вдруг угадывает реальные стремления людей, они им восхищаются. Но это должна быть именно догадка. Точное знание вредно. Так Сигурд вчера давил на оружейника тем, что намекал на его не любовь к конкуренту, одновременно сдабривая его золотом. Коратцо заглянул в мысли того человека и увидел там страх перед тем, что странный чужеземец знает о том, что он приторговывает магическим оружием, которое имеет свойство убивать своих владельцев и возвращаться в лавку. Веди беседу дух Камня, он бы непременно пригрозил торговцу, что раскроет его тайну. И в этом случае оружейник бы вряд ли чего-нибудь поведал. Во всяком случае, Коратцо так казалось. Нужно сохранять у людей их ощущение значимости. Показать, что ты знаешь дорогу к тайне, но делать к ней шаг не желаешь.

Коратцо даже подумывал не залезть ли на время в тело какого-нибудь дипломата, но потом отверг эту мысль, как преступную. Не стоит форсировать события. Он уже и сам начинает постигать человеческую природу, ориентируясь при этом лишь на свои ощущения. Если прыгать из тела в тело, то исчезнет целостность картины. Появится набор зачастую противоречивых знаний, которые ты сам никогда не применял на практике.

К тому же смущала та слабость, что появляется при частой смене оболочек. Наружу выходит то, что отец в одной из бесед назвал словом «ин-

стинкты». Так, тот братец, которому вчера пришлось хорошенько побегать от двух дураков с арбалетами, сейчас наверняка оттягивается с какой-нибудь портовой шляхой. Знать бы, где именно, сходить и прикончить. Лично. Опасности он сейчас никакой не представляет.

Тут Коротцо вспомнил, что вполне возможно и нашлась парочка моряков, которая видела ринувшегося в пучину желаний братца. И стоят они сейчас перед закрытыми дверьми «Ста золотых за человека» и не знают, куда девать своё знание.

Дух встал, поднялся наверх и растолкал мирно спящего Черса.

— Просыпайся. Я пойду в нашу лавочку. Ты остаешься здесь за главного. Не забывай за девушкой следить. Кто знает, как на ней присутствие моего братца отразилось? Может, менее восприимчивой к магии стала и проснется через полколокола. Всё понял?

— Может мне в «Сто золотых» сходить? — предложил Черс. — Мне оно как-то привычней.

— Не беспокойся, — улыбнулся Коротцо. — Я справлюсь. Мне тоже опыта набираться надо.

— Тогда удачи, — сказал Черс и стал с неохотой подниматься с постели.

В городе было на удивление спокойно. По улицам прохаживались и моряки, и «лиловые». Драки ни те, ни другие затеять не пытались, словно и не было вчера славного избиения двух Хозяев на базаре. Коротцо стало интересно, живы ли они? Дух искренне желал двум дуракам в на-

стоящий момент совершать прогулки по Серым Равнинам.

Странно только, что брат пытался от них убежать. Они бы при всем желании не смогли причинить ему вреда, разве что оболочку бы попортили. Ну, ведь её и так болтом прошили. Что-то здесь было нечисто.

Дух решил по дороге в лавку зайти на винные ряды, посмотреть своими глазами на место знаменательной потасовки.

И здесь никаких следов. Всё тихо и мирно. Словно горожане и моряки, не сговариваясь, решили забыть неприятный инцидент. Даже крови на земле видно не было. Всё прибрали рачительные купцы, не желавшие портить атмосферу в районе непосредственного торгового интереса.

Коротцо на всякий случай проверил магическую ауру. Ничего. Лишь легкое волнение магического поля под его правой ногой. Дух сделал шаг назад, присел и попытался разглядеть, откуда изливается энергия. Малым артефактом оказалась простая деревянная щепка. Коротцо отошел в сторонку, подальше от людских глаз и принялся читать заклинание. Щепка начала расти и превратилась в арбалетный болт.

Внутри снаряда обнаружили следы непонятного заклятья.

«Это уже интересно, — подумал дух Камня. — Значит, в брата стреляли заколдованным оружием. Двое магов не были совсем уж конченными дураками».

Восстановить заклинание было куда сложнее,

чем вернуть предмету утраченную форму. Коротцо понимал, что если он займется этим, то отцу достанется шикарный обед из отголосков его заклятий. Но, похоже, выбора не оставалось.

Коротцо начал творить волшбу. Постепенно ниточка за ниточкой полуразрушенное заклинание вновь накручивалось на арбалетный болт. Набирало силы, обретало структуру. Коротцо не мог отвлечься и взглянуть, что получилось, но поражался тому, сколько времени уходит у него на восстановление.

Спустя четверть колокола измученный дух наконец посмотрел на результат своей работы. И ужаснулся.

Силы, запечатанной в снаряде, достало бы, чтобы убить любого из братьев. Даже того, что безумен.

Маги отлично знали, какую дичь они преследовали. И на охоту вышли с соответствующим оружием.

Это неспроста.

Кто-то должен был рассказать им о духах Камня. Подробно. Иначе степень их подготовки не объяснить. Вывод напрашивался сам собой. Один из братьев с ними заодно. И даже не надо гадать какой. Страсть к магии питал лишь один член их дружного семейства.

Болт в срочном порядке пришлось уничтожать. Таскать с собой столь самоубийственную штуку было архиглупо.

Отец, несмотря на обилие магии, так и не появился.

Нет, не зря он решил зайти на базар! Будет, что обсудить вечером с Сигурдом и Черсом. Ванир вроде бы упоминал, что у капитана его корабля имелся какой-то план по вызволению боцмана из плена. Надо непременно узнать, что именно он задумал!

Коротцо даже подумал, не сходить ли на корабль Сигурда, кажется он называется «Вестрел», прямо сейчас. Но хорошенько поразмыслив, решил этого не делать. Брата-мага надо выкуривать из его укрытия аккуратно. А вот любителю девочек хвост можно прижать прямо сейчас, если конечно повезет.

Когда дух Камня добрался до «Ста золотых за человека», перед входом в лавочку собралась уже немалая толпа.

Моряки заметно нервничали и зло косились друг на друга, словно видели происки чужих экипажей в том, что кормушку закрыли.

Однако стоило дверям распахнуться, как лица пиратов озарили улыбки. Они дружно расселись по стульям в комнате для ожидания в предвкушении того момента, когда Коротцо призовет их к себе.

Дух решил немного схитрить.

Он объявлял каждому входившему, что вчера, благодаря сведениям, полученным от одного из моряков, удалось обнаружить человека, соответствующего описанию.

Благодаря счастливой, хотя как посмотреть, случайности ему удалось ускользнуть. Но это нисколько не умаляет заслуг пиратской братии,

а потому аванс с сегодняшнего дня возрастает до трех золотых.

И действительно, моряки новость воспринимали с радостью и оживлением. Неизменно интересовались двумя вещами. Заплатили ли тому моряку? И как его имя? На первый вопрос ответ давался положительный. Имя же естественно не называлось. «Вам бы хотелось, чтобы ваше имя знала каждая портовая крыса, когда у вас сто золотых в кармане?!» Пиратов эта простая житейская логика сражала просто наповал. У них отпадали последние сомнения в реальности вознаграждения. Они брали свои три золотых и отправлялись на поиски братьев-духов и того счастливица, что уже отхватил награду.

Потом Коротцо осознал, что он конкретно подставляет Сигурда. Вполне могут найтись те, кто запомнил, что именно ванир был тем посетителем, после визита которого лавочку вчера прикрыли.

Пришлось пустить слух, что настучали на брата позавчера, а вчера днем его исключительно ловили. Вроде бы пираты поверили. Коротцо проверял мысли некоторых визитеров и ему попадались отрывочные воспоминания именно о позавчерашнем везунчике, заполучившем золото. Сигурда может спать спокойно.

Но удовольствие от удачно найденного способа немного активизировать поиски смазлось отсутствием известий о брате, скрывшемся вчера от магов. Пираты исправно забирали три золотых, обещали непременно обо всем докладывать,

но на главную награду никто из них так и не покусился.

Оставалась надежда на Тару. Дух долго пользовался её телом, и вполне возможно, девица сумела запомнить некоторые его привычки или те места, в которые он любил заглядывать.

От ответов воительницы зависело очень многое. Коротцо хотелось сначала разобраться с более мелкой рыбешкой, но если Тара не скажет ничего полезного, придется переключать внимание на брата-мага.

На шестой послеполуденный колокол Коротцо закрыл «Сто золотых за человека» и отправился домой к оружейнику. По пути заглянул на «Хлебную». Просто так. Проверить. На этот раз ничего интересного.

Чтобы не жалеть о потраченном на обход времени, Коротцо решил воспользоваться благами базара. Купил у хлеботорговца три горячие сдобные булки с медом, потом разжился кувшином молодого вина и, устроившись под уютным навесом, приступил к трапезе.

Вообще-то дух Камня потребности в пище не испытывал, просто пытался приобщаться к человеческим традициям.

Еда и вино занимают не самое последнее место в людском миропонимании. Так что придется учиться по достоинству оценивать вкус тех или иных продуктов. В этом деле Коротцо опирался прежде всего на воспоминания зингарского пирата, чьим телом он сейчас владел, и на привычки окружающих.

Булки с медом и молодое вино должны были ему понравиться, потому дух и получил от них удовольствие.

Потрапезничав, Коратцо поспешил в ремесленные кварталы. Сигурд должен вот-вот прийти, а девица скорее всего уже очнулась.

Оказалось же, что наоборот. Дверь Коратцо открыл Сигурд и поинтересовался, скоро ли Тара придет в себя.

— Странно, — заметил дух. — Уже должна была. Она как выглядит?

— Нормально, — ответил ванир, пропуская Коратцо внутрь. — Мы тут с Черсом перекусили. Оставили тебе немного мяса и вина.

— Спасибо, я поел, — сказал дух Камня и понял, что его терзает какая-то странная мысль, словно он забыл нечто очевидное.

— Ты чего? — поинтересовался Сигурд.

— Вспоминаю что-то, — сказал Коратцо, усаживаясь на стул, — а вспомнить никак не могу.

— Бывает, — посочувствовал ванир.

Тут слух Коратцо потревожил тихий звук, отдаленно напоминающий стон. Сигурд, казалось, тоже что-то расслышал.

— Не пугайтесь вы так, — посоветовал незаметно подкраившийся Черс. Пареньку надоело дежурить у постели раненой воительницы. — Это Бродо орет. С голодухи.

— Вот оно! — хлопнул рукой по столу Коратцо. — Мне оружейник-то покоя и не давал. Со всем нехорошо мы с ним обошлись.

— Правда, Черс, — согласился с духом Си-

гурд, — почему с голодухи? Ты что его не кормил?

— Не-а, — признался юнга. — Я хотел, но меня его дружки просто достали. Всё норовили в дом вломиться. Вот я и решил, пусть за них страдает.

— Какие дружки? — встрепенулся Коратцо.

— Приходили сегодня днем, — сказал Черс. — Сначала двое каких-то толстяков требовали от меня, чтобы я сказал им, где Бродо. Этот гад в подвале, видать, их голоса услышал и как начал заливаться. Сволочь. Хорошо, толстяки не только тупыми, но и глухими оказались. С ними в общем проблем не было.

— А с кем были? — задал наводящий вопрос Сигурд.

— С заказчиками, — мрачно сказал Черс. — Это не товарищи по базарной торговле. От них просто так не отделаешься. Утверждали, что Бродо им к сегодняшнему дню обещался сработать два десятка метательных ножей. Деньги они внесли, а товара пока что не получили.

— Гадко, — согласился Сигурд. — Сколько их хоть было?

— Как и толстяков, двое, — ответил Черс. — Я не сразу сообразил, что делать. Сначала хотел им ключи от лавки отдать, чтоб сами всё взяли. Но потом решил, что так только внимание лишнее привлечем. Думал, может сходить к Бродо, объяснить ситуацию, что да как. Потом вспомнил, что он не кормленный, не поенный, и вчера мы с ним нелестно обошлись. Понял, в положение наше торговец входить не захочет. И тут меня осе-

нило. У нас здесь осталась часть того золота, что мы наколдовали для выплаты вознаграждений. Спросил я у заказчиков, сколько они Бродо за ножи заплатили. Они подвох какой-то заподозрили, отвечать отказались. Ну, я и сказал им, как на духу: запорол Бродо ваш заказ, но торговец он честный, и расходы возместит, и неустойку заплатит. Ребята эти хоть и мрачные были, но хитрецы еще те. Такую сумму назвали, что мне чуть плохо не стало. Поторговался немного с ними для приличия и пошел выскребать золотишко из наших запасов.

— Как всё непросто, — заключил Коратцо.

— Вот и я говорю! — выразил полное согласие Черс.

— Всё равно зря ты хозяина не покормил, — посетовал ванир. — Не по-людски это.

— Да я собирался, — признался юнга, — а тут вы пришли, вот и вылетело из головы.

— Иди, отнеси ему мой ужин, — сказал Черсу Коратцо.

Юнга взял со стола кувшин вина и тарелку с мясом и направился в сторону подвала. Сигурд и Коратцо внимательно слушали.

Вот Черс спустился по ступенькам. Послышались радостные вопли Бродо, которые тут же перешли в отборную ругань, стоило юнге вынуть изо рта кляп.

Оружейник обличал, возмущался и требовал. Коратцо с нетерпением ожидал звука разбитого кувшина или грохота от летящей в стену тарелки. Но ничего такого не происходило. Наоборот,

Бродо через какое-то время умолк, а из подвала вылез улыбающийся Черс.

— Ну, как? — спросил ванир.

— Я сказал, что через четверть колокола, — ответил Черс, — я снова заткну ему рот кляпом и если он не успеет за это время поесть, это будут исключительно его, оружейника, проблемы.

— Такой молодой, а такой злой, — усмехнулся ванир.

— Я справедливый, — самоуверенно заявил Черс.

— Пошли наверх, — предложил Сигурд. — Тара уже должна вот-вот очнуться, если верить словам Коратцо.

— Постой, — сказал дух, — у меня есть к тебе разговор.

Черс засобирился в комнату Тары, чтобы не мешать беседе. Но Коратцо его остановил.

— Останься, — сказал он. — Твоя голова в этом деле лишней не будет.

— Что-то случилось? — спросил Сигурд.

— Да, — ответил Коратцо. — Я нашел еще одного духа. Сегодня по пути в «Сто золотых» я решил зайти на базар, посмотреть, что там осталось от вчерашнего побоища. И наткнулся на одну очень интересную вещь, щепку, оставшуюся от арбалетного болта. Такого же, каким ранили нашу знакомую воительницу. На болте лежало мощнейшее заклинание, соизмеримое по силам с теми, которыми я пропитывал наше оружие.

— Ты смог определить его происхождение? — спросил Сигурд.

Вопрос вызвал у Коратцо улыбку.

— Для этого надо быть самое меньшее богом, — сказал он. — Но выбор и так небольшой. Либо это сделал один из трех оставшихся духов, либо маги, но по его наводке. Очень меня насторожила сила заклинания. Колдун совершенно точно знал, сколько энергии надлежит вложить в болт.

— И ты полагаешь, что Хозяева Сартоса, — сказал Сигурд, — объединились с тем духом, что увлекается магическим искусством?

— Я в этом не сомневаюсь, — подтвердил догадку ванира Коратцо. — Подобное поведение свойственно этому существу. Он подыскал себе безопасный уголок, окружил себя верными слугами и сейчас готовит какую-нибудь мерзопакость.

— Кому? — поинтересовался Сигурд.

— Другим духам, — ответил Коратцо, сообразивший, что сболтнул лишнее.

— Раз они сами хотят друг друга прикончить, — продолжил расспросы Сигурд, — зачем тебе с ними возиться?

Ситуация начинала приобретать неприятные очертания, и дух Камня на мгновение заглянул в мысли Сигурда.

— После смерти духа, — Коратцо начал пересказывать вслух слегка видоизмененные предположения ванира, — его убийца обретает силы и знания жертвы. Не имеет значения, лично ли он совершил расправу, или это сделали люди по его приказу.

— А если его убьет один из нас? — живо поинтересовался Черс.

Коратцо порадовался сообразительности паренька. Юнга решил немного подыграть ему в трудный момент.

— Сила духа исчезнет вместе с ним, — пафосно произнес Коратцо.

— Какой толк тогда в этой охоте? — удивился Сигурд. — Я думал, ты из них какую-нибудь энергию для своих заклятий вычерпывать будешь.

— Толк есть, — хитро улыбнулся дух Камня. — Боги не любят конкурентов, а некоторые из них могут быть очень благодарными. И знаниями, и силой, и богатством меня не обделят.

— Понятно, — многозначительно заключил Сигурд. Коратцо захотелось еще разок взглянуть на сознание ванира, но он сдержался. — Так ты говорил про духа-мага.

— Да, именно он послал вчера двух Хозяев, — вернулся к прежней теме Коратцо. — Судя по летописям, это несколько необычный для него ход. Я уже говорил, что он склонен к выжиданию. Видимо, дух-любовник в какой-то момент возник перед ним, как на ладони, и он решил воспользоваться представившимся шансом.

— Я кажется знаю, откуда он узнал, в чьем теле дух, — мрачно произнес Сигурд. — Зелтран мог дать ему описание Тары.

— Вполне может быть, — согласился Коратцо. — Потому я и хотел узнать, что там с планами твоего друга по проникновению в поместье.

— Он собирается туда этой ночью, — сказал Сигурд. — Вернее, под утро. Я думаю, надо рассказать ему о том существе, что засело у Хозяев. Наверное, не стоит Конану туда соваться.

— Я хотёл убедить тебя оставить всё, как есть, — признался дух Камня. — Твой друг рисковал бы больше в обычной ситуации. Тот дух, что засел в поместье, наверняка не смог рационально организовать оборону. Следуя своей мнительности, он вполне мог лишиться всех обитающих внутри магов свободы воли. Они сейчас там от каждой тени шарахаются.

— Ты уверен в том, что говоришь? — спросил ванир.

— Вполне. Я должен знать, за кем охочусь, — ответил Коратцо. — К тому же пса лучше и вправду поскорее вытащить. Несмотря на все свои минусы, тот дух — маг просто гениальный. Может статься, он решит использовать вашего боцмана для возобновления поисков. Вот ему под силу почувствовать след магии. В этом он равен богам.

— А если и нам проникнуть этой ночью в поместье? — предложил Черс.

Коратцо вопросительно посмотрел на Сигурда. Самому ему эта идея не очень нравилась.

— Не стоит, — сказал ванир. — Мы только помешаем капитану. Он привык действовать в одиночку.

— Если он не вернется, — сказал Коратцо, — мы отправимся за ним.

— Вернется, — усмехнулся Сигурд, — я его

знаю. И когда он расскажет, каково там внутри, мы и отправимся за шкурой духа.

— Договорились, — сказал Коратцо. — Черс, срок, который ты дал Бродо на еду, уже истек. Иди, исполняй угрозу. Мы с Сигурдом к девице. Как закончишь, присоединяйся.

Юнга со зловещей ухмылкой на лице направился в подвал. Коратцо и Сигурд — в комнату Тары.

Девушка мирно спала. Дыхание у неё было ровным. На лице блуждала блаженная улыбка. Отдых явно пошел ей на пользу.

Коратцо и Сигурд просто стояли и заморожено смотрели на неё, завидуя тому покою, в котором она прибывала.

— Спит еще? — звонкий голос прибежавшего снизу Черса в одно мгновение разрушил эту благословенную иллюзию.

— Сейчас разбудим, — уверенно сказал Коратцо и начал читать заклинание.

Делал он это долго. На публику. На самом деле хватило бы двух слов, которые он произнес в самом конце.

Девушка зашевелилась и как-то с ленцой приоткрыла глаза. Увидела в комнате трех молодых мужчин. Удивилась. Но в отличие от утреннего пробуждения, истерики закатывать не стала.

— Кто вы такие? — спросила она.

— Те, кто спас вам жизнь, — лаконично ответил Коратцо.

— Спасибо, — поблагодарила девушка.

— Вы находились в плену очень странного су-

щества, — вступил в разговор Сигурд. — Его попытались убить двое местных Хозяев, и оно сбегало из вашего тела.

— Я припоминаю, — поморщилась девушка. — В меня выстрелили из арбалета, и я потеряла сознание. Я думала, что умру. Рана показалась мне очень серьезной. Похоже, и в самом деле есть, за что вас поблагодарить.

— Лучше всего вы это сделаете, — сказал Сигурд, — рассказав нам о том существе.

— Я тебя помню, рыжий, — сказала Тара, приглядываясь к ваниру. — Ты сегодня пытался познакомиться со мной на базаре. С тобой был еще здоровенный черноволосый парень. Его звали Конан, а тебя, кажется, Сигурд.

— Всё верно, — помощник капитана кивнул в знак согласия. — Только это было не сегодня, а вчера. Вы целый день пролежали без сознания.

— Давай на «ты», — предложила Тара. — Так легче будет. К тому же несколько странно, когда столь вежливо с тобой обращается мужчина, видевший тебя обнаженной.

При этих словах Тара выразительно глянула на повязку. Накладывали её, естественно, не поверх кольчуги.

— Хорошо, — улыбнулся ванир. — Оставим куртуазность для других.

— Так-то лучше, — сказала воительница. — Что вы хотите услышать о существе?

— Всё, — одновременно произнесли Коратцо и Черс.

— Тогда лучше начать с самого начала, —

предложила Тара. — Ванир в курсе некоторых особенностей моей биографии. Он успел вам их пересказать?

Коратцо и Черс замотали головами.

— Дело в том, что я профессиональный убийца, — начала повесть Тара, — которому наскучила его профессия. Я не говорю, что мне надоело отнимать человеческие жизни. Вовсе нет. Просто мои наниматели в силу объективных причин не могли по достоинству оценить мои способности. Они — маги.

— Черный Круг, — пояснил ванир, хоть никто его об этом не просил.

— Именно, — сказала Тара. — Стигийский Черный Круг. Я на протяжении долгих семи лет убивала тех, на кого мне указывали. Потом мне это надоело, и я от них ушла. Стала думать, чем заняться дальше. Менять профессию мне не хотелось, так что выбор был лишь в том, к кому наняться. Казался очень привлекательным вариант с государствами Восхода, но взвесив все «за» и «против», я поняла, что не справлюсь. Не хватило бы мне опыта, чтобы разобраться во всех хитросплетениях тамошних интриг. Идти работать в Вертрауэн или Латерану, немедийская и аквилонская тайные службы соответственно, было глупо. У тамошних начальников предубеждения перед Стигией и всем, что с ней связано. О продвижении вверх с моим прошлым можно было бы забыть. Тогда я и остановила свой выбор на Побережье. Здесь накал интриг всегда высокий, и талантливые люди Хозяевам потребны. Магия

же во многом артефактная, так что по этой части у меня тоже проблем бы не возникло.

— Интересная история, — сказал Черс, — но какое она имеет отношение к духу, который поселился в вас?

— Косвенное, — признала девушка. — Просто не знай вы, кто я такая, непременно начали бы задавать глупые вопросы. Я могу продолжать или мне сразу перейти к сути вопроса?

В голосе Тары звучала плохо скрываемая ирония.

— Ведите свой рассказ так, — сказал Коратцо, — как считаете нужным.

— Спасибо, — хмыкнула Тара. — В Сартосе я уже бывала несколько раз. Выполняла задания моих предыдущих нанимателей. Идти к Хозяевам я не спешила, решив сначала немного осмотреться вокруг. Очень кстати пришлось помощь Бродо. Он работает на Черный Круг... или работал?

— Работает, — рассеял сомнения воительницы Черс.

— Бродо следит за происходящими событиями, отправляет в Луксур соответствующие депеши, обеспечивает оружием прибывающих в Сартос агентов. Маленький винтик в огромной системе. По старой дружбе аргосец предложил мне пожить у него. Я не сомневалась, что о каждом моем шаге он будет докладывать в Черный Круг, но скрывать мне было нечего. Напротив, я хотела показать стигийцам, что опасности для них не представляю. Узнав о разыгравшемся шторме и

последующем запрете на магию и торговые сношения с Хозяевами, я не сильно расстроилась. У меня оказалось в запасе несколько седмиц, чтобы досконально изучить город и его обычаи. И вот однажды вечером я сидела в «Морском Змее», потягивала вино, расслаблялась после трудного дня. Ко мне подошел молодой человек. Он был очень хорош собой. Особенно меня завораживали его волосы, седые словно у старика. Мы разговорились. Слово за слово, бокал за бокалом мы оказались у меня в комнате. Я была отнюдь не прочь поразвлечься, мне нравятся мужчины, и я им нравлюсь.

Коратцо не смог сдержать язвительной ухмылки. Он-то точно знал, что ни один человек не вынесет тех изворотов, на которые способен братец.

Тара заметила изменившееся выражение лица духа Камня. Коратцо был готов поклясться, что если бы не слабость, она бы до него одним прыжком долетела и придушила на месте. Означало это лишь то, что догадка верна. Девушке в последующие дни пришлось несладко.

— Извини, не сдержался, — сказал он. — Продолжай, пожалуйста.

На самом деле еще как сдержался! Так и подмывало спросить, а собачкам, рыбкам и группам портовых рабочих она тоже нравится?

— Я тебя убью, — с улыбкой пообещала она Коратцо. Дух не сомневался, что она попытается претворить угрозу в жизнь, но отнесся к этому с некоторым небрежением. — Ночь мы провели во-

истину замечательную. Ни на одно мгновение я не сомкнула глаз. Мой новый знакомый оказался великолепным любовником. Я чувствовала себя пятнадцатилетней девчонкой. В голову лезли исключительно дурные мысли. Я лежала на смятых простынях, блаженствовала, засыпала его комплиментами. Отреагировал он лишь один раз, когда я сказала ему, что он бог. Незнакомец, я даже не узнала его имени, ответил, что я близка к истине. Говорил он это совершенно серьезно. Я это различила, несмотря на то своё состояние.

Коротцо подумал, что брат стал излишне тщеславен. Раньше он себя к когорте богов не причислял, и даже не приближал к ней.

— Тогда я поинтересовалась, — продолжала Тара, — кто же он такой. И мой любовник начал свою невероятную повесть. О том, как он с тремя братьями был заключен в некоем Камне, о своем освобождении и прошлой жизни, о том, как слуги его отца предательски расправились с ним. Я попросила исполнить какой-нибудь магический трюк. В ответ на мою просьбу он остановил своё сердце и спросил, занималась ли я этим с мертвецом. Я ответила, что нет, и желаю это исправить. Так наша беседа прервалась на некотором времени. Дайте мне кто-нибудь вина, в горле пересохло.

Черс побежал вниз за кувшином.

Возвращения его ожидали в полной тишине. Коротцо размышлял об успехе брата у женщин. О чем думали Сигурд и Тара, дух Камня не ведал.

— Держи, — Черс сунул бокал с вином Таре.

Кувшин предусмотрительно поставил неподалеку. — Кисловатое, но нам нравится.

— Спасибо, — ответила воительница, напившись вдоволь. — По мне тоже ничего. На чем я остановилась?

Дух Камня порывлся в воспоминаниях зингарца. Тому однажды довелось взять на абордаж корабль с группой ученых мужей из Тарантии. Покойный пират любил подолгу слушать их речи. Потом они ему надоели, и он велел всех их повесить. Вот одно словечко, доставшееся памяти зингарца в те дни, и выудил на свет Коротцо.

— На некрофилии, — с немалой гордостью произнес он.

Девица таких ученостей не знала и явно заподозрила, что над ней издеваются. Слава богам, Черс успел влезть в разговор.

— На том, как любовник концы отдал, — с готовностью подсказал юнга.

— Вспомнила, — сказала Тара. — Когда ко мне вновь вернулась способность думать, я поняла, что нахожусь в одной постели то ли с магом, то ли и вправду с полубогом. Еще раз мысленно пробежавшись по его рассказу, я обратила внимание на одну деталь. В прошлый раз его убили, а он столь беспечно ведет себя. Я же вполне могла оказаться наймитом его отца. Он в ответ на мои подозрения лишь рассмеялся. Сказал, что ныне опасность исходит не от его отца, а от братьев. И тогда я предложила служить ему. С одной стороны, это была замечательная практика, с другой, — я по уши влюбилась в это существо.

— Он пожелал, чтобы ты убила его братьев? — поинтересовался Сигурд.

— Нет, — ответила воительница. — Он хотел просто найти трех оставшихся духов. Мой любовник слишком боялся своих братьев, чтобы решиться бросить им вызов.

— Не понимаю, — удивился Сигурд. — Что за позиция? Он собирался вечно бегать? Рано или поздно его бы достали.

— Помнишь, что я сказала тебе на базаре? — спросила Тара. Голос его дрогнул.

— Что скоро в Сартосе не останется ни одного живого человека.

— Эта чистая правда, — сказала воительница. — Мой дух в этом не сомневался. Он ждал гибели города. В этом он видел и своё спасение. Подробностей я не знаю. Он никогда не позволял заглядывать в глубь своего сознания.

— Бред какой-то, — замотал головой Коратцо. — В тех пророчествах о явлении духов Камня в наш мир, с которыми я знакомился, ничего не говорится о массовой гибели людей.

Черс обеспокоено на него глянул. Юнга отлично знал, что никаких предсказаний не существует. Просто Коратцо не мог прямо сказать, что ни один из братьев не способен уничтожить целый город. Да и какой прок от этого любовнику?

Дух Камня коротко кивнул Черсу и поднес палец к губам, давая понять, что разговаривать при всех он не желает.

— Он точно чего-то ждал, — не желала сдаваться дева. — Или кого-то. Не знаю.

— Ладно, — сказал Коратцо, — потом подумаем, что бы это могло быть. Я так понимаю, Тара, дух принял твою помощь?

— Да. Я разрешила ему проникнуть в мои воспоминания, чтобы он лично убедился в моих способностях. Потом он создал на стене нашей комнаты великолепную иллюзию. Одно за одним перед нами возникали лица тех людей, что отправились в поход за Камнем. Он объяснил мне, что скорее всего оставшиеся духи находятся внутри одной из этих оболочек. Мне предстояло их выследить.

Коратцо обрадовался, что успел изменить свою внешность. Иначе дева вполне могла бы его узнать.

Еще духа насторожило то, как свободно его брат пользовался магией. Он что, не понимает, что своими действиями приближает возрождение отца? Становилось понятно, откуда покойник черпает свои силы. Совместные усилия двух, а если и безумец к ним присоединился, то и всех трех братьев дадут отцу хорошую подпитку.

Идиоты! Надо быстрее с ними расправиться. Иначе зверь вырвется на свободу.

— Следующие несколько дней были предвестием того кошмара, в который мне предстояло погрузиться. Я, как последняя дуручка, верила, что мой дух будет хранить мне верность, пока я оберегаю его покой. Он же пустился во все тяжкие. Одних только девиц я повидала с ним десятка два. Клянусь Дэркету, я хотела от него уйти, но не могла. Слишком велика была моя любовь к

этому существу. К тому же по ночам он мне дарил такое блаженство, что я забывала все свои обиды. Днем я, как одержимая, рыскала по Сартосу. Несколько раз мне казалось, что я видела человека, похожего на одного из тех моряков, что показал мне мой дух в гостинице. Но неизменно выходило так, что это оказывалось ошибкой.

— Сколько дней назад ты впервые его встретила? — спросил Коротцо.

— Десять или одиннадцать, — ответила Тара.

Огромных усилий стоило Коротцо скрыть своё удивление. Братец неведомым образом оказался в Сартосе на пять дней раньше него. Такого просто не могло быть. Течение разве что какое-нибудь его вынесло. Духи, как и всякие существа магические, стремятся к людским краям, в каком бы состоянии они ни пребывали. Но делать это они должны с равной скоростью. С братом было явно что-то не так. Очень жаль, что маги тогда его не пристрелили!

— А бордель когда он открыл? — поспешил узнать Сигурд.

Тару слегка перекосило. Бордель, похоже, стал предпоследней каплей для её терпения. Что могло бы оказаться последней, узнать уже никому не суждено.

— Пять дней назад, — выдавила из себя она. — Нанял в него кучу каких-то девок и здорового толстого ублюдка. Туда же он и сам переселился. Теперь в нашей постели постоянно оказывались эти его работники. Как я хотела его убить!

— Что же не убила? — спросил Черс.

— Как?! Он же дух!

— Не предупреждала бы о визите брата, — предложил вариант Сигурд.

— Так ты и об этом знаешь, рыжий?! — охнула Тара. — Был тогда в борделе?

— Нет. Мне рассказывали.

— Пойми, не в моих принципах, — сказала воительница, — вот так подводить заказчика. Даже, если бы никто и не узнал о моем предательстве, я сама себе стала бы противна.

— Дух твоего благородства не оценил, — заметил Сигурд.

— Да, он влез в моё тело и попытался оказаться как можно дальше от своего брата. Это ужасные ощущения, когда ты всё видишь, всё понимаешь, но ничего сделать не можешь. Я чувствовала пульсацию его страха. Не человеческого. Люди так не боятся.

— Куда именно он направился? — поинтересовался Коротцо.

— Сначала в порт, потом в бедняцкие кварталы, — с отвращением произнесла девушка. — Щупальца этого существа проникали в мои мозги. Я практически физически это ощущала. Он копался в моих воспоминаниях, находил что-то подходящее, доходя в этот момент до экстаза. Буквально, Сет его возьми! Затем бежал, как сумасшедший, не переставая ни на миг колдовать.

— Проклятье, — проронил Коротцо. — К счастью, никто не понял, к чему именно относилось это высказывание.

— Успокоился он только на следующее утро, — продолжила Тара. — Попытался завести со мной беседу. Меня тошнило от его присутствия в моей голове.

— Я думаю, — предположил Сигурд, — ты смогла себя преодолеть.

— Это было непросто, — признала девушка. — Но я слишком хотела жить. Пришлось смириться с тем, что эта тварь теперь неотъемлемая моя часть. Тем более, что иного выхода у меня не было. Дух, кажется, наконец понял, что если он и дальше будет самостоятельно пользоваться моим воспоминаниями, то ничего хорошего из этого не выйдет.

— Он не мог связать причину и следствие, — сказал Сигурд. — Имел на руках множество отдельных фактов, а соединить их у него не получалось.

Девушка удивленно глянула на Сигурда. Большинство людей недооценивало интеллект ванира, полагая его простой горой мускулов. Первый помощник капитана с удовольствием пользовался этим.

— Пожалуй, всё так, как ты говоришь, — согласилась Тара. — Он предложил вернуть мне власть над моим телом. Сам он при этом становился наблюдателем, команды которого я должна была беспрекословно выполнять. Разумеется, я на это согласилась.

— Чей образ жизни вы вели? — спросил Сигурд. — Твой или духа?

— Скорее его, — ответила воительница. — Я

по его указкам выискивала для него развлечения. Если вы позволите, то подробности я опущу. Поверьте, это было достаточно мерзко. Фантазии у этого существа совершенно безумные.

— Скажи хотя бы, в какой части города вы проводили время? — настаивал Сигурд.

— В кварталах бедняков. Там люди падки на золото. Ради одной монетки они согласятся на что угодно. Иногда мы забредали на базар и в порт, но такое случалось редко. Дух очень боялся, что его обнаружат. Даже в своих развлечениях он был вынужден себя ограничивать.

— Он предлагал тебе что-то конкретное, — спросил Сигурд, — а ты разубеждала его, говоря о возможной опасности?

— Он сам себя разубеждал, — ответила Тара. — Своего рода мысли вслух. Любил он этим делом заниматься. Раздражала меня эта его привычка просто неимоверно.

— То есть каждый день и каждую ночь вы проводили в новом месте? — продолжил задавать вопросы ванир.

— Нет. Ночевали мы здесь. У Бродо. Дух в первую же ночь потребовал, чтобы я соблазнила аргосца. Ему нравилось наблюдать за мной со стороны. Радовался, наверное, тому, какую способную ученицу взрастил. А я ведь и вправду опыта за эти три дня набралась немало. Так хорошо Бродо обработала, что он даже депеши в Луксур отправлять перестал. Вот только с каждым днем, с каждым колоколом мне становилось всё противнее и противнее. И дело не в том, на

какие извращения меня подбивало существо, поселившееся в моей голове. Мне казалось, что я предаю весь род человеческий, являюсь пособницей наимерзопакостнейшей твари, которая только и ждет того момента, когда весь этот город провалится в тартарары, а до тех пор старается оттянуться на полную катушку.

Девушка горько усмехнулась и подмигнула Сигурду.

— Так что, рыжий, когда я встретила тебя, — сказала она, — и того здоровенного киммерийца, во мне что-то переклинило. Я решила, что должна помочь хоть кому-то, сделать напоследок доброе дело. И сказала вам то, что успела.

— Видишь, не напрасно, — улыбнулся Сигурд. — Добрые дела вознаграждаются. Ты хотела спасти нас, а мы спасли тебя.

— Странно слышать подобные вещи от пирата, — рассмеялась Тара. Перевалившись на край кровати, она взяла кувшин с вином, проигнорировала бокал и начала пить прямо из горлышка. — Духу мой поступок очень не понравился. Он решил, что слишком засиделся в моем теле. Вновь он выгнал меня на задворки моего сознания. Я могла лишь наблюдать за тем, как он перебирает мои воспоминания, выискивая для себя подходящее тело. В конце концов он остановил свой выбор на двух вольных наймитах. Они, подобно мне, совершали заказные убийства, вот только работать предпочитали на частных лиц. Мерзкие типы. Совершенно без принципов. Служат тому, кто больше платит.

— И где он собирался их искать? — спросил Сигурд.

— У Бродо, — ответила девушка. Потом несколько мгновений наслаждалась произведенным эффектом. — Они заказали у аргосца два десятка метательных кинжалов. Бродо славится своими умениями в деле изготовления метательного оружия. Он настоящий мастер. Сегодня днем они должны были прийти к нему в лавку за своим заказом.

Черс позеленел. Наконец выяснилось, с кем он имел сегодня днем беседу.

— Там их и должен был встретить наш дух, — продолжала девушка, не заметившая реакции юнги. — Всё ещё в моем теле. Он намеревался заманить их в лавку. Ну, а затем прикончить меня и одного наймита. Сам же планировал занять тело другого. Потом была очередь Бродо отправиться на прогулку на Серые Равнины. Этот ублюдок еще имел наглость консультироваться у меня, как это всё проверить незаметно для окружающих. Я сходила с ума от ненависти, силилась выкинуть его прочь из моего сознания. Он же наслаждался моим гневом. И самое противное то, что все моё тело реагировало на это его ощущение...

— Он придумал, как остаться незамеченным? — спросил Сигурд, пропустив мимо ушей гневную тираду девушки.

— Нет, — ответила воительница. — Он не слишком сообразителен. А в делах кроваво-тайных вообще полный профан. Если бы он не дога-

дался, как скрыть факт убийства на базаре, то на обмен тел бы не решился. Мне, правда, от этого легче бы не стало. От моей оболочки он собирался избавиться в любом случае.

— Ты стала слишком опасной? — предположил Сигурд.

— Ему надоело однообразие! — почти одновременно с ваниром произнес Коратцо.

Тара в очередной раз нехорошо посмотрела на духа Камня, но, подумав, согласно кивнула.

— Рыжий, твой товарищ прав, — сказала она. — Я ничего не могла ему сделать. От комаринного укуса вреда было бы больше, чем от моих потуг выкинуть его из своей головы. Ему приелись те ощущения, что он испытывал в моем теле. Захотелось чего-то новенького.

— Как думаешь, он отступился от идеи преследования наймитов? — спросил Коратцо.

— Кто знает? — пожала плечами девушка. Движение вышло неудачным, и рана мгновенно отозвалась болью. Тара скривилась. — Возможно, он выберет своей жертвой «лилового» или какого-нибудь пирата поздоровее. Ему нужно тело, в котором он мог бы чувствовать себя в полной безопасности.

— Итак, что мы имеем? — подвел итог Сигурд. — Место вероятного пребывания нашего духа — бедняцкие кварталы. Тело — воин, пират или конфидент. Учитывая его склонности, это уже немало. Для начала поисков должно хватить.

Коратцо согласно кивнул. Поиски брата-любовника становились первостепенной задачей.

Слишком много тайн с ним связано. С магом можно будет разобраться потом. Когда капитан Конан нанесет визит в поместье Хозяев.

— Если вы не возражаете, — обратилась Тара к трем мужчинам, — я немного отдохну. Плохо себя чувствую. Обещаю утром помочь вам в составлении плана поисков. У меня к этой твари есть пара должков.

— Конечно, отдыхай, — сказал Сигурд.

Черс пробурчал что-то непонятное, вроде «приятного отдыха».

— Сладких снов, — пожелал девице Коратцо.

Дух не пожалел заклинания, которое бы оповещало его о том, что девушка покинула комнату. Сделать это она могла, разумеется, только через дверь. На окне давным-давно лежала колдовская печать.

Глава 10

О реальности иллюзий

Молодой человек был изрядно навеселе. Его шатало. Он орал в полный голос песню, где главный герой обещал больше никогда не пить и не принимать выжимку из лотоса. Друзья его за это называли предателем... Слуха у парня не было никакого, зато желание донести глубинный смысл песни до окружающих присутствовало в полной мере.

Фраза товарищей главного героя: «Ты всех нас предал!» разносилась на добрую половину Саргоса.

— Заткнись! — раздался крик из окна над головой юноши.

— Пошли к Нергалу! — отозвался молодчик и продолжил пение.

Одет парень был вполне себе прилично. Дорогая рубашка, штаны. На поясе покачивался отделанный драгоценными камнями кинжал. По со-

седству с ним располагался набитый монетами кошель.

Монтейро не спеша брел вслед за юнцом. Митрианец по-хорошему ему завидовал. Ему самому было не дано вот так напиться, брести неведомо куда и горланить песню, которую всего полколокола назад услышал в кабаке.

Монах заглянул в окно, из которого парня просили заткнуться.

Никого. Полнейшая тишина. Монтейро не сомневался, что поднимись он наверх, обнаружит лишь пустой дом с обстановкой, покрытой многомесячным слоем пыли.

Настоящими в этом мире были только он и пьяный юнец.

Внезапно пение стихло. Монтейро насторожился. Он уже успел выучить слова песни наизусть. Парень остановился где-то посередине. Непроста.

Митрианец в несколько шагов нагнал парня и встал по правую руку от него. Юноша на это никак не отреагировал.

Его внимание было приковано к человеку с арбалетом и двум его товарищам, выходявшим из переулка.

Палец арбалетчика был приложен к губам. Парень, похоже, воспринял это, как очередную команду заткнуться, и на этот раз послушался. Потому песнь и замолкла.

Монтейро огляделся по сторонам. Обнаружил деревянную бочку у одного из домов. На неё и уселся. Отсюда открывался отличный вид. Мит-

рианец собирался насладиться представлением. Благо, разыгрывалось оно именно для него.

Дружки арбалетчика приблизились к парню. Одеты они были в жалкие лохмотья, кинжалы в их руках разве что не заржавели. Глаза обоих явно страдали от какой-то болезни. Из них вытекала мерзкая слизь, вызвавшая у Монтейро рвотные порывы.

Арбалетчик не был столь отвратен. Лицо у него не выглядело болезненным, и осанка была крепкая. Рвань, которую он носил, скорее всего являлась данью местной моде. Монтейро уже сообразил, что оказался в одном из бедняцких кварталов Сартоса.

— Давай сюда кошель, юноша, — потребовал один из подручных.

После этой фразы он зашелся в приступе кашля.

Молодчик явно колебался. Правая рука его так и тянулась к кинжалу, но арбалет в руках противника был весомым аргументом.

Он снял с пояса кошель и бросил его под ноги грабителям.

Те одновременно бросились на него, сиюминутно завладев золотом. Сцена выглядела настолько комично, что Монтейро расхохотался. Больше никто из присутствующих его веселья разделить не пожелал.

— Теперь ножичек и одежду, — продолжил излагать свои требования подручный.

Монтейро не сомневался в том, какая реакция последует на эти слова. Мирно встреча закон-

читься никак не могла. Иначе он бы здесь не появился.

Юноша медленно извлек из ножен кинжал, словно собирался вручить его похитителям. Те довольно заулыбались. Тогда юнец резко выпрыгнул вперед, рубанув по горлу одного из болезненных. Второго схватил за шею и прикрылся им, как щитом.

— Думаешь, я его пожалею? — это были первые слова, которые произнес арбалетчик. Голос у него оказался невероятно низким.

Через мгновение арбалетный болт впился в шею плененного грабителя. Юноша не сумел удержать внезапно потяжелевшее тело.

Он стоял с окровавленным кинжалом в руке и глупо смотрел на перезаряжающего свое оружие арбалетчика.

Грабитель усмехнулся и выстрелил. Молодчик осел на землю. Монтейро подумал, что песня оказалась пророческой. Выпить еще разок ему и впрямь было не суждено.

Арбалетчик неторопливой походкой приблизился к юноше. Склонился, достал из-за пазухи нож, чтобы срезать кошель с пояса. В этот миг правая рука юноши взметнулась в направлении грабителя. Кинжал, находившийся в ней, пронзил арбалетчику горло.

Митрианец спрыгнул со своей бочки и подошел к месту побоища. Все грабители были мертвы. Юноша еще дышал, но судя по ране в груди, жить ему осталось недолго.

Всё, как всегда.

Сейчас должно опять начаться.

Мир померк, погрузился в темноту.

В висках митрианца зародилась боль.

Вскоре она достигла своего апогея и пошла на убыль.

Из темноты возник свет.

Монтейро очутился в богато обставленной комнате. На полу лежали пушистые туранские ковры. Такие зингарец видел только на гравюрах, повествующих о растлевающем действии накопления золотых запасов. Стены были отделаны различными земными камнями. Митрианин не знал их названий, но на его восхищении работой неизвестных мастеров это никак не отразилось. Он и подумать не мог, что подобную красоту можно сотворить, не обращаясь к помощи золота, серебра и драгоценных камней.

На потолке раскачивалась огромная бронзовая люстра, на которой было установлено никак не меньше четырех десятков свечей. Но сейчас в них не было нужды. Солнечные лучи без труда проникали внутрь комнаты через два широких окна.

Столь обильное освещение пришлось очень кстати. Монтейро хотелось повнимательней рассмотреть висевшие на стенах картины. Если видения неизбежны, то почему не начать получать от них удовольствие.

Представленные в комнате творения живописцев внушительными размерами не отличались. Это Монтейро записал им в плюс. Он с содроганием вспоминал виденные им в Кордаве по-

лотна. Гигантские, с обилием обнаженной человеческой плоти на холсте, написанные омерзительно яркими красками. Они вызывали лишь одно желание — отвернуться.

Авторы местных гравюр по большей части оказались любителями красот дикой природы. Джунгли, водопады, океан, лес в лучах закатного солнца. Монтейро не понимал всей прелести этой живописи, но чувствовал, что она прекрасна, а потому восхищался ею.

Короткий всхлип заставил монаха отпрянуть от полотен.

В углу комнаты сидел маленький мальчик пяти-десяти лет. Он сжался в комок и тихо плакал. Обитатель комнаты казался таким несчастным и ничтожным, что возникало ощущение, что он вот-вот растворится в безграничном море пушистого туранского ковра.

Монтейро понял, что именно из-за этого мальчика его сюда и занесло.

Тут монахом завладело непреодолимое желание распахнуть двери этой прекрасной комнаты и направить свои стопы в соседнее помещение. Противиться Монтейро не стал. Кто знает, чем может отплатить иллюзорный мир за неповиновение.

Вот только двери распахнуть не получилось. Они, подобно многим вещам в видениях, преследовавших монаха, были неосязаемы. Пришлось уподобиться призраку и просто-напросто пройти сквозь препятствие.

Новая комната оказалось столь же богатой и

опрятной, как и предыдущая. Только в её оформлении преобладали уже не нежно-голубые тона, а желтовато-оранжевые. Это придавало обстановке чуть больше жизни. А может дело было не в самой комнате, а в её обитателях.

У окна в резном деревянном кресле сидел мужчина средних лет. Монтейро он показался красивым. Темные волосы, орлиный нос, волевой подбородок. Но поза мужчины внешности не соответствовала. Как мальчик вжимался в ковер, так он вжался в кресло.

Вторым живым существом, не считая Монтейро, была небольшого роста женщина. Монах немного подумал и решил, что он правильно подобрал определение. Хозяйка дома, а в том, что это именно она, можно было не сомневаться, несколько лет назад вышла из того возраста, когда её следовало именовать девушкой. Но красоты она не утратила, а огню, горевшему в её голубых глазах, позавидовали бы многие.

— Пора уже принимать решение, — сказала хозяйка.

В голосе её слышался яд. Монтейро уже встречал обладателей подобных голосов. Они приходили охотно на исповедь и честно каялись во всех своих прегрешениях, зная, что монах под страхом смерти не выдаст их тайну. Нет, они не сожалели о своих деяниях. Просто они стремились обмануть Пресветлого, как обманывали всех окружающих.

— Мы себе этого никогда не простим, — отозвался мужчина.

Монах не сомневался, что он уже сдался. Правда, пока не известно чему, но выяснить это вопрос времени.

— Нельзя останавливаться на полдороги, любовь моя.

— Если бы я мог, то повернул бы время вспять.

— Не глупи. Ты же никогда не любил его мать. Она была страшна собой и ужасно невоспитанна.

В дверь раздался стук!

— Заходите! — дала разрешение хозяйка.

— Обед для молодого графа, — произнесла вошедшая в комнату старуха. В руках она держала поднос с супом, жареной птицей с овощами и кувшином с неизвестным напитком.

— Оставьте здесь, — велела хозяйка. — Я сама покормлю графа.

Старуха поставила поднос на стол, поклонилась и вышла прочь.

— Ты готов? — спросила хозяйка у мужчины. Он смолчал.

Тогда женщина подошла к шкафу, стоявшему у одной из стен, выдвинула маленький, незаметный ящичек и достала из него флакон с фиолетовой жидкостью.

— Постой! — выкрикнул мужчина, когда хозяйка собиралась проронить первые капли зелья на графский обед.

— Он же даже не твой сын.

— Иногда мне кажется, что я люблю его, как своего.

— А мне иногда кажется, что ты не любишь меня.

— Как ты могла такое подумать?!

— Тогда решайся.

— Хорошо.

Мужчина кивнул и закрыл глаза.

И вновь красок не стало.

Темнота.

Боль.

Сильнее.

Еще сильнее. Уже почти невыносимо.

Становится легче. Можно дышать.

Появился свет.

Начало нового видения вышло неожиданным. Очнувшись, Монтейро обнаружил себя в седле пегого жеребца, который спокойно трусил по дороге, ведущей в джунгли. Монах потрепал гриву лошади, чтобы убедиться в её непрозрачности. Рука ощутила самый обыкновенный конский волос. Проходить сквозь него она не желала.

— Хороший, — обратился Монтейро к коню.

Прежде ему редко доводилось ездить верхом, но сейчас он был уверен, что с ним ничего плохого не случится. Он здесь лишь наблюдатель.

Монах покачивался в седле и глазел по сторонам. Направлять коня он не собирался, да и вряд ли ему такое позволят.

По небу бежали редкие перистые облака. Со стороны Сартоса дул свежий ветер. Доносилось щебетание птиц. Монтейро расслабился, отпустил вожжи и стал наслаждаться единением с природой. По опыту предыдущих видений он

знал, что на это занятие ему отпущено от силы полколокола.

Конь медленно, но верно приближался к границе джунглей. Где-то здесь должны были находиться главные герои грядущего представления.

Монтейро прикинул, что будет, если он просто откажется от просмотра. Заткнет уши и отвернется. Зачем портить столь прекрасный день очередной кровопролитной сценой? Стоило все-таки начать обдумывать эту перспективу, как его собственное тело отказалось ему служить. Он не мог пошевелить ни руками, ни ногами, ни головой. Глаза смотрели в строго заданную точку.

Но вскоре это оцепенение воли спало. Видение показало митрианцу, кто здесь главный. Его сюда не птичек слушать привели, а на горе человеческое смотреть.

Непосредственным его выражением, видимо, суждено было стать парню, ехавшему на гнедой кобыле в десятке шагов впереди него. Монтейро точно помнил, что еще несколько мгновений назад этого всадника здесь и в помине не было.

Парень, подобно митрианцу, никуда не спешил и наслаждался погожим деньком. Монтейро быстро догнал его. Монах возжелал первым углядеть опасность, подстерегающую его призрачного спутника. Навряд ли это будут разбойники. Парень одет был бедно, взять с него явно нечего. Разве что кобылу, да и на ту редкий грабитель позарится. Больно уж худа. Скорее всего из зарослей выскочит какой-нибудь хищник и загрызет несчастного всадника.

Но и это предположение оказалось ошибочным.

Пред взором путников возник раненый воин, лежащий на краю дороги. Дорогой начищенный доспех несчастного был пробит ударом то ли меча, то ли топора. Из раны вытекло море крови. Странно, что бедняга был еще жив.

Парень соскочил со своей кобылы и бросился к раненому. Тот застонал, увидев приближающегося человека. Спутник Монтейро начал было перевязывать рану куском ткани, оторванным от рубахи, но воин остановил его.

— Я уже покойник, — проговорил он.

Митрианец спешился и подошел поближе. Ему хотелось послушать разговор.

— Не хорони себя раньше времени, — бойко проговорил парень и сжал руку воина. — Я приведу помощь. Тебя вылечат.

Воин закашлялся. Только как-то странно. Внезапно Монтейро понял, что это он так смеется.

— Я повидал много ран, парень, — прохрипел воитель. — Меня уже не спасти. А если хочешь мне помочь, выполни мою последнюю просьбу.

— Да, конечно, — кивнул парень. У него в глазах стояли слезы. Казалось, ему было невыносимо больно смотреть, как смиренно принимает смерть этот человек. — Что угодно.

— Сними с моей правой руки перчатку, — сказал воин.

Слова с неохотой срывались с его языка. Тело раненого просилось на Серые Равнины.

Парень исполнил просьбу.

Воин стащил с одного из своих пальцев золотой перстень с огромным изумрудом и вложил его в руку парня.

— Это наша фамильная драгоценность, — объяснил он. — Отыщи в Сартосе моего сына и отдай ему перстень. Его зовут Хосе Тьяго. Обещай, что исполнишь! Поклянись!

Воин так сильно сжал кисть парня, что тот чуть не заорал от боли.

— Клянусь Сетом, — сказал он.

Воин ему поверил.

Монтейро тоже.

— Теперь возьми мой меч, — сказал воин, — и добей меня. Не хочу подыхать, как собака...

Парень подобрал с земли оружие несчастного. Монтейро удивился, почему люди, одолевшие воина, оставили такой прекрасный меч валяться на земле. За него можно было выручить немало золота. Одни камни на эфесе тянули на приличную сумму.

— Бей, — произнес воин. На устах его застыла улыбка.

Парень держал меч неумело. Во всяком случае, так показалось Монтейро. Но удар вышел, что надо. Видимо оружие решило сослужить последнюю службу своему хозяину.

— Вот ты и попался, разбойник!

Монтейро и парень одновременно обернулись на звук голоса, исполненного праведного торжества.

На дороге стояло четверо всадников в форме стражей Сартоса. На шлеме одного из них была

повязана лиловая ленточка. По самодовольной ухмылке, блуждавшей на его лице, становилось понятно, что говорил именно он.

— Думал, что сможешь безнаказанно грабить и убивать несчастных путников?! Брось меч на землю!

— Я никого не грабил, ваша милость, — только и проговорил парень.

— Брось меч, тебе сказали! — гаркнул один из всадников, наводя на беднягу арбалет.

Парень позеленел от страха. Руки его не слушались. Казалось, он хотел отпустить меч, но был не в силах этого сделать.

— Вы меня с кем-то перепутали, — пролепетал он. — Я только исполнил просьбу этого несчастного.

— Мы всё прекрасно видели, — сказал «лиловый». — Сначала ты заставил отдать его перстень. Видимо, знал, что расстаться с ним можно лишь добровольно. Когда драгоценность оказалась в твоих лапах, ты его прикончил.

— Всё было не так...

— Ври больше! Целый месяц от нас бегал. Теперь понятно, как ты жертвы заманивал. Прикидывался этаким оборванцем, а потом безжалостно расправлялся с поверившими тебе людьми. Только тебе следовало бы подумать, кому ты бросаешь вызов! Хозяева снабдили нас заклятьем «скрытности», и вот результат. Проследуешь с нами добровольно в городскую тюрьму?

— Я никого не убивал.

— Приветствую твой выбор, — с улыбкой про-

изнес «лиловый», извлекая из ножен меч. — Я тоже считаю, что ни к чему нам эти судебные разбирательства.

Страж залихватски гикнул и направил лошадь на замершего в оцепенении парня. Взмах меча, и голова несчастного навсегда распрощалась с телом.

Нет красок. Нет ничего вокруг.

Только боль и ожидание того мгновенья, когда её не станет.

Тьма стала гуще, а боль еще сильнее.

И вот покой и свет.

Монтейро очнулся на жесткой лежанке.

Сквозь маленькое окошко в его келью проникали лучи солнца и освещали лицо молодого монаха. Оно было неестественно бледным. Щеки впали, губы потрескались. На висках появилась седина.

Монах встал и заглянул в кувшин, в котором держал воду. На самом дне осталось еще немного вожденной жидкости. Зингарец жадно поглотил её. Затем снова залез на лежанку и укутался в одеяло. Его бил озноб.

Он лежал, свернувшись калачиком, голова вжата в плечи, руки обнимают колени.

Вновь и вновь перед взором зингарца возникали любитель песен и вина, маленький мальчик, вжавшийся в ковер, несчастный бедняк, по нелепой ошибке сложивший голову. Все они были реальными людьми, и им можно было помочь. Но это очередной шаг к безумию. Если он подчинится видениям, то уподобит себя тем умалишен-

ным братьям, что скитаются по улицам Сартоса, творя добро во имя Митры и по его велению.

Но они не люди, а он, Монтейро, пока еще человек.

Время шло, а зингарцу было всё страшнее и страшнее. Одиночество стало невыносимым.

Он поднялся, вышел из кельи и побрел сам не зная куда. Когда к нему вернулась способность думать, он понял, что очутился в исповедальне. Перед ним сидел отец-настоятель.

— О чем ты хотел поговорить, сын мой? — обратился он к зингарцу. — Я тебя внимательно слушаю.

— Я в смятении, — признался Монтейро. — Безумие рядом, оно зовет меня к себе.

— Ответ один, — сказал настоятель. Голос его был по-отечески добрым. — Молись, и Митра дарует тебе спасение. Я верю, что проклятье обойдет тебя стороной.

Монтейро внимательно посмотрел на старика. Ему показалось, что настоятель знает истину. Надо только схватить его и хорошенько потряхнуть.

Рука настоятеля легла на плечо молодого монаха. И, о чудо! Ярость погасла, осталась лишь усталость.

— Я знаю, как тебе сейчас тяжело, — проговорил старик. — Но ты должен бороться. В тебе есть силы, чтобы нести свет Митры людям. Ты нужен этому миру.

И вновь настроение монаха резко поменялось. Он стал таким же холодным и рассудительным, каким был в своих видениях.

— Сколько раз ты говорил эти слова? — презрительно бросил он настоятелю. — Ответь, сколько таких несчастных сидело перед тобой и умоляло о помощи? Ты всем им отвечал одно и то же. Те, кто сохранял рассудок, верили в твоё заступничество перед ними. Безумцам же было уже всё равно.

— Подави свой гнев, сын мой, — грозно произнес старик. — Я ни на миг не переставал молиться за спасение всех братьев, сосланных на Побережье.

— Толку от твоих молитв! — усмехнулся зингарец. — Не ври хоть самому себе. И вообще иди отсюда! Тебе пора принимать товары у своего знакомого с базара.

Настоятель побледнел. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но не смог вымолвить ни слова. Лишь замахнулся кулаком на Монтейро... и вышел вон.

Зингарец ошарашено смотрел ему вслед. Он сам не мог поверить в свои слова. Трудно представить, какая теперь жизнь ждет его в дальнейшем. Впрочем, что толку рассуждать? Послезавтра Монтейро станет совершенно иным существом, которому не будет никакого дела до храма Митры в Сартосе, обители и её настоятеля.

Он уже собирался покинуть исповедальню, как почувствовал странную пульсацию в висках. Боли не было, лишь легкий туман возник перед глазами. Закружилась голова. Зингарец почувствовал, что падает в бездонную пропасть.

И снова была тьма.

За ней пришел свет.

Монах очутился в небольшом домике. Стены были деревянные, как и большая часть обстановки. В доме было светло, хотя окон и не было. Лампы или какого иного светильника Монтейро тоже не обнаружил.

Хотя он и не искал. Всё его внимание было приковано к человеку, сидящему на длинной деревянной лавке. Это был митрианский монах, как две капли воды похожий на Монтейро.

— Здравствуй, — сказал он. — Усаживайся напротив, нам есть, о чем поговорить.

Монтейро коротко кивнул двойнику и воспользовался предложением.

— Так гораздо лучше, — улыбнулся монах из деревянного дома.

— Кто ты? — спросил его Монтейро.

— Тот, кто лучше всего тебя понимает, — ответил двойник. — Ты же хотел получить совет. Кого еще спрашивать как не самого себя?

— Ты знаешь, что со мной происходит? — Монтейро внимательно изучал свое лицо и ужасался тому, как он изменился за прошедшие сутки...

— С тобой не всё в порядке, — уклончиво ответил двойник.

— Это я и сам знаю, — рассмеялся зингарец. Он уже понемногу привык сходить с ума. — Очень скоро я стану одним из местных дурачков. Приезжие будут смеяться надо мной, а мальчишки забрасывать камнями.

— Тебе противна эта участь? — монах-видение

говорил без всякой иронии. — Ты же считаешь блаженных слугами Митры.

Монтейро задумался над ответом. Ему казалось, что и впрямь единственным человеком, способным вразумить его и направить, является этот самый двойник. Пусть он лишь игра больного воображения. Но если его рассудок способен нормально работать только в таких условиях, значит иного выхода нет, придется вести беседы с самим собой в деревянном доме.

— Это не моя судьба, — сказал Монтейро. — Я не желал становиться монахом. Меня направил случай.

— Ты уверен? — спросил двойник. — Быть может, сам Митра привел ту женщину в вашу обитель, чтобы направить к свету одного из своих слуг.

— Нет, — уверено ответил зингарец. — Я совершил ошибку, поддался чувствам и сейчас расплачиваюсь за это.

— Тем не менее ты принес клятвы, — настаивал монах. — Ты обещал нести свет Митры людям, что бы ни случилось. Твоя вера должна быть непоколебима.

— Как я могу верить в того, кто отвернулся от меня? — спросил Монтейро. — Почему Пресветлый позволяет слугам Змея так издеваться над нами? Мы гибнем здесь по воле людей, а не богов.

— Почему гибнем? — удивился монах.

— Потому что смерть лучше, чем то существование, что мне придется влачить.

— Кто знает? Срок еще не настал. Откуда такая уверенность, что ты падешь жертвой проклятья?

— А как иначе объяснить все эти видения? — спросил Монтейро. — Разве нормальный человек может запросто болтать со своим двойником, сидя неизвестно где?

— Что ты имеешь в виду, говоря нормальный? — поинтересовался монах.

— Ты уходишь от ответа, — сказал Монтейро. — Будучи мной, ты не можешь быть не в курсе моих представлений о нормальности.

— И всё-таки, — настаивал двойник. — Нормален ли отец-настоятель, что зарабатывает деньги наглым обманом? А те люди, что согласились принять условия стигийского проклятья? Считаешь их поведение нормальным?

— Это иное, — отмахнулся Монтейро.

— Я так не считаю, — сказал двойник. — По мне, они ни чем не лучше тех безумцев, участь которых ты так боишься разделить. Они в сто крат хуже. Будучи призванными нести миру добро, они сеют зло вокруг себя.

— Но я же не таков, — ответил зингарец.

— Уверен? — спросил его монах. — Ты же не желаешь стать тем существом, что служит людям и Пресветлому. Где твоя готовность жертвовать собой, митрианец?

— Может я больше пользы принесу, оставаясь самим собой?

— Ну-ну, — усмехнулся двойник. — Давай-ка припомним, когда ты совершал добрые дела.

Только не надо мне говорить о мелочах. Я хочу услышать о тех случаях, которые заметил мир.

Монтейро задумался.

Получалось, что он на самом деле прожил абсолютно никчемную жизнь. Зацепиться было почти не за что.

— Я молился за девушку в ночь перед посвящением.

— Хорошо. А еще?

Больше ничего на ум не шло. Разве что...

— Вчера я спас ребенка из огня! — ответил зингарец.

— Не может быть, — рассмеялся двойник. — Целых два поступка. Немногие люди совершают столько.

— У меня не было шанса, — развел руками Монтейро.

— Теперь он у тебя есть, — ответил монах. — Ты сможешь творить добро всю оставшуюся жизнь. Надо лишь найти в себе силы, чтобы принять этот дар и не сгубить душу за оставшиеся дни.

— Я не смогу, — честно ответил Монтейро.

— Вспомни, что ты чувствовал, когда выносил девочку из горящего дома. Радость, восторг, торжество. Слов недостаточно, чтобы передать всю ту полноту ощущений. Ты перестал быть одним из тех «нормальных», что сеют зло вокруг себя.

— Ты знаешь, каково это, быть одним из... них?

— Я знаю только то, — ответил двойник, — что знаешь ты. Мне кажется, что твое миропони-

мание постепенно приближаются к тому, как видят они. Это не так и страшно.

— Ты думаешь, я уже не человек? — спросил Монтейро.

— Ты на пути, — ответил двойник. — Вчера ты сделал первый шаг. Совершил доброе дело — спас девочку. Теперь ты можешь сделать второй, третий и четвертый. Молодой человек, мальчик и бедняк. Их жизни в твоих руках.

— Все блаженные прошли через это? — дрожащим голосом спросил зингарец.

— Не знаю, — пожал плечами монах. — Я могу лишь предполагать. Митра — милостивый бог. Он дает тебе шанс спасти от смерти всех этих людей и одновременно приблизиться к новому существованию. Ты почувствуешь, что значит творить добро, и через это, возможно, придешь к пониманию и принятию нового бытия.

— А есть ли путь назад?

— Боюсь, что нет. Лично мне не доводилось слышать о монахах с Побережья, которых преследовали бы видения.

— Значит, у меня нет выбора?

— Похоже на то, — ответил двойник. — Но ты и сам это прекрасно знаешь. Я — это ты, Монтейро.

Эхо подхватило слова монаха и закружило их по комнате. Зингарец знал, что такого не бывает, но поделаться с этим ничего не мог.

Как не мог остановить и своё падение в темную-темную пропасть.

Но страха уже не было. Полеты во тьме стали привычным делом.

Несколько раздражало отсутствие боли.

От новизны Монтейро добра не ждал.

В исповедальне он сидел по-прежнему один. Освещенная двумя десятками лампад у дальней стены возвышалась огромная статуя Пресветлого. Митра словно пытался заглянуть в глаза молодому монаху.

Монтейро сплюнул и отвернулся.

Выхода нет.

Слова монаха из деревянного дома звучали невыносимо логично. Выводы его были неопровержимы. Можно сколько угодно метаться в застенках обители, исправить ничего нельзя. Осталось только смириться и пойти творить добрые дела.

Времени в запасе было не так и много. Девочку он еле-еле успел вытащить из объятых пламенем дома. Надо спешить, иначе юнец падет жертвой грабителей.

Монтейро бегом направился к выходу из обители, отбрасывая прочь монахов, попадавшихся ему на пути.

Бежать.

Скорее.

Быстрее.

Обязательно надо успеть найти юношу.

Найти и убить ублюдка! Сделать так, чтобы перед смертью он помучился! Арбалетный болт — эта слишком большая милость для такого негодяя. Он должен поплатиться за то, что посягнул на рассудок Монтейро.

Кто-то случайно подставил монаху подножку.

Зингарец пролетел вперед несколько шагов и растянулся на земле.

— Простите, пожалуйста, — обратился к нему средних лет мужчина, протягивая руку. — Я не специально. Просто... вы так неожиданно выскочили...

— Ничего, — сказал Монтейро, принимая помощь. — Всё в порядке. Вы даже оказали мне услугу.

Мужчина непонимающе посмотрел на него, пожал плечами и скрылся в толпе.

Монах стряхнул пыль с одежды и растерушибленный локоть. Если бы не это столкновение, с него бы и впрямь сталось найти того парня и сотворить с ним что-нибудь несусветное. А ведь бедняга ни в чем не виноват. Мало того, ему и так предстоит погибнуть.

Внезапно Монтейро вспомнились слова-отца настоятеля о том, что обязательно надо во что-нибудь верить. Зингарец вовсе не желал закончить жизнь в петле с вытянутым языком, а ведь всё шло именно к этому.

Не может такого быть, чтобы выхода не было. Просто надо хорошенько подумать.

Монтейро пожелал вновь оказаться в деревянном доме. Беседа с двойником многое прояснила. Если правильно задавать вопросы, то можно дойти до сути самых запутанных вещей.

Зингарец попытался представить тьму, падение, боль, двойника. Но мир упорно не желал меняться. Видения появлялись и исчезали, следуя лишь своему загадочному ритму.

Но тот монах сказал, что он и есть Монтейро. Обстановка и прочее — это лишь его фантазии, декорации, которые служат для того, чтобы облегчить понимание происходящего. Но ведь можно обойтись и без них.

Там был один Монтейро и здесь он тоже один.

Как можно избавиться от проклятья? Раз за разом он задавал себе этот вопрос, бредя по улице в неизвестном направлении. Монтейро силился понять, как надлежит себя вести в той ситуации, в которую он попал. Следовать указаниям видений глупо. Это прямой путь в когорту блаженных. Шаг за шагом.

Можно, конечно, просто игнорировать видения, но опять же, нельзя не отметить правоту двойника. Наверняка, подобным образом поступали и до него, но что-то слухов о чудесном спасении по обители не ходило.

«А если и вправду убить всех этих людей? — подумал Монтейро. — Возможно, Митра сочтет меня негодным для служения».

Додумать эту мысль зингарец не успел. Внезапно он понял, где выход.

Надо просто обратиться к тем, кто наложил проклятье. Оно же рукотворное! Его создали Хозяева, чтобы покарать митриан, участвовавших в древнем восстании.

Они спасут его. Надо лишь предложить достаточно высокую цену. Монтейро не знал, что запросят стигийцы в обмен на спасение его разума.

Но его это и не волновало. Он был готов отдать всё.

Зингарец начал оглядываться по сторонам, стараясь понять, в какую часть города он забрел. Но у него ничего не выходило. Мысль о возможном спасении столь сильно разгорелась в голове монаха, что затмила собой все остальные. Монтейро уже ничего не соображал. Он смотрел на дома, людей, на небо и не видел ничего.

Кто-то подошел к нему, взял за руку и отвел в тень.

Там Монтейро начал понемногу приходить в себя. Мир вокруг вновь стал узнаваем.

Красивые дома за высокими заборами, множество «лиловых», слонявшихся вроде как без дела, и ни одного бедняка. Это мог быть только купеческий район. Отсюда до поместья Хозяев Побережья не так и далеко.

Зингарец быстрым шагом направился к своей цели. Потом не выдержал и перешел на бег. Лица людей, бредущих навстречу, мелькали с калейдоскопической быстротой. Силы подошли к исходу, когда до поместья оставалось всего несколько кварталов. И только тут Монтейро понял, как бы глупо он выглядел, представ перед магами весь в поту и с одышкой.

Монтейро отыскал взглядом небольшой тенистый переулок и счел его подходящим местом для короткого отдыха.

Зингарец зашел туда, прислонился спиной к стене одного из домов и закатил глаза. Здесь было хорошо. Нет палящего солнца, нет толчеи и нет проклятья. Только тень и покой.

Усталость постепенно оставляла монаха. Он

чувствовал, что готов продолжить путь. Но прежде надлежало привести себя в подобающий вид.

Монтейро долго очинял пыль с одежды, расправлял складки. Потом пытался причесаться при помощи рук. Вышло плохо, но лучше, чем ничего.

Довольный собой, зингарец вышел из укрытия. Тут же заметил, что вокруг полным-полно магов. Как только он их раньше не заметил?! Хозяева выглядели очень озабоченно и, судя по всему, к беседам склонности не имели.

Монтейро рассудил, что это, должно быть, подмастерья. С ними и смысла не было разговаривать. Ему нужен кто-нибудь из старших магов. Зингарец уверенной поступью направился к поместью.

Подмастерья бегло оглядывали его, тихо выговаривали себе под нос что-то нецензурное и отворачивались. Монтейро такое их поведение насторожило.

На людях последователи культов Митры и Сета вели себя исключительно мирно и доброжелательно, достоинства своего не унижали. Все интриги были исключительно подковерными. А тут в него разве что не плевались.

Надо было с этим разобраться.

— Вы что-то хотели мне сказать? — вежливо обратился он к группе из четырех подмастерьев.

— Иди отсюда, полудурок! — сказал один из учеников магов и оттолкнул Монтейро от себя.

Зингарец собрался ему ответить, но потом сообразил, что его перепутали с блаженным. Ни

один нормальный митрианец к логову сетовых выроdkов и близко не подойдет. Что ж, он уже не нормальный, ему можно.

Больше на кривые взгляды монах внимания не обращал.

У входа в поместье стояло на страже двое «лиловых», вооруженных секирами. К обязанностям своим они относились с прохладцей. Один, оперевшись на древко секиры, высвистывал какую-то незамысловатую мелодию. Второй вообще отставил оружие в стороны и болтал с маленьким зеленоглазым магом.

Монтейро подошел к этой троице.

— Могу я поговорить с кем-нибудь из Хозяев? — спросил он.

Зеленоглазый недоверчиво посмотрел на него.

— Сколько рыбы должен съесть дельфин, — поинтересовался он у Биреса, — чтобы в Тарантии ожила статуя Сигиберта Завоевателя?

— С вами всё в порядке? — вежливо узнал у мага Монтейро.

— Четыре раза по восемь? — проигнорировал вопрос зеленоглазый.

— Тридцать два, — не задумываясь, выдал зингарец. — Может вам всё-таки пройти в тень?

— Кажется, нормальный, — произнес первый «лиловый».

— Ты ему в глаза посмотри, — посоветовал товарищу второй. — Сразу всё ясно станет.

— Тихо! — приказал стражникам маг и обратился к монаху. — Зачем вам Хозяева?

Монтейро с трудом сдержался, чтобы не уда-

рить зеленоглазого. Маг даже не подумал извиниться за устроенную им проверку.

— Я хочу предложить им сделку, — сказал зингарец.

— Пару мгновений назад я решил, что вы нормальны, — ответил ему зеленоглазый. — Но вы, видимо, поставили своей целью удивить меня. Ваш случай и впрямь интересен. Остаточные мыслительные способности в сочетании с болезненным бредом.

— Мне казалось, — сказал Монтейро, — что Хозяева рассматривают все поступающие к ним предложения.

— Митрианец, — обратился к монаху зеленоглазый, — ты понимаешь, что ты говоришь? Я бы посоветовал тебе сходить к лекарю. У тебя, похоже, серьезные проблемы с головой.

— Лекарь мне не поможет, — усмехнулся Монтейро. — Через два дня я окажусь под действием вашего проклятья.

Зеленоглазый маг в миг посерьезнел и, нахмутив лоб, погрузился в раздумья.

Монтейро ждал, пока тот чего-нибудь решит. Стражники, почувствовав, что обстановка вышла за рамки дружеской, собрались, подтянулись, подобрали оружие на плечо и принялись активно глядеть по сторонам.

— В другое время, — наконец сказал зеленоглазый, — я бы велел тебе отправляться куда подальше. Но обстоятельства вынуждают меня согласиться на твоё предложение.

— Карфот, ты уверен? — спросил тот «лило-

вый», что до прихода Монтейро вел беседу с магом.

— Нет, но я готов рискнуть, — сказал зеленоглазый Карфот. — Митрианец, отправляйся в «Морского Змея». Поднимешься на второй этаж, найдешь пятую комнату слева. Дверь будет открыта. Сиди там и дожидайся человека по имени Рашил.

— Вы снимите с меня проклятье? — задал главный свой вопрос Монтейро.

Карфот застонал.

— Сниму, — ответил он. — Но своим поступком ты навлечешь на себя еще большие проблемы. Ты принес клятву Митре, а теперь собираешься его предать. Я не уверен, что Сет пожелает защитить тебя.

— Я уже сделал свой выбор, — твердо сказал зингарец.

— Дурак, — сказал «лиловый».

— Посмотрел бы я на тебя, — ответил ему второй, — окажись ты на его месте. Их сюда на убой привозят и ждут, что они будут вести себя, как мирные овечки. Сет оценит его смелость.

— Теперь тебе нет пути назад, — сказал Карфот зингарцу. — Я иду на немалый риск, и если ты меня подведешь, расплата будет ужасной.

— Не подведу, — ответил Монтейро.

Он был готов прыгать от радости. Его сдерживало лишь присутствие стигийцев. Он и представить себе не мог, что всё будет так просто.

— Отправляйся в таверну, — велел ему зеленоглазый. — Когда обговорите с Рашилом все де-

тали, дашь ему немного своей крови. Сегодня вечером мы проведем обряд, и ты освободишься от проклятья.

Монтейро поблагодарил мага, кивнул головой на прощанье и собрался уходить.

— Постой, митрианец! — окрикнул его один из «лиловых». — В «Морском Змее» на тебя будут нехорошо коситься, но ты не обращай внимания. Той комнатой, в которую тебя послали, последователи твоего культа часто пользуются, как переговорной. На самом деле туда приводят молодых девочек и мальчиков. Считается, что это тайна, но на самом деле все в курсе.

— Спасибо, стерплю как-нибудь.

«Лиловый» расхохотался.

Монтейро еще раз попрощался со стигийцами.

На полпути к «Морскому Змею» слуха зингарца достигли подозрительно знакомые звуки. Он остановился, попытался понять, что это и откуда оно исходит. На второй вопрос ответ нашелся скоро. В доме по правую руку от Монтейро располагался один из местных маленьких кабачков. Этакое заведение «для своих». Моряков в подобные места не пускали, а они не сильно и обижались, понимали, что жителям Сартоса иногда хочется отдохнуть от их общества.

Звуки же на поверку оказались мелодией. Монтейро недоумевал, где он мог слышать этот мотив. Музыкой он никогда не интересовался. Но тут дверь кабака отворилось и до зингарца донеслись заветные слова «ты всех нас предал».

Вот и обнаружилось то заведение, где набрал-

ся вином юнец, которому суждено встретить разбойников. Монтейро осмотрел окрестные дома, пытаясь найти какой-нибудь знакомый по видению или хотя бы определить направление, в котором двигался юноша.

Вроде более менее похожие строения располагались в маленьком переулке, уходящем в сторону полуночи. Зингарец был уверен, что времени у него в обрез, потому долго колебаться он не стал и устремился в означенном направлении.

Однажды ему показалось, что он эхо донесло до него голос юноши. Монтейро прибавил шаг. И вот слова песни стали уже вполне различимыми. Глотка у парня была еще та...

Смущало зингарца только то, что он не узнает окружающих его строений. В видении он следовал иным путем.

Еще он чувствовал, что не успевает. Парню оставалось спеть лишь пару строчек до того момента, когда он встретит грабителей.

И вот песня смолкла. Зингарец остановился, прислушался.

— Давай сюда кошель, юноша.

Голос бандита прозвучал совсем близко. Монтейро на цыпочках, стараясь не шуметь, двинулся к месту предстоящей схватки. Ни на миг он не переставал шарить глазами по сторонам. Не хватало еще по глупости подвернуться под руку бандитам!

Монтейро осторожно заглянул за угол обветшавшего дома. Так и есть, за ним скрывался арбалетчик. Как-то так получилось, что левая рука

Монтейро сама по себе нашарила в кладке дома здоровенный, готовый отвалиться камень. Монаху ничего не стоило подкрасться сзади к грабителю и аккуратно врезать ему по темечку.

— Думаешь, я его пожалею?

Сейчас или никогда!

Выбор был слишком очевиден. Арбалетный болт со смачным хрустом вонзился в грудную клетку несчастного юноши. Грабитель не спеша подошел к поверженному противнику, склонился над ним и через мгновение забился в агонии.

Монтейро достал камень из кладки. Подошел к еще живому юноше и дважды ударил его по голове. Парень затих. Дрожащими руками зингарец снял кошель с золотом с пояса мертвеца.

Монаху очень были нужны эти деньги. Он не ведал тех причин, по которым Карфот согласился на его предложение, но одно было очевидно. Сделал он это с большой неохотой, говорил о каком-то риске. Монтейро подозревал, что между стигийцами и местными митрианцами действует нечто вроде договора о невмешательстве. Некое обязательство не шпионить друг за другом. Поэтому, когда надобность в Монтейро отпадет, Карфот постарается избавиться от нежелательного свидетеля. Зингарцу такой вариант развития событий был не по душе. Он собирался перехитрить стигийцев. Для начала следовало найти надежного волшебника, который продал бы ему хороший защитный амулет. Вряд ли Хозяева решатся использовать для его устранения какие-нибудь великие заклятья. Это может привлечь

ненужное внимание. Значит, будет либо слабенькая магия, либо кинжал «лилового». От первого его и спасет амулет, а от наемных убийц он просто убежит. Сядет на корабль и уплывет куда глаза глядят. Золота юнца должно хватить на оплату проезда. Гнева Митры и Сета монах не боялся. Он уже давно понял, что богам до людей нет никакого дела.

Таскать с собой кошель зингарцу показалось неразумным. «Лиловые» могли сообразить что к чему. Лучше всего деньги припрятать до поры до времени.

Монтейро подобрал с земли послуживший ему орудием камень. Тайник он решил устроить в стене обветшалого дома, за которым не столь давно скрывался.

При помощи кинжала, взятого с трупа одного из грабителей, он увеличил то отверстие, из которого вынул камень. Кладка сильно пострадала от времени, и работа протекала вполне споро. Когда зингарец счел углубление достаточным, он заложил в него кошель с монетами, а затем вернул камень на его законное место.

Монах придирчиво осмотрел получившийся тайник. Результатами работы остался доволен и поспешил прочь от места схватки юнца и разбойников. Монтейро не горел желанием разделить участь того бедняги, что взялся доставить кольцо сыну поверженного воина.

Очень некстати заболела голова. Только видений сейчас не хватало!

Краски стали блеклыми-блеклыми.

На мир опускалась тьма

Боль стала привычно невыносимой.

Еще немного, и откроется очередная история человеческого несчастья.

Солнце почти не изменило положения в небесах над Сартосом. Монтейро стоял посреди улицы. Еще ни в одном видении он не ощущал себя таким бестелесным.

Люди, один за другим, проходили сквозь него. Чувство было очень неприятное.

К тому же совершенно не ясно, что здесь искать. Кто главный герой этого представления? Как выделить его среди десятков прохожих? Монтейро не терпелось поскорее разобраться с этим видением.

— Груши, спелые груши! — толстый торговец чинно вышагивал по середине улице.

Зингарец не сразу понял, чем этот человек привлек его внимание. Такой же призрак, как и все остальные.

— Покупайте груши! — настаивал толстяк — Отдаю почти задаром!

К нему подбежал мальчик лет семи и протянул медную монетку.

— Дайте мне одну, — попросил он торговца. — Самую сладкую.

— Конечно, — ответил толстяк, выбрал из своего короба самый большой и спелый плод и отдал его мальчишке.

— Спасибо, — поблагодарил торговца паренек.

Тут до Монтейро наконец дошло, что эти двое были единственными из призраков, кто хоть

что-то говорил. Остальные открывали рты, но звуков не издавали.

Оставалось выяснить, кому из этих двоих суждено умереть на глазах Монтейро. Пути торговца и мальчишки стремительно расходились. Надо было быстрее решать. Зингарец наугад выбрал мальчика. Если он ошибся, видение скорее всего направит его на путь истинный.

«А вдруг они оба могли стать главными героями? — подумал Монтейро. — Но умереть суждено только тому, за кем я последую».

Монах попытался отыскать в толпе торговца грушами. Его жизнь представлялась зингарцу менее ценной. Улица, как назло, оказалась переполненной. Призраки спешили по своим делам и надежно скрывали толстяка. Монтейро уже сделал первый шаг в ту сторону, куда шествовал торговец, надеясь нагнать его, пользуясь своей бестелесностью, но в тот же миг мир развернулся. Зингарец, против своей воли, последовал за прыгающим на одной ноге мальчиком.

— Прости, пожалуйста, — сказал ему монах.

Мальчик смеялся, ел грушу, разговаривал сам с собой. Монтейро молча шел за ним. Выражение лица у монаха было самое траурное. Он знал, что смерть где-то рядом. Еще немного, и она заберет с собой мальчишку.

Зингарец от злости скрежетал зубами. Как никогда, ему хотелось вмешаться. Или хотя бы ускорить события, ожидание становилось невыносимым.

Мальчик доел свою грушу и забросил огрызок

на крышу одного из домов. Несколько прохожих погрозили ему пальцами и что-то сказали. Монтейро их слов не разобрал.

— Умирай же, наконец! — взмолился монах.

Словно в ответ на его просьбу мальчик остановился перед дверью красивого двухэтажного здания. Постучался. Из дома вышла красивая статная женщина и что-то сказала ребенку.

Мальчик кивнул. Женщина опять его о чем-то спросила. Он в ответ рассмеялся. Монтейро заметил, как эти двое похожи друг на друга. Скорее всего, женщина — это мать мальчика.

Какое-то время они еще беседовали на пороге, а потом женщина взяла сына за руку и увела внутрь дома. Шел тот с явной неохотой.

Монтейро не оставалось ничего иного, кроме как последовать за ними. Он сделал шаг к двери и приготовился пройти сквозь неё. Но она почему-то оказалось вполне осязаемой, равно как и стены. Видение не желало пускать Монтейро в дом.

Все это было очень необычно. Монах присел на корточки и стал ждать. Больше он ничего выбирать не будет.

Но долго отдыхать зингарцу не пришлось. Царившую тишину прорезало злое шипение. Источником его была змея. Извиваясь она поползла к большому глиняному кувшину, стоявшему у дома по соседству, и заползла внутрь.

Монтейро подошел поближе, желая знать, что будет дальше. За жизнь свою он не волновался. Видения не ставили своей целью убить его, они выбирали другие жертвы.

Но на этот раз, похоже, обошлось и вовсе без смертей.

Спустилась тьма.

Вернулась боль.

Но лишь затем, чтоб через миг погаснуть.

Вновь появились краски.

Как выяснилось, зингарец совершенно зря беспокоился. За время видения, вблизи не появилось ни одного «лилового». Похоже, грабители неспроста выбрали для промысла именно это место. Любопытством жители окрестных домов не отличались.

Монтейро даже не пытался отыскать ту дорогу, по которой он сюда пришел. Так не выберешься, а скорее еще больше заплутаешь. Монах просто решил идти прямо на полдень и никуда не сворачивать.

План сработал замечательно. Не прошло и четверти колокола, как зингарец очутился на оживленной улице.

Удача к нему возвращалась! Вот и видение на этот раз закончилось благополучно. Зингарца очень угнетала мысль, что он своим поспешным выбором мог лишить мальчишку жизни. Быть зрителем — это одно, а выступать в роли судьи совсем другое.

— Добрый человек, — обратился Монтейро к одному из прохожих, — не укажете путь к постоялому двору «Морской Змей»?

— Вам сейчас по этой улице, — начал объяснять дорогу немолодой стигиец, — в сторону заката идти надо. Как увидите трехэтажный серый

дом, сворачивайте направо. Потом прямо, и через четверть колокола прям к «Змею» и выйдете.

— Спасибо вам, — поблагодарил стигийца Монтейро.

Только он собрался последовать по указанному пути, как взгляд его уперся в толстого торговца, несшего на шее короб с фруктами.

— Груши! Спелые груши!

Опять. Зингарец был готов головой об землю биться. Когда же этот кошмар наконец закончится?! Он начал высматривать в толпе мальчишку. Если верить видению, он вот-вот должен был подойти к торговцу.

— Самые вкусные груши! Самая низкая цена!

Толстяк продолжал зазывать к себе покупателей. Вот только в реальном мире торговля у него не клеилась. Груши никто не желал приобретать, в том числе и мальчишка.

Ободренный увиденным зингарец двинулся в таверну, тихонечко насвистывая мотивчик песенки про злостное предательство. Стесняться было нечего. Если кто и заметит, так решит, что блаженный.

— Дяденька, смотри, какой у меня кувшин!

Голос был удивительно знакомым. Монтейро не потребовалось много времени, чтобы понять, кому именно он принадлежит.

Зингарец очень медленно повернул голову. Мальчишка сидел на том же месте, что и Монтейро в призрачном мире. Вот только кувшин находился не у дома напротив, а стоял прямо перед мальчишкой.

Монах посмотрел на солнце. По сравнению с видением оно немного сместилось в сторону заката. Это означало, что у мальчишки было в запасе время, чтобы оттащить кувшин к своему дому, а змея уже успела заползти внутрь.

— Правда, большой? — спросил паренек у зингарца и начал просовывать руку в горло сосуда. Она не пролезала, но мальчишка не сдавался.

Одно слово. Хватит всего лишь одного слова, чтобы спасти эту жизнь. А можно просто взять и вырвать кувшин со змеей из рук мальчишки.

Но тогда он сделает очередной шаг к безумию. А это было совершенно невозможно, тем более сейчас, когда он обрел ключи к спасению. Но и смотреть на смерть ребенка он был не в силах. Заветные слова уже вертелись на языке, и рука была занесена, готовая вышибить кувшин с ползучим гадом.

Но время шло, а зингарец так и стоял. Мальчишка пропихнул руку внутрь, а через мгновение громко вскрикнул.

Монтейро отвернулся от него и пошел прочь. Он так и не смог сделать выбор. Эта смерть всё-таки осталась на его совести.

Оставшееся до постоялого двора расстояние зингарец преодолел без приключений. Может, наконец повезло. А возможно, причина крылась в странном приказе Карфота, обращенном к одному из «лиловых». Монтейро расслышал лишь одну фразу, но и она заставляла задуматься. Зеленоглазый велел «отсечь все концы, ведущие к монаху». По своему положению в иерархии сти-

гийских магов Карфот явно стоял повыше подмастерья.

В «Морском Змее» Монтейро был однажды. Он и еще двое монахов приходили сюда, чтобы забрать «внезапно почувствовавшего слабость» брата. Заведение зингарцу не понравилось. После прибытия на Побережье у него выработалась стойкая неприязнь к магии во всех её проявлениях. За причиной далеко ходить было не надо. Конечно же, дело было в проклятье.

Монах молча прошествовал сквозь обеденную залу к лестнице. Правда, не удержался и бросил короткий взгляд на сцену, где юные прелестницы снимали с себя последние остатки и так не богатого гардероба. Косых взглядов, о которых предупреждал «лиловый», почему-то не наблюдалось.

Комната, как и сказал Карфот, оказалась не заперта. Обстановка внутри и вправду располагала скорее к развлечениям, а не переговорам. Главным местной достопримечательностью вне всякого сомнения являлась гигантских размеров кровать. На ней без труда уместилось бы человек семь-восемь. А вот стул в комнате был один, равно как и стол.

Монтейро присел на краешек царского лежбища, сложил руки на коленях и стал ждать. Волнение, охватившее монаха, было столь велико, что мысли его пришли в оцепенение. Он просто сидел, смотрел в одну точку и страшно переживал.

Из этого ступора его вывел стук в дверь.

— Да, — отозвался монах.

— Это Рашил, — донесся голос из-за двери. — Я могу войти?

— Конечно, — возможно, с излишней поспешностью произнес зингарец.

Представителем Хозяев оказался полноватый офирец с очень приятным лицом. Даже полностью лиловый камзол не мог развеять того ощущения доброжелательности, что исходило от этого человека.

— Вы, я так полагаю, Монтейро?

Монах кивнул.

— Замечательно, — сказал Рашил. — Карфот поручил мне заключить с вами сделку. Если вы не передумали?

— Нет, — подтвердил свои намерения Монтейро. — От договоренностей я отступать не намерен.

— Просто прекрасно, — всплеснул руками офирец. — Знаете, столь редко среди митриан попадаются разумные люди.

Зингарца аж перекосило от двусмысленности фразы.

— Вы не обиделись? — поспешил поинтересоваться Рашил. — Я не собирался говорить про ваш орден гадости, но отрицать некоторую закостенелость мышления просто невозможно.

— Всё в порядке, — развеял его сомнения Монтейро. — Что вы желаете получить в обмен на спасение от проклятья?

— У вас хорошая хватка, молодой человек, — похвалил зингарца Рашил. — Стремитесь сразу разрешить все вопросы.

— Спешу уладить свою проблему, — не стал кривить душой Монтейро.

Зингарец и вправду очень боялся, что его накроет очередное видение. А может статься и не одно.

— Не всё так просто, — сказал офирец. — Вы несомненно превосходно ориентируетесь в вопросах веры, но я всё-таки уточню пару деталей. Монтейро, вы осознаете последствия своего поступка?

— Почему вы все пытаетесь меня разубедить? — поинтересовался зингарец. — Сначала Карфот, теперь вы. Какое вам дело до моих отношений с богами?

— Платой за нашу услугу, — ответил Рашил, — явится ваша служба. Вы будете держать нас в курсе всех событий, происходящих в вашем ордене. Иногда мы будем поручать вам раздобыть те или иные сведения. Ответьте мне, Монтейро, зачем нам слуга, который не проживет и двух дней?

— Думаете, Митра меня покарает? — усмехнулся монах. — Он в Сартос и не заглядывает. В противном случае я бы с вами не говорил.

— Не судите о богах по человеческим меркам, — предостерег офирец Монтейро. — Это несколько иные существа. Они редко откликаются на молитвы, зато очень скоры на гнев. Мы отнюдь не жаждем уговорить вас отказаться от соглашения. Мы просто стараемся предостеречь от опрометчивых поступков. Возможно, Митра и не обратит внимания на вашу измену, подобное не

редкость. Только не надо считать, что вам всё дозволено. Храните верность постулатам своей религии.

— Вы советуете мне быть осторожным? — подвел итог Монтейро. — Такому совету просто нельзя не последовать! Вот только я это всё и сам знал.

— Не злитесь, — обратился Рашил к зингарцу. — Вряд ли вы сейчас способны испытывать добрые чувства к своему богу, так что я был просто обязан затронуть вопрос о гранях дозволенного. Я очень рад слышать, что вы в курсе возможных последствий и наступления их не желаете.

— Простите, — сказал Монтейро. — Я немного погорячился. В последнее время я сам не свой.

— Ничего удивительного, — позволил себе колкость Рашил. — Но теперь всё будет в порядке. Я сейчас возьму у вас пару капель крови, и к полуночи мы освободим вас от власти проклятья.

— Просто так? — удивился зингарец. — Я думал, будут какие-то условия.

— Я уже сказал, — ответил ему «лиловый». — Верная служба. Когда нам потребуется доклад, мы призовем вас. Вот и все условия. Можете считать, что договор вступил в силу.

Монтейро только и смог что кивнуть.

— Дайте мне вашу руку, — сказал Рашил.

Офирец достал из ножен кинжал, взял со стола маленькое серебряное блюдо и сделал небольшой надрез на кисти монаха.

— Всё, — сказал «лиловый», когда накопало достаточно крови. — Отправляйтесь к себе и ни о чем не беспокойтесь.

— Был рад знакомству, — сказал Монтейро и откланялся.

Несмотря на огромное желание пропустить пару бокалов вина, в «Морском Змее» монах задерживаться не стал. В гнев богов он, конечно же, не верил, зато искренне опасался, что настоятель или какой другой дотошный монах сумеет прознать про заключенную им сделку.

Хотя бы первое время стоит вести примерный для митрианца образ жизни, чтобы ни у кого подозрений не возникло. Стигийцы ведь тоже наверняка за ним следить будут. Их внимание следовало непременно усыпить. И лишь когда всё утрясётся, можно будет отправляться на поиски защитного амулета.

За сегодняшний день Монтейро прилично походил по Сартосу, и сейчас его ноги ныли от усталости. Он мечтал поскорее добраться до своей кельи и отдохнуть.

— Давай убьем его!

Слова эти прозвучали очень странно. Слышны они были замечательно, но исходили откуда-то совсем издалека. Точно таким же образом Монтейро вчера подслушал беседу отца-настоятеля и неизвестного дельца с базара.

Но тут дело было другое. Монтейро нутром чувал, что обладатель голоса предлагал отнять именно его жизнь.

— Это не он, чудак! Неужели сам не видишь?!

Монах начал озираться по сторонам. Жизненно важно было увидеть говоривших. Но народу вокруг было слишком много, да и расстояние до потенциальных убийц неизвестно какое.

— В нем тоже есть сила.

— Не спеши! Ждать осталось совсем недолго. Он скоро будет здесь.

— Сначала монах!

И тут зингарец их заметил. Двое немолодых людей, что подпирали спинами стену желтоватого дома.

Один из них устремился к Монтейро.

Монах отступил на шаг и приготовился бежать, но неожиданно убийца словно потерял интерес к его персоне. Зингарцу показалось, что он заметил в толпе кого-то знакомого и пожелал остаться неузнанным. Причем желание это было настолько сильным, что он и думать позабыл о монахе.

Монтейро порадовался такому раскладу. Тем более что перстень на правой руке убийцы заставил его похолодеть от ужаса. Он был выполнен в виде золотого павлина. Этот человек был саббатейцем.

До обители зингарец добирался чуть ли не бегом. При этом постоянно озирался по сторонам. И лишь когда оказался у заветных дверей, смог облегченно вздохнуть.

Большинство монахов посматривало на зингарца с плохо скрываемым сочувствием. Монтейро было немного жаль, что никто из них так и не полез к нему с лекциями о пользе молитв и сми-

рения. Зингарцу очень хотелось поскорее начать разыгрывать примерного монаха.

«Надо вечером зайти к настоятелю, — подумал он. — Извиниться за необдуманные слова. А сейчас к себе — спать».

Добравшись до кельи, Монтейро немедленно завалился на лежанку. Раздеваться не стал. Сил на это уже не осталось.

Сон к зингарцу пришел скоро. Вот только был он не совсем обычный. Вернее говоря, до прибытия на Побережье Монтейро счел бы его странным.

Вновь монах парил в темноте.

Это видение положительно отличалось от всех прочих. Оно было одновременно и непонятным, и радостным. Здесь не было места горю.

— Иди ко мне, — звал Монтейро огонь, сияющий во тьме.

И зингарец следовал зову. Плыл на свет своего маяка. Огонь этот был необычным. Он казался монаху частью окружающей его темноты. Впрочем и сам он был плоть от плоти этой темнотой.

— Найди меня. Поскорее.

Огонь стал ближе. Зингарец разглядел в его сердце человеческое лицо. Черты разобрать пока не получалось. Всё-таки слишком далеко.

Но ничего, у него еще будет время.

Монтейро не сомневался, что это не последний визит в темноту.

Глава 11

О необычных вещах

Магический свет, рождавшийся из стен внутри поместья, вызывал у Конана чувство легкого раздражения. Киммериец предпочел бы, чтобы освещение было несколько слабее и имело естественное происхождение. Но это были придирки. Пока всё шло просто замечательно. Проникнуть внутрь поместья труда не составило. Перескочить забор, обойти пару ловушек во дворе и забраться в окно второго этажа — для опытного вора плевое дело.

Хотя именно идеальность происходящего и настораживала Конана.

План проникновения в цитадель Хозяев окончательно оформился только этой ночью, то есть три колокола назад. В нем были совмещены наработки киммерийца и главы сартосских воров. Основной идеей его являлась простота.

К чему придумывать всякие хитрые магические уловки, когда достаточно проявить смекалку? «Лиловый» достал для киммерийца доспех стражника поместья и обучил его основным условным знакам. Для верности решили повязать на правую руку кусок лиловой ткани. Так собственно и была решена проблема невозможности скрытного передвижения по поместью.

Также «лиловый» клялся и божился, что к киммерийцу вообще цепляться бы не стали, хоть он голый внутри появись. Хозяева в последние дни приобрели привычку не совать свой нос в чужие дела. «Лиловые» вроде как тоже начали эти наклонности перенимать. В чем причина, неизвестно. Но факт оставался фактом.

Самые оживленные споры возникли насчет путей передвижения по поместью. Конану одни ловушки казались менее смертоносными, «лиловому» другие. В итоге, при выборе решено было исходить из степени людности тех или иных коридоров. Там, где постоянно много народу ходит, капканы ставить нецелесообразно.

С сокровищницей все было просто. Её охраняли двое «лиловых».

К ним в данный момент Конан и приближался. Эти двое стали первыми людьми, встреченными киммерийцем в поместье. Конана предупреждали, что внутри безлюдно, но что настолько, он себе и представить не мог.

Киммериец уверенной походкой приближался к стражникам. За свою жизнь Конану случалось побывать и десятником, и сотником, и тысячни-

ком, так что он отлично знал, как должен выглядеть человек, проверяющий стражу.

И вновь всё прошло, как по маслу. «Лиловые» вместо того, чтобы забрасывать Конана глупыми вопросами «кто такой», «откуда», вытянулись по струнке.

Киммериец подошел к ним на расстояние удара коротким кинжалом и совершил то действие, в честь которого было названо данное расстояние. Стражи, не издав ни звука, осели на пол.

С формальностями на входе было покончено.

Разумеется, Хозяева не надеялись, что двое стражников сумеют защитить их собрание артефактов. Они здесь стояли только для виду.

Главной проблемой была дверь. Но когда у тебя есть сообщники среди «лиловых», всё преодолимо. Заправила воровской организации, контролирующей базар Сартоса, выдал Конану одно замечательное колечко. Оно служило своеобразной отмычкой для дверей в сокровищницу. Откуда это чудо взялось, киммериец так и не выяснил.

Конан достал из нагрудного кармана сей артефакт, надел его и приложил к замочной скважине. Металл, из которого было сделано кольцо, миг стал жидким и заполнил собой пространство замка. Через несколько мгновений раздался щелчок, и двери отворились.

Как просто воровать у тех, кто мнит себя полностью защищенным!

Сокровищница киммерийцу понравилась своей организацией. Порядку, царившему внутри, можно было только позавидовать. Все предметы

были аккуратно рассортированы и разложены по стеллажам.

Киммериец затащил внутрь сокровищницы тела поверженных стражников. На полу остались кровавые разводы, но лучше это, чем два трупа.

Деревянная чаша, за которой и послали киммерийца, по словам «лилового» лежала на девятом стеллаже, если считать справа. К несчастью, помимо неё там хранилось немало других мелких по своим размерам артефактов. Так что чашу удалось обнаружить не сразу. Стояла она преподано, на самой нижней полке, надежно прикрытая фигуркой льва с удивительно большими глазами.

Чашу Конан забрал и отправился на поиски второго артефакта, которому предстояло сегодня покинуть сокровищницу. «Лиловый» описывал его как кусок горного хрусталя. Действие его было подобно тому, что продемонстрировало кольцо-отмычка. Только хрусталь не отпирал замок, а взламывал дверь и делал это очень основательно, сметая все защитные заклятья. Самое приятное, что шуму он не производил и спокойствие магического поля не тревожил.

Хранился хрусталь на семнадцатом стеллаже. Как и девятый, он был заполнен великим множеством крохотных артефактов.

Конан тихо выругался и приступил к поискам.

Но стоило ему обнаружить хрусталь и положить его в карман, как в сокровищнице послышались шаги. Киммериец замер. Неведомый лю-

битель погулять по хранилищу артефактов. приближался к семнадцатому стеллажу.

Конан приготовился его встретить. На восемнадцатом стеллаже лежало зачарованное оружие. Киммериец с собой в поместье взял лишь два кинжала, так что грех было не позаимствовать у магов что-нибудь более внушительное. Выбор пал на длинный одноручный меч. Киммериец на цыпочках подошел к окончанию стеллажа и занес меч над головой, приготовившись опустить его на ночного гостя.

Шаги раздавались всё ближе и ближе. И вот из-за стеллажа показался человек. Конан ударил, но незнакомец успел отреагировать, выставив своё оружие под удар.

Киммериец попытался левой рукой врезать противнику по печени, но тот отпрыгнул на шаг назад.

Конан его узнал. Перед ним был маг первого круга приближения, Арзарес. «Лиловый» дал точное описание. Этот парень и вправду был довольно крупным и меч умел держать.

Но киммерийца личность Арзареса интересовала сейчас постольку поскольку. Куда важнее было его прикончить.

Конан нанес рубящий удар слева. Арзарес закрылся и попытался контратаковать. Киммериец не стал отводить его меч, а отпрыгнул вправо, одновременно пытаясь поразить мага снизу.

Арзарес защитился, но довольно неуклюже. Конан, воспользовавшись этим, перешел в атаку. Один за другим он обрушивал на стигийца уда-

ры огромной силы. Тот по большей части их отводил, жалея кисти рук.

На миг Конан открылся, давая возможность магу перейти в атаку. Арзарес лезть вперед сломя голову не спешил. Вместо этого он сделал шаг назад и приготовился к защите. Но на этот раз не суматошной, а расчетливой, из которой в любой миг мог бы контратаковать.

Киммериец попытался достать мага выпадом. Тот успел отскочить и рубанул справа сверху вниз. И тут Конан вместо того, чтоб закрыться, как этого ожидал стигиец, неувовимым движением поднырнул под меч и попытался ударить Арзарес по ногам. Маг каким-то чудом успел перехватить ту руку киммерийца, в которой находился меч, но вот остановить полет левого кулака в район печени ему было не суждено.

Ноги у мага подкосились, и он упал. Киммериец занес меч, чтобы добить его и... застыл, не в силах пошевелиться.

— Хорошая была схватка, — сказал Арзарес, поднимаясь на ноги, — но надо и честь знать. По-размялись, теперь можно и делом заняться. Ты на меня зла не держи, вор, что убить себя не позволил. В бою ты честно победил, я это не отрицаю.

Всегда, когда дела идут слишком хорошо, происходят подобные гадости. Что могло заставить мага первого круга придти в сокровищницу в предрассветный колокол? Сет его знает, а ведь заставило что-то!

— Сейчас я сниму с тебя часть уз, — сказал

Конану стигиец. — Будь добр, не делай глупостей, всё равно ничего хорошего не выйдет.

Конан отлично помнил, что «лиловый» рассказывал об Арзаресе. Он невероятно талантливый маг, но при этом почти необученный. Что из этого следовало? То, что можно и послушаться рекомендаций Арзареса и попытаться сделать глупость. Хуже уже быть не может.

Стигиец начал бормотать заклинание. Конан приготовился.

В миг, когда узы спали, киммериец рванулся за стеллаж со всей скоростью, на которую был способен. На стигийце, скорее всего, лежало какое-то защитное заклятье, что парализовало Конана, когда он пытался зарубить мага. Значит, нечего и пытаться достать его с помощью стали. В конце концов, кулаки тоже оружие.

Арзарес, видать, с расстройства не подумавши, сунулся за киммерийцем. Но тот и не думал убегать. Конан притаился прямо за углом стеллажа. И стоило показаться голове Арзареса, как на неё обрушился сильнейший удар справа. Будь на месте мага кто послабее, валяться бы ему со сломанной шеей. Стигиец же даже сознания не потерял. Он попытался было произнести заклятье, но кулак киммерийца, врезавшийся ему в челюсть, не позволил этого сделать. Удар этот отправил мага в полет, завершившийся приземлением головой об пол.

Стигиец наконец потерял сознание.

Конан только обрадовался победе, как обнаружил, что снова заколдован.

«Дурак! — обругал себя киммериец. — Надо же было так сглупить! Забыл, с кем дело имею. Неужели маг только от стали защищать себя станет? Заклятье, наверняка, с десятков невзгод учитывает».

Пришлось ждать, пока Арзарес очухается.

Вот и представился случай выяснить, будет ли хуже, чем во время первого пленения.

Маг сначала застонал, потом зашевелился. Какое-то время он пребывал в некоем полуочнувшемся состоянии. Потом, видимо, вспомнил, что с ним случилось, и сразу резко встрепенулся. Увидел застывшего в дурацкой позе Конана и довольно улыбнулся.

— Ты, я гляжу, не дурак, — сказал маг, ощупывая челюсть. — Впредь буду осторожнее.

Повторять попытку частичного освобождения пленника Арзарес не стал. Вместо этого ушел куда-то вглубь стеллажей. Проследить за ним киммериец не мог, голова не поворачивалась.

Через некоторое время где-то сзади и справа раздался шум от падающих с полок артефактов. За этим последовало короткое, но емкое ругательство на стигийском.

Пред Конаном Арзарес предстал вместе с небольшим синим кубиком в руках.

— Ты уже можешь говорить, вор, — сообщил Конану маг.

— Приятно слышать, — скорее для проверки, а не ради куртуазности произнес киммериец.

Кубик вдруг изменил свой цвет на зеленый.

— Замечательно, — объявил Арзарес. — Арте-

факт воспринял тебя, вор. Он будет определять, говоришь ты правду или врешь. Мои возможности в магии несколько ограничены, так что эта штучка самое то для нашего случая.

— У меня светлые волосы, — сказал киммериец и посмотрел на кубик. Тот стал красным, но вскоре вновь вернул себе привычный зеленый окрас.

Стигиец улыбнулся.

— Видишь, работает, — довольно сказал он. — Отвечай, вор, за чем именно ты сюда влез?

— За артефактом, — ответил киммериец.

— Не тяни время, — недовольно произнес Арзарес.

— За маленькой деревянной чашей, — уточнил киммериец.

Половина кубика стала красной, другая осталась зеленой.

«Мудрая штука», — подумал Конан.

— Еще за чем?

— За куском горного хрусталя, отпирающим двери.

Кубик стал целиком зеленым. Арзарес удивленно переводил взгляд с артефакта на киммерийца.

— Ты знаешь, для чего служит чаша? — спросил маг.

— Нет.

— Кто нанял тебя?

— Я не знаю его имени.

Арзарес недовольно нахмурился, но кубик показывал, что Конан говорит чистую правду.

— Тогда Расскажи мне об этом человеке?

— Он — вор. Внешне самый обыкновенный стигиец. Знаю, что у него есть друзья среди «лиловых».

— Он приказал тебе добыть чашу и хрусталь?

— Нет, только чашу. Хрусталь я собирался оставить себе.

Тут маг громко расхохотался. И очень долго не мог остановиться. Разве что только по полу не катался.

— Давно я такого удовольствия не получал, — признался Арзарес, чуть успокоившись. — Сначала драка хорошая, а теперь допрос, как в старые добрые времена. Знаешь, вор, я ведь раньше стражником работал. Скольким твоим собратьям мне языки приходилось развязывать, уж и не припомнить! Хороший ты вор, парень. Знатно от ответов уходишь.

Конану вспомнилась собственная молодость, когда его точно так же допрашивали шадизарские дознаватели.

— Пытать, я думаю, тебя бесполезно, — продолжал стигиец. — Но тут есть множество забавных вещей, способных заставить человека говорить против его воли.

— И как же это? — любопытно спросил Конан. За долгие годы схваток с магами он усвоил, что ментальная магия самая сложная, а в её разделы, связанные с чтением мыслей, лезли только самые упорные колдуны.

— Не знаю, — признался Арзарес. — Но артефакты рабочие. Проверено. Вот только я их к те-

бе применять не буду. Я лучше заставляю тебя послужить мне.

Ответить Конан не успел. Маг вновь скрылся из поля его зрения.

Вернулся он еще с одним артефактом. Киммерийцу показалось, что он его уже видел. Вроде бы, на десятом стеллаже. Выглядел артефакт как переплетенные между собой четыре тонкие веточки.

— Это хитрое приспособление, — начал разъяснение Арзарес, — служит для того, чтобы направлять волю человека в определенное русло, не подавляя её. С одной стороны, вор, ты будешь полностью свободен. С другой, просто не сможешь не выполнить моего приказа.

— Не понимаю, — признался Конан. Если уж маг решил рассказать, как артефакт действует, то надо выпытать из него все подробности, чтобы знать, как с влиянием этой штуки бороться.

— Тяжело объяснить, — сказал стигиец. — Я сам лишь однажды видел, как этим пользовались. По значимости моя воля сравнивается с исполнением одного из твоих заветных желаний. Ты сам захочешь поскорее исполнить мой приказ, но при этом не будешь делать таких глупостей, что непременно сотворил бы, пребывая под заклинанием «контроля». Еще мне придется тебя немного ограничить в плане этого нашего разговора. Здесь я применю обратный эффект. Сама мысль о том, чтобы рассказать кому-нибудь, что поход за артефактами окончился неудачей, будет вызывать у тебя отвращение.

Возможности артефакта произвели на Конана впечатление. Что же тогда должна делать чаша, если «лиловый» велел утащить её, а не эти четыре ветки?

— И в чем же будет состоять твоя воля, маг? — спросил киммериец у Арзареса.

— Не спеши, — сказал маг. — Сначала задействую артефакт, а потом всё расскажу.

У Конана не оставалось иного выбора, кроме как согласиться подождать. С четырьмя ветками Арзарес работал долго, трижды начинал заново своё обращение к артефакту. Прав был «лиловый», маг сильно необученный.

Когда стигиец закончил возиться с ветками, Конан этому вполне искренне обрадовался, не смотря на то, что заколдовывать собирались именно его.

— Слушай внимательно и не перебивай, — велел Арзарес киммерийцу. — Это может плохо сказаться на магии артефакта. Тогда придется всё заново переделывать. Если появятся вопросы, задашь их, когда я закончу. Понятно?

— Вполне.

— Пять дней тому назад, — начал рассказ стигиец, — у нас в поместье появился дух, магическое существо, близкое по возможностям к полубогу. Он занял тело одного из стражей. Звали того парня Ксarti, это же имя принял и дух. К нам он обратился за помощью в поисках трех существ, похожих на него. Ксarti называет их братьями. Четыре дня мы безуспешно разыскивали их по всему Сартосу. Не обнаружилось ни

малейшей зацепки, где они могли бы скрываться. Вчера же днем к дверям нашего поместья подошел немолодой туранец и попросил его провести к стражнику в библиотеке. Имен он не называл, но крутившиеся у ворот младшие маги сразу поняли, о ком идет речь. Визитера без промедления препроводили к Ксарту. О дальнейших событиях я знаю только со слов духа. Туранец рассказал ему, что является членом некоего Общества. Они ставят своей целью помочь исчезнувшему столетия назад полубогу вернуться в наш мир и обрести бывшее величие. Им совсем недавно открылось, что полубог, которого они ждут, возродится в Сартосе. И они прибыли сюда, чтобы слиться с ним, но возникла проблема. Когда они проводили обряд, то вместо одного полубога они увидели четырех. И первым был именно он, Ксарт. О том, что случилось дальше, дух умолчал. Известно лишь, что встречи с Ксарту туранец не пережил. Через два колокола после того, как Дамар, а именно так звали того человека из Общества, вошел в покои Ксарту, дух призвал к себе троих магов первого круга приближения. Одним из них являюсь я. Ксарту пересказал нам то, что поведал ему туранец, и призвал обратить внимание на его труп. В теле Дамара скрывалась удивительная по своей структуре и силе магия. Туранец не был человеком в полном смысле этого слова. Похоже, его слова про слияние были истинной правдой. То, что лежало перед нами, могло стать идеальной оболочкой для высшего существа. Но Ксарту утверждал, что заделана она не под него. Он ве-

лел нам найти двух оставшихся членов Общества и убить их. Я же поручаю это задание тебе.

Четыре палки на миг вспыхнули золотом, а затем погасли.

— Я так полагаю, есть вопросы, — предположил Арзарес.

— Множество, — ответил Конан. — Для начала, маг, есть ли описание этих двоих?

— Нет, — покачал головой стигиец. — Дамар погиб прежде, чем успел о них рассказать.

Походило на то, что или полубог очень трусливый, или в теле туранца крылась настолько серьезная магия, что его следовало как можно быстрее убить.

— Плохо, — сказал киммериец.

— Возможно, они, как и туранец, носят кольцо с вделанным в него крупным самоцветом. Наверняка, на их телах такая же татуировка, как у Дамара. Сейчас покажу.

В сознании Конана возник замысловатый рисунок.

— «Лиловые» занимаются поисками? — задал следующий вопрос киммериец, по ходу отметив, что он и в самом деле жаждет отыскать тех двоих. То, что желание это искусственно сотворенное, на решимости никак не отражалось.

— Пока нет, — сказал Арзарес. — Но сегодня на рассвете они получат инструкции. Сначала Ксарту хотел возложить поиски членов Общества исключительно на плечи Хозяев, но передумал.

— Значит, вчера ту парочку искали только маги?

— И то не все. Думаю, от «лиловых» толку будет больше. Ну, и на тебя я тоже надеюсь. Знаешь, вор, я считаю, что надо тебе назначить награду. Так будет надежнее. Артефакт — это хорошо, а корысть лучше.

Конан понял, что его шанс. Арзарес не доверял своему волшебству, так что о награде он говорил, скорее всего, серьезно.

— Что ты можешь мне предложить? — поинтересовался киммериец.

— Спрашивай, а я отвечу, лежит ли это в пределах моих возможностей.

И киммериец решил рискнуть.

— Мне нужен пес, который сейчас у Биреса.

— Так вот зачем ты сюда влез! — догадался Арзарес.

— Отдайте мне пса, и я вам тех двоих из-под земли достану.

— Интересный ты парень, вор, — сказал Арзарес. — Я добуду для тебя собаку. В напоминание о славных днях моей юности. Клянусь Сетом.

— Приятно иметь с тобой дело, маг, — ответил киммериец.

— Взаимно, — усмехнулся его собеседник...

На этом приключения киммерийца не заканчиваются. В третьей части романа вы вновь встретитесь с полюбившимися вам героями. История пленников Камня продолжается...

СОДЕРЖАНИЕ

Терри Донован. Город кошек	7
Ник Харрис. Красное братство	100
Брэнт Йенсен. Хозяева побережья	171

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ"

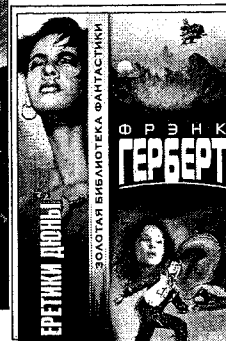
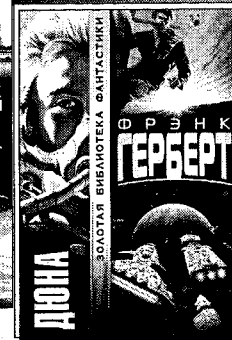
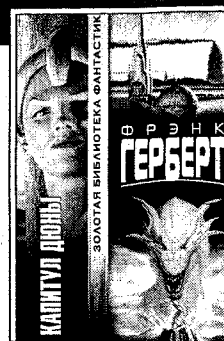

Лучшие произведения отечественных писателей-фантастов! Признанные мастера: Андрей Лазарчук, Евгений Лукин, Сергей Лукьяненко - и молодые, но не менее талантливые авторы: Владимир Васильев, Александр Громов и многие другие. Глубина мысли, захватывающий сюжет, искрометный юмор - все многообразие фантастики в новой серии нашего издательства.

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ - "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ДЮНА

В серии «Золотая библиотека фантастики» опубликован знаменитый сериал Фрэнка Герберта: «Дюна», «Мессия Дюны», «Дети Дюны», «Бог-Император Дюны», «Еретики Дюны», «Капитал Дюны».

Брайан Герберт, сын Фрэнка Герберта, в соавторстве с известным фантастом Квином Андерсоном создал трилогию «Прелюдия к Дюне»: «Дом Атрейдесов», «Дом Харконненов», «Дом Коррино». Узнайте предысторию столь хорошо знакомых вам событий!

Читайте в 2006 году в серии «Золотая библиотека фантастики» первый роман новой трилогии — «БАТТЕРИАНСКИЙ ДЖИХАД»!

По вопросам оптовой покупки книг издательства АСТ обращаться по адресу: Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж. Тел. 215-4338, 215-0101, 215-5513 107140, Москва, а/я 140, АСТ - «Книги по почте»

**ЛУЧШАЯ юмористическая фантастика —
ВО ВСЕХ ЕЕ ВИДАХ И ЖАНРАХ!**

Нахальная до гениальности пародия
«МАТРИЦА-ПЕРЕМАТРИЦА»
Братья Робертски
против братьев Вачовски!

Озорная «производственная комедия»
из жизни **ДЕМОНОВ АДА**
«СВЯТОЙ ДЕСАНТ» —
поклонники **МИФической**
эпопеи, не пропустите!

Разудалая ироническая
фэнтези **«ГРААЛЬЩИКИ»** —
Монти Пайтон XXI века!

**Вы думаете, Асприн и Сташеф —
«это наше ВСЕ»?!**

ЭТО ТОЛЬКО НАЧАЛО!

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140, АСТ — «Книги по почте».
Справки по телефону: **(095) 744 2917.**
Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА **аст**
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 1146, стр. 2, т. 287-45-69
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское ш., 86, корп. 1, 2-й этаж
- м. «Братеево», ул. Паромная, 9, корп. 1, т. 342-26-67
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «Выхино», Самаркандский б-р, 17, корп. 4, т. 372-40-01
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Кантемировская», ул. Кантемировская, 16, корп. 1, т. 320-01-22
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Люблино», ул. Совхозная, 20, т. 358-21-59
- м. «Марьино», ул. Борисовские пруды, 46, корп. 2, т. 342-33-23
- м. «Молодежная», гипермаркет «Ашан», Марфино, т. 795-07-32
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56,
4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелешкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89,
т. 783-97-08
- м. «Речной вокзал», Зеленоград, 3-й микрорайон, корп. 360,
т. 536-16-46
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1,
3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», ТЦ «Вэйпарк», 71-й км МКАД, 2-й этаж,
т. 741-46-05
- м. «Речной вокзал», Химки, гипермаркет «Ашан», т. 981-45-27
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07

- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Тульская», Варшавское ш., 9, Тульская ярмарка, 5-й этаж, т. 737-03-77, доб. 40-20
- м. «Тушинская», ул. Митинская, 36, т. 753-48-52, доб. 122
- м. «Шарицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Шукинская», Строгинский б-р, 1/2, т. 750-38-77, доб. 111
- м. «Тушинская», 65—66-й км МКАД, ТК «Крокус Сити», 2-й этаж, т. 942-94-25
- м. «Рязанский проспект», Рязанский пр., 76, корп. 3, т. 170-11-82
- м. «Семеновская», ул. Шербаковская, 35, т. 363-32-26
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 16, стр. 1
- м. «Текстильщики», ул. Юных ленинцев, 37, т. 178-20-00
- м. «Медведково», г. Мытиши, Осташковское ш., 1, гипермаркет «Ашан»
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Вологда, ул. Герцена, 118, т. (8172) 75-43-22
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95
- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «ТК», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 61, т. (3522) 46-29-22
- Курган, ул. Куйбышева, 109, т. (3522) 53-19-62
- Курган, ул. Пушкина, 108, т. (3522) 43-22-59
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Шадринск, ул. Комсомольская, 22, т. (35253) 5-02-18
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радишева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Курск, ул. Дзержинского, 86, т. (07122) 2-39-56
- Курск, ул. Гагарина, 2, т. (07122) 37-04-62
- Курск, ул. Сумская, 34/2, т. (07122) 32-42-11
- Курчатова, Коммунистический пр., 17, т. (07131) 4-12-84
- Железногорск, ул. Ленина, 16, т. (07148) 2-21-23
- Львов, ул. К. Маркса, 4/33, т. (07140) 2-40-12

- Обоянь, ул. Ленина, 51, т. (07141) 2-23-79
- Рильск, Советская пл., 6, т. (07152) 2-55-37
- Суджа, ул. Первомайская, 18, т. (07143) 2-29-75
- Шигры, ул. Красная, 42, т. (07145) 4-27-39
- Дмитриев, ул. Республиканская, 10а, т. (07150) 2-26-57
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Н. Новгород, пл. Горького, 1/61, т. (8312) 33-79-80
- Орел, Рыночный пер., 5, т. (0862) 43-71-30
- Батайск, ул. Кирова, 8, т. (86354) 5-67-44
- Донецк, ул. Ленина, 24, т. (86368) 2-27-25
- Новочеркасск, ул. Московская, 10, т. (86352) 2-30-53
- Азов, Петровский б-р, 3, т. (86342) 4-09-95
- Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 84, т. (8632) 40-63-87
- Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 199, т. (8632) 64-90-24
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рыбинск, ул. Ломоносова, 1, т. (0855) 52-47-26
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий», т. (812) 333-32-64
- Санкт-Петербург, Московский пр., 39/2, т. (812) 316-24-72
- Санкт-Петербург, Невский пр., 35, ст. м. «Гостиный двор»
- Смоленск, ул. Гагарина, 4, т. (0812) 65-53-58
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, пр. Ленина, 68, т. (3512) 63-01-01, 63-22-70
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Киров, ул. Комсомольская, 37, т. (8332) 54-38-91
- Киров, ул. Ленина, 88, т. (8332) 62-15-43
- Киров, ул. Пролетарская, 22а, т. (8332) 67-65-22
- Киров, ул. Ломоносова, 37, т. (8332) 25-35-77
- Кирово-Чепецк, пр. Мира, 41, т. (83361) 4-57-91
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Волжский, пр. Ленина, 6, т. (8443) 31-64-02
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38

- Находка, ул. Гагарина, 8, т. (42366) 3-41-11
- Арсеньев, ул. Жуковского, 29, т. (42361) 4-40-28
- Артем, ул. Фрунзе, 69, т. (42337) 4-26-78
- Большой Камень, ул. Приморского комсомола, 14, т. (42335) 5-72-09
- Дальнегорск, ул. 50-лет Октября, 59, т. (42373) 2-20-33
- Дальнереченск, ул. Дальнереченская, 59, т. (42356) 2-54-52
- Партизанск, ул. Ленина, 16, т. (42363) 0-25-78
- Владивосток, пр. 10-летия Владивостока, 44, т. (4232) 36-28-79
- Владивосток, ул. Светланская, 43, т. (4232) 22-31-93
- Владивосток, ул. Русская, 5а, т. (4232) 34-11-41
- Владивосток, Океанский пр., 140, т. (4232) 45-38-02
- Астрахань, ул. Советская, 17, т. (8512) 22-58-78
- Таганрог, ул. Чехова, 49, т. (8634) 36-03-04
- Братск, ул. Крупской, 27, т. (3953) 42-02-88
- Великие Луки, ул. Гагарина, 19, т. (81153) 5-17-91
- Великий Новгород, ул. Менделеева, 1, т. (81622) 2-37-29
- Мурманск, пр. Ленина, 67, т. (8152) 45-51-78
- Нижний Тагил, ул. Пархоменко, 20, т. (3435) 41-14-88
- Нижний Тагил, ул. Космонавтов, 10, т. (3435) 48-09-33
- Нижний Тагил, ул. Первомайская, 32, т. (3435) 41-98-52
- Новоуральск, ул. Комсомольская, 23, т. (34370) 3-17-08
- Стерлитамак, пр. Октября, 43, т. (3473) 24-10-64
- Стерлитамак, пр. Ленина, 31, т. (3473) 20-87-45
- Стерлитамак, пр. Ленина, 30, т. (3473) 43-16-58
- Самара, пр. Кирова, 301, т. (8462) 56-49-92
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Пенза, пр. Победы, 4, т. (8412) 42-45-35
- Рига, ул. Краста, 70, т. (8-10-371) 7-812-644
- Оренбург, ул. Туркестанская, 23, т. (3532) 41-48-06, 41-18-05
- Нижний Новгород, ул. 50-летия Победы, 6/2, т. (8312) 74-01-29
- Ульяновск, ул. Железной дивизии, 6, т. (8422) 41-47-36
- Тольятти, ул. Ленинградская, 55, т. (8482) 28-37-68, 48-31-56
- Пенза, ул. Куйбышева, 21/48, т. (8412) 32-40-78
- Киев, ул. Красноармейская, 57/3, т. (8-10-38-044) 227-31-36
- Луганск, ул. Сосюры, 137, т. (8-10-38-064) 234-58-11
- Мукачево, ул. Пушкина, 2, т. (8-10-38-031-31) 5-46-81
- Черкассы, ул. Шевченко, 256, т. (8-10-38-047) 236-08-40
- Запорожье, ул. 8 Березня, 32, т. (8-10-38-061) 264-19-00

- Запорожье, ул. Гоголя, 155/2, т. (8-10-38-061) 264-19-00
- Донецк, ул. Ильича, 93, т. (8-10-38-062) 290-50-30
- Донецк, ул. Артема, 147а, т. (8-10-38-062) 290-88-99
- Харьков, ул. Донец-Захоржевского, 6/8, т. (810-38-057) 700-44-29
- Омск, ул. Бударина, 36, т. (3812) 23-46-49
- Псков, ул. Пушкина, 1, т. (8112) 16-50-01
- Тюмень, ул. Орджоникидзе, 51
- Ульяновск, ул. Гончарова, 14, т. (8422) 41-65-12
- Ульяновск, пр. Гая, 76, т. (8422) 66-36-24
- Ульяновск, ул. Ворочая Михайлова, 41, т. (8422) 52-64-41
- Ульяновск, ул. Богдана Хмельницкого, 19, т. (8422) 48-40-13
- Самара, ул. Галактионовская, 130, т. (8462) 78-75-14, 32-74-44
- Самара, пр. Юных пионеров, 146, т. (8462) 59-45-52
- Тольятти, ул. Революционная, 60, т. (8482) 35-04-50
- Тюмень, ул. Республики, 155/1, т. (3452) 20-61-80
- Брянск, ул. Фокина, 31, т. (0832) 74-14-94
- Якутск, ул. Ярославского, 16/1, т. (4112) 42-40-27, 34-20-47
- Якутск, ул. Орджоникидзе, 5, т. (4112) 34-15-80
- Новосибирск, ул. Советская, 13, т. (3832) 23-35-20
- Новосибирск, ул. Бориса Богаткова, 262, т. (3832) 67-78-07
- Минск, пр. Машерова, 11, т. (8-10-375-17) 223-34-96
- Минск, пр. Франциска Скорины, 19, т. (8-10-375-17) 227-49-18
- Инта, ул. Куратова, 14, т. (82145) 6-05-93
- Томск, пр. Фрунзе, 102, т. (3822) 52-32-76, 52-33-35
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru
Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpab@aha.ru <http://www.ast.ru>

МЫ ИЗДАЕМ НАСТОЯЩИЕ КНИГИ

Литературно-художественное издание

КОНАН И КРАСНОЕ БРАТСТВО

Руководитель проекта *Дмитрий Иважнов*
Составитель *Наталья Баулина*
Художественный редактор *Игорь Богданов*
Верстка: *Ирина Федорова*
Технический редактор *Валентин Успенский*
Корректор *Светлана Митина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.2005 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 93
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
190121, г. Санкт-Петербург,
наб. кан. Грибоедова, 148-150, пом. 5Н, лит. А
conan@sp.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии
ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати»
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И САУРА ТУМАНА 64	КОНАН И ДИК ЗВЕРИ 65	КОНАН И ОБИТЕЛЬ ДРАКОНОВ 66	КОНАН И НАСАЖЕНИЕ МЕРТВЫХ 67	КОНАН И ЗАКАТ АРИОСА 68	КОНАН И ЛАЛА ПРИАТЬ 69	КОНАН И ТАИЩ ПУСТОТЫ 70	КОНАН И ПОСАДНИК МРАКА 71	КОНАН И ГОЛОС КРОВИ 72
КОНАН И ТЕНЬ ВЕТРА 73	КОНАН И ПРИНЦ ЗНАГАРЫ 74	КОНАН И ЖЕЛУТЖИНА ПУСТЫНИ 75	КОНАН И ДУХИ ГОР 76	КОНАН И СОКРОВИЩА ТАРАНТИИ 77	КОНАН И ПОВЕРГОВИИ КУБОК 78	КОНАН И УБИЙЦЫ ЧУДОВИЩ 79	КОНАН И СТРАШНОЕ МОРЕ 80	КОНАН И ПУТЬ ГЕРОЕВ 81
КОНАН И КАДМКА АЕСА 82	КОНАН И НАГРАДА НАЙМИНИКА 83	КОНАН И АЛЕНОН ЗАРИ 84	КОНАН И ПЛАМЯ ВОЗМЕДИИ 85	КОНАН И ТРОН ВЕДАМЫ 86	КОНАН И ЧЕСТЬ ИМПЕРИИ 87	КОНАН И МЕСТЬ БЕЛА 88	КОНАН И КАМЕНЬ ЖЕЛАНИИ 89	КОНАН И ВОМЬЛ БАШНЯ 90
КОНАН И КАЙТВА БАРБАРА 91	КОНАН И СКОПЕТР МАТА 92	КОНАН И ЖЕЛОТ ПАНТЕРА 93	КОНАН И АЛЕНКА АМУИИ 94	КОНАН И КРОСТЬ ТИТАЛОВ 95	КОНАН И ТАИНА ПЕСКОВ 96	КОНАН И РАВ ЭЛАСМАНА 97	КОНАН И ПОХОД ОБРЕЩЕННЫХ 98	КОНАН И МАРЫ КОЛАУНЫ 99
КОНАН И ГЕРОИ ХАЙВОРИИ 100	КОНАН И ЧЕРНОЕ СОЗНАНИЕ 101	КОНАН И НЕЗАКОННОЕ РОКА 102	КОНАН И ПИТОДА СЦА 103	КОНАН И РИТУАЛ ЛУНЦ 104	КОНАН И АЛЫ СТУПЦА 105	КОНАН И ТЕМНЫЙ ОХОТНИК 106	КОНАН И КАЛКИ АСУРЫ 107	КОНАН И СУД БОГИНИ 108
КОНАН И ЦИТ ВЕНДИИ 109	КОНАН И ЛЮКИ АХИРОНА 110	КОНАН И ОЖИЖИВШИЙ ОСТРОВ 111	КОНАН И АЛМОНЫ СТУПЦА 112	КОНАН И ЧАРОДЦА ЮНА 113	КОНАН И УБИЙЦЫ КАМНИ 114	КОНАН И КРАСНОЕ ВЕРИТЕЛЬСТВО 115		

ISBN 5-17-031828-6

9 785170 318285